SHELDON

СИДНИ

ШЕЛДОН

ОБРАТНАЯ СТОРОНА УСПЕХА

Самая удивительная история Сидни Шелдона — это ИСТОРИЯ ЕГО ЖИЗНИ!

The International Bestseller

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Как стать знаменитым писателем?

Как превратить свою жизнь в захватывающий, увлекательный роман?

Как пробиться из нищеты и безвестности к мировой славе?

И какова обратная сторона блистательной карьеры?

Сидни Шелдон раскрывает вам секреты своего феноменального успеха!

- Сидни Шелдон
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Глава 32

- Глава 33
- Послесловие
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

Сидни Шелдон
Обратная сторона успеха

Моим любимым внучкам Лиззи и Ребекке.

Пусть они узнают, какое волшебное путешествие я совершил.

Он, в семействе которого не имелось ни глупцов, ни негодяев, ни нищих, был порожден вспышкой молнии.

Томас Фуллер, английский священник XVII века

Глава 1

В семнадцать лет я служил рассыльным в аптеке-закусочной «Афремоу» и считал, что мне крупно повезло, поскольку там можно было без особых хлопот стащить таблетки снотворного в достаточном количестве, чтобы покончить с собой. Собственно говоря, я не знал, сколько именно таблеток мне потребуется, поэтому наугад остановился на двадцати и старался не прикарманивать больше чем пару-тройку за один раз, чтобы не возбудить подозрений фармацевта. Я читал, что комбинация виски и снотворного считается убийственной, и намеревался смешать и то и другое, чтобы уж было наверняка.

Наступила суббота. Та самая суббота, которую я ждал. Родители собирались уехать на уик-энд, мой брат Ричард сказал, что переночует у друга. Квартира опустеет, и никто не помешает моим планам.

В шесть вечера фармацевт объявил, что пора закрываться.

Он и понятия не имел, насколько прав! Пора прикрыть все, что я считал неправильным в своей жизни. Правда, я знал, что дело не только во мне. Вся страна была больна.

Шел 1934 год, и Америка переживала опустошающий кризис. Биржевой рынок потерпел крах пять лет назад, тысячи банков обанкротились, а вместе с ними множество предприятий и фирм. Более тринадцати миллионов людей потеряли работу и находились на грани отчаяния. Размеры зарплат катастрофически уменьшились, и имеющим работу счастливчикам выплачивали не более никеля[1] за час. По стране бродили миллионы бездомных, двести тысяч из них составляли дети. Мы попали в тиски гибельной депрессии. Бывшие миллионеры кончали жизнь самоубийством, а руководящие работники и администраторы продавали яблоки на улицах. Самой популярной песней стало «Унылое воскресенье» Я до сих пор помню один куплет:

> Унылое воскресенье
> С тенями я провожу.
> Я и сердце мое
> Решили покончить со всем.

Мир был окрашен в серые тона, и это вполне соответствовало моему настроению. Я барахтался в бездне отчаяния и больше не видел смысла в своем существовании. Чувствовал себя потерянным и выбитым из колеи. Несчастным и одиноким. И

всеми силами души желал того, что не мог ни определить, ни назвать.

Мы жили около озера Мичиган, всего в нескольких кварталах от берега, и как-то ночью я пошел туда, чтобы немного успокоиться. Дул сильный ветер, небо было затянуто облаками.

Я поднял голову и громко сказал:

– Если Бог есть, пусть покажется мне!

И тут же, к моему изумлению, тучи стали стягиваться, сливаться, образуя гигантское лицо. Внезапная вспышка молнии – и лицо словно глянуло на меня грозными сверкающими глазами. Я в панике бежал до самого дома.

Наша семья жила в маленькой квартирке на третьем этаже на Роджерс-Парк. Великий шоумен Майк Тодд как-то сказал, что он не раз разорялся, но никогда не чувствовал себя бедняком. В отличие от него я постоянно чувствовал себя бедняком, потому что мы жили в унизительной, жестокой бедности, когда в разгар холодной зимы и в сильные морозы приходилось отключать отопление, чтобы сэкономить деньги, и выключать свет, выходя из комнаты, а также выдавливать из бутылки кетчупа и из тюбика с пастой последние капли. Но я решил уйти от всего этого.

Когда я добрался до убогой квартирки, там никого не было. Родители уже уехали, а брат поспешил скрыться.

Я вошел в маленькую спальню, которую делил с Ричардом, и осторожно вытащил из-под комода пакет с таблетками. Потом отправился на кухню, взял с полки бутылку отцовского бурбона и отнес в спальню. Посмотрел на таблетки и виски, гадая, скоро ли они подействуют, налил немного спиртного в стакан и поднес к губам. Главное – не позволять себе задумываться над тем, что делаю!

Я глотнул виски, обжег нёбо и горло и едва не задохнулся. Немного придя в себя, я набрал в горсть таблеток и уже хотел сунуть в рот, и тут послышался голос у меня за спиной:

– Что это ты делаешь?

Я повернулся, пролив виски и рассыпав часть таблеток.

В дверях стоял отец.

– Не знал, что ты пьешь, – заметил он, шагнув ближе.

Я ошарашенно уставился на него.

– А… я думал, что вы уехали.

– Я кое-что забыл. Повторяю: что это ты делаешь? – процедил он, отбирая у меня стакан.

– Н-ничего, – пролепетал я, окончательно растерявшись.

Отец нахмурился.

– На тебя это не похоже, Сидни. Что стряслось? – повторил он и, только сейчас заметив пригоршню таблеток, окончательно

вышел из себя. – Господи, что здесь происходит? Что это такое?

Мои мысли лихорадочно метались, но сколько-нибудь правдоподобное объяснение так и не подвернулось. Поэтому я вызывающе выпалил:

– Это снотворное! А что?

– Зачем оно тебе?

– Собираюсь… покончить с собой.

Последовало долгое молчание.

– Я понятия не имел, что ты так несчастлив, – наконец медленно выговорил отец.

– И ты меня не остановишь. А если и остановишь, я все равно сделаю это завтра.

Отец снова помедлил, пристально глядя на меня.

– Это твоя жизнь, и ты можешь делать с ней все, что захочешь, – вздохнул он и, поколебавшись, добавил: – Если не слишком спешишь, почему бы нам не прогуляться немного?

Я точно знал, о чем он думает. Недаром отец был продавцом. Наверняка попытается меня отговорить. Только у него не было ни малейшего шанса. Я сам решил, что мне делать!

– Ладно, – согласился я.

– Надень пальто, иначе простудишься.

Что за глупость! Мне ли, без пяти минут мертвецу, бояться простуды!

Я невольно улыбнулся.

Уже через пять минут мы с отцом шагали по насквозь продуваемым ветром улицам, с которых мороз прогнал всех пешеходов.

После очередной долгой паузы отец попросил:

– Расскажи мне все, сынок. Почему ты хочешь покончить с собой?

С чего начать? Как объяснить, насколько одиноким и обделенным я себя чувствовал?

Я отчаянно хотел чего-то… чего-то, чему не мог подобрать названия. Может, прекрасного будущего? Но прекрасного будущего у меня быть не могло. Несмотря на волшебные фантазии, к концу дня я неизменно оставался рассыльным из аптеки.

Я мечтал пойти в колледж, но на это не было денег. Мечтал стать писателем, даже написал несколько десятков рассказов и отослал в журналы «Стори», «Кольерз» и «Сэтеди ивнинг пост». И отовсюду получал стандартные бланки с отказами.

Вот я и решил, что не могу провести остаток жизни в этом беспросветном мраке.

– …и в мире есть столько чудесных мест, которых ты не

видел, – продолжил за меня отец.

Я постарался не слушать его, словно выключил звук приемника. *Если он уедет сегодня, я смогу завершить начатое.*

– Тебе наверняка понравится Рим…

Если он попытается остановить меня сейчас, сделаю это, когда он уберется, – упорно думал я, почти не слыша, что талдычит отец.

– Сидни, ты сам говорил, что больше всего на свете хочешь стать писателем.

Я мигом насторожился.

– Это было вчера.

– А как насчет завтра?

– Что? – опешил я.

– Ты не знаешь, что может случиться завтра. Жизнь – как роман, понимаешь? Полна тайн и неопределенности. Держит в напряжении. И ты никогда не узнаешь, что будет дальше, пока не перевернешь страницу.

– Я знаю, что будет дальше. Ничего.

– А вот это еще неизвестно. Каждый день – это новая страница, которая может быть полна сюрпризов. Повторяю, ты никогда не узнаешь, что будет дальше, пока не перевернешь страницу.

Я задумался. В чем-то он был прав. Каждое завтра действительно похоже на следующую страницу романа.

Мы свернули за угол и пошли дальше.

– Если ты действительно собрался покончить с собой, Сидни, я способен буду понять. Но не хотелось бы видеть, как ты закрываешь книгу, не дочитав до конца и упустив все то важное, что может произойти с тобой на следующей странице, странице, которую предстоит написать *тебе.*

Не закрывай книгу слишком скоро. Неужели я действительно готов закрыть ее слишком скоро? Ведь что-то чудесное вполне может произойти завтра.

Либо отец имел дар убеждения, либо я не так уж стремился оборвать свою жизнь, но ближе к концу следующего квартала я решил отложить исполнение плана.

При этом оставил за собой право выбора.

Глава 2

Я родился в Чикаго, на кухонном столе, сколоченном моими собственными руками. Так по крайней мере утверждала моя мать Натали. Натали была моей Полярной звездой, моей утешительницей, моей защитницей. Я был ее первенцем, и она всегда относилась к факту моего рождения как к чуду. Она и говорить не могла обо мне без помощи тезауруса. Я был умен, талантлив, красив и остроумен – и все это еще до того, как мне исполнилось полгода.

Я никогда не называл родителей папой и мамой. Они предпочитали «Натали» и «Отто», возможно, потому что это возвращало им некую иллюзию молодости.

Натали Маркус родилась в российском селе Славитка[2] под Одессой еще при последнем царе. Когда девочке было десять лет, ее мать, Анна, спасаясь от еврейских погромов, увезла ее в Америку.

Натали была настоящей красавицей: рост пять футов пять дюймов, мягкие каштановые волосы, умные серые глаза и прелестное лицо. Она обладала душой романтика и богатой внутренней жизнью. Образования она не получила, но научилась читать, любила книги и классическую музыку, мечтала выйти замуж за принца и объездить весь мир.

Но ее принцем оказался Отто Шехтель, чикагский хулиган, бросивший школу после шестого класса. Отто был красив и обаятелен, легко понять, почему Натали так к нему потянуло. Оба были мечтателями, вот только мечтали о разном. Натали грезила о романтическом мире с замками в Испании и прогулками в венецианской гондоле под лунным небом. Фантазии Отто чаще всего касались очередного плана мгновенного обогащения. Кто-то сказал, что для успеха в писательском ремесле необходимы бумага, перо и трудное детство в неблагополучной семье. Меня воспитывали сразу две такие семьи.

С одной стороны – клан Маркусов: два брата, Сэм и Эл, и три сестры, Полин, Натали и Фрэнсис.

С другой – Шехтели: два брата и пять сестер – Гарри, Отто, Роуз, Бесс, Эмма, Милдред и Тилли.

Шехтели, все как один, были экстравертами, сердечными, общительными и находчивыми. В отличие от сдержанных, скрытных интровертов Маркусов.

Обе семьи были не только совершенно разными. Они не имели абсолютно ничего общего. Вероятно, поэтому судьба и

решила позабавиться.

Гарри Шехтель женился на Полин Маркус. Отто Шехтель, женился на Натали Маркус. Тилли Шехтель вышла замуж за Эла Маркуса. И словно всего этого было недостаточно, Сэм Маркус женился на лучшей подруге Полин. Словом, сплошная брачная лихорадка.

Гарри, старший брат Отто, был наиболее выдающимся членом клана Шехтелей: рост пять футов десять дюймов, мускулистый, сильный, с властным характером. Родись он итальянцем, из него вышел бы прекрасный consigliere.[3] Именно к нему шли за советом Отто и остальные члены семьи. У Гарри и Полин родились четверо мальчишек: Сеймур, Эдди, Говард и Стив. У нас с Сеймуром разница была всего полгода, но он всегда казался гораздо старше своих лет.

Эл в семействе Маркусов был признанным кутилой и весельчаком, остроумным, обаятельным красавчиком, любившим карты и женщин, в отличие от Сэма, солидного, уже не слишком молодого бизнесмена, не одобрявшего образ жизни Маркусов. Сэм занимался тем, что арендовал гардеробные в различных чикагских отелях.

Иногда мои дяди, собираясь вместе, отходили в уголок и заводили разговор о таинственной штуке, называемой сексом. На мой взгляд, звучало это потрясающе. Оставалось молиться, чтобы этот самый секс не исчез, прежде чем я вырасту.

Отто, мой отец, был мотом, обожавшим бросать деньги на ветер, независимо от их наличия или отсутствия. Не раз он приглашал дюжину гостей в дорогой ресторан, а когда приносили счет, занимал деньги у одного из них, чтобы этот самый счет оплатить.

Натали терпеть не могла одалживать или брать взаймы. Она обладала ярко выраженным чувством долга, и, становясь старше, я все отчетливее понимал, насколько они друг другу не подходят. Мать была несчастна, поскольку имела глупость выйти за человека, которого не уважала и который совершенно не интересовался ее внутренней жизнью. Мой отец женился на сказочной принцессе и, совершенно сбитый с толку, так и не смог прийти в себя от изумления, когда медовый месяц закончился.

Они постоянно спорили, то есть спорами это нельзя было назвать. Скорее бурными и шумными скандалами. Безошибочно находили слабые места друг друга и били туда, чтобы ранить наверняка. Ссоры становились настолько серьезными, что я сбегал из дома в библиотеку, где погружался в спокойные безмятежные миры книг о мальчиках Харди[4] и Томе Свифте.[5]

Однажды, вернувшись домой из школы, я снова стал свидетелем, как Отто и Натали осыпали друг друга грязными ругательствами. И тут я решил, что больше такого не вынесу. Мне требовалась помощь. И я отправился к тете Полин, сестре Натали, милой, любящей пышечке, доброй, прагматичной и умной. Она, едва взглянув на меня, тут же спросила:

– Что случилось?

Я захлебывался слезами:

– Это Нат и Отто! Они все время ругаются! Не знаю, что мне делать.

Полин нахмурилась:

– Ругаются? При тебе?

Я кивнул.

– Ладно. Я скажу, что делать. Они оба любят тебя, Сидни, и не хотят ранить, так что, когда в следующий раз начнут скандалить, подойди и скажи, что больше не хочешь слышать ничего подобного и просишь не ругаться при тебе. Сумеешь?

– Да.

Совет тети Полин сработал.

Натали и Отто орали так, что стены тряслись, когда я подошел к ним и попросил:

– Не делайте этого больше. Пожалуйста, не кричите при мне.

Оба мгновенно опомнились.

– Конечно. Ты прав, дорогой. Больше такое не повторится, – пообещала Натали.

– Прости, Сидни. Мы не имеем права перекладывать на тебя свои проблемы, – добавил Отто.

После этого случая скандалы хоть не прекратились, но по крайней мере не выходили за пределы спальни.

Мы то и дело переезжали из города в город, поскольку Отто постоянно искал работу. Когда кто-то спрашивал меня, чем занимается отец, ответ неизменно зависел от того, где мы находились. В Техасе он служил у ювелира, в Чикаго – в магазине одежды, в Аризоне работал на истощившемся серебряном руднике, в Лос-Анджелесе – в бакалейной лавке.

Дважды в год Отто вел меня покупать новую одежду. «Магазином» служил грузовик, припаркованный в тихом переулке и набитый прекрасными костюмами, причем совершенно новыми. На некоторых даже болтались ярлычки с ценой, и, кстати говоря, вся одежда была поразительно дешевой.

В 1925 году, когда мне исполнилось восемь лет, родился мой брат Ричард. В то время мы жили в Гэри, штат Индиана, и я помню, как был счастлив получить брата, союзника в борьбе с

темными силами моей жизни. Это было одним из наиболее волнующих событий в этой самой жизни. И я заранее строил грандиозные планы для нас обоих, и мне так хотелось, чтобы он побыстрее вырос. Ну а пока я возил его в коляске по всему Гэри.

Во время Великой депрессии наше финансовое положение чем-то напоминало сцены из «Алисы в Стране чудес». Отто постоянно был в отъезде, пытаясь провернуть очередную мегасделку, пока мы с Натали и Ричардом жили в убогой тесной квартирке. Иногда он внезапно сваливался нам на голову и объявлял, что только сейчас заключил контракт, который принесет ему не меньше тысячи долларов в неделю, и не успевали мы оглянуться, как уже располагались в шикарном пентхаусе и в другом городе. Все как в волшебном сне.

И кончалось все так же быстро, как сон, потому что через несколько месяцев Отто терпел неизвестно какой по счету крах и мы снова оказывались в маленькой квартирке, но уже в другом городе.

Я чувствовал себя вечным беженцем. Если бы мы пожелали заиметь семейный герб, на нем следовало изобразить автофургон на дороге. До того как мне исполнилось семнадцать, я успел побывать в восьми городах и поучиться в восьми разных классах начальной и трех классах средней школы. И всегда оставался новеньким: в квартале, в классе, в городе. Оставался чужаком.

Продавцом Отто был гениальным, и, стоило мне прийти в новую школу в очередном городе, он в первый же день вел меня к директору и почти всегда уговаривал того перевести меня в более старший класс. В результате я вечно оказывался самым маленьким в классе, что тоже мешало завести друзей. Следствием стали непреодолимая застенчивость и комплекс неполноценности. Я сторонился одноклассников, делая вид, что люблю одиночество. И каждый раз, когда я пытался завязать дружбу, наступало время прощаться.

Не знаю, откуда взялись деньги, но однажды Натали купила маленький подержанный спинет[6] и настояла, чтобы я брал уроки музыки.

– К чему это? – удивлялся Отто.

– Вот посмотришь, – уверяла Натали. – У Сидни даже руки музыкальные.

Мне нравились занятия, но все закончилось несколько месяцев спустя, когда мы перебрались в Детройт.

Отто ужасно гордился тем, что он в жизни не прочел ни одной книги. Именно Натали привила мне любовь к чтению. Отто же постоянно расстраивался, что я, вместо того чтобы шататься по улицам и играть в бейсбол, вечно сижу дома, над книжками,

которые брал из городской библиотеки.

– Ты испортишь глаза, – твердил он. – Почему бы тебе не брать пример со своего кузена Сеймура? Посмотри, как здорово он играет в футбол!

Мой дядя Гарри зашел еще дальше. Я однажды подслушал, как он говорит отцу:

– Сидни слишком много читает. Боюсь, он плохо кончит.

В десять лет я еще более усугубил свое положение, начав писать. Детский журнал «Уи уиздом» объявил поэтический конкурс. Я написал стихотворение и попросил Отто послать его на конкурс.

Тот факт, что сын у него поэт, отнюдь не обрадовал Отто. Он очень занервничал. Позже я понял причину: он так боялся, что опозорится, когда журнал отвергнет мое произведение, что подписал его именем дяди Эла и все-таки отправил в журнал.

Две недели спустя Отто обедал с дядей Элом, и тот в полном недоумении сообщил:

– Произошло дурацкое недоразумение, Отто. С чего бы вдруг журнал «Уи уиздом» прислал мне чек на пять долларов?

Вот почему мое первое литературное произведение было опубликовано под именем Эла Маркуса.

Однажды мать задыхаясь вбежала в квартиру, обняла меня и воскликнула:

– Сидни, я только что от Беа Фэктор! Она сказала: «Сидни ждет всемирная слава!» Ну разве не чудесно?

Беа Фэктор, подруга матери, имела репутацию ясновидящей, и многие ее знакомые это подтверждали. Но я радовался только тому, что мать ей поверила.

В двадцатых и тридцатых годах Чикаго был городом шумной надземки, фургонов со льдом на конной тяге, забитых людьми пляжей, стрип-клубов, вони скотных дворов и бойни в День святого Валентина, когда семеро гангстеров были расстреляны из автоматов у стенки гаража.

Школьная система сильно напоминала городскую жизнь: такая же суровая и агрессивная. На уроках не «показывали и рассказывали», а «швыряли и рассказывали». Причем предметы швырялись не школьниками, а преподавателями. Однажды, когда я учился в третьем классе, учительнице не понравился ответ ученика. Она схватила тяжелую стеклянную чернильницу, установленную на парте, и метнула через всю комнату в голову ученика. Окажись она более меткой, наверняка прикончила бы беднягу. Я так испугался, что в тот день после перемены не

вернулся в класс.

Моим любимым предметом был английский. В классе нам часто задавали читать вслух рассказы из книги «Элджин ридер». Мы выбирали рассказы По, О'Генри или Таркингтона, и я мечтал, что однажды учительница скажет: «Откройте страницу двадцатую» – и, подумать только! – там окажется история, написанная мной. Сам не знаю, откуда взялись эти мысли. Возможно, некая атавистическая связь с давно ушедшим предком.

На десятом этаже отеля «Соверен» находился бассейн, куда бегали купаться ребятишки со всей округи. При каждом удобном случае я брал туда пятилетнего Ричарда.

В тот день я оставил его на мелководье, а сам поплыл на глубину и там заговорился с кем-то из одноклассников. Ричард потерял терпение, вылез из бассейна и пошел меня разыскивать. Добрался до края, где было глубоко, поскользнулся, упал и камнем пошел на дно. К счастью, я сразу заметил, что случилось, нырнул и вытащил его.

С тех пор мы больше там не появлялись.

Когда мне исполнилось двенадцать и я учился в седьмом классе начальной чикагской школы «Маршал филд», нам поручили работать над собственными проектами. Я решил написать пьесу о детективе, расследующем убийство, и отдал готовое произведение учительнице. Она прочитала пьесу, вызвала меня к доске и сказала:

– По-моему, очень хорошо, Сидни. Не хочешь ее поставить?

Хочу ли я?!

– Да, мэм.

– Я договорюсь, чтобы ее показали в актовом зале.

И тут я вдруг вспомнил, как разволновалась Натали, услышав предсказание Беа Фэктор: *Сидни ждет всемирная слава.*

Меня распирало возбуждение. Это было только начало!

Весь класс захотел играть в пьесе. Но я решил быть не только режиссером и продюсером, но и сыграть главную роль. Разумеется, я никогда раньше не ставил пьес, зато точно знал, чего хочу.

Прежде всего я начал подбор актеров. Мне позволили устраивать репетиции после уроков в огромном актовом зале, и скоро в школе только и было разговоров что о моей пьесе. Стоило попросить, как мне давали любой реквизит: столы, стулья, диваны, телефон…

Это был один из самых счастливых периодов моей жизни. Я твердо верил, что это начало звездной карьеры. Если я в таком

возрасте способен написать выдающуюся пьесу, значит, сумею подняться до заоблачных высот. Мои пьесы пойдут на Бродвее, а мое имя засверкает в огнях рекламы!

Генеральная репетиция прошла идеально. Все одноклассники, выбранные мной, прекрасно играли роли. Я подошел к учительнице.

– Все готово. Когда можно будет назначить спектакль?

– Может, завтра? – просияла та.

Ночью я не спал, чувствуя, что все мое будущее зависит от успеха пьесы. Лежа в постели, я мысленно проходил сцену за сценой, но, как ни старался, не смог выискать ни одного недостатка. Диалоги были превосходны, сюжет – динамичен и в конце приобретал совершенно неожиданный поворот. Пьеса наверняка всем понравится.

Утром, когда я пришел в школу, меня ждал сюрприз.

– Я договорилась освободить всех от уроков английского, чтобы побольше учеников смогли посмотреть спектакль.

Я не верил своим ушам – меня ждал еще более грандиозный триумф, чем я воображал.

В десять часов утра гигантский зал был переполнен. Собрались не только ученики, но и директор с учителями, прослышавшие о моей пьесе. Очевидно, всем не терпелось увидеть произведение новоявленного вундеркинда.

И только я, несмотря на всеобщее возбуждение, оставался спокойным. Очень спокойным. Все происходящее казалось мне вполне естественным, даже для столь раннего возраста. *Сидни ждет всемирная слава.*

В зале погас свет. Разговоры постепенно стихли, и занавес раздвинулся. Зрители увидели скромно обставленную гостиную, где мальчик и девочка играли мужа и жену, чей друг был убит. Они сидели на диване и беседовали.

Я играл детектива, расследовавшего убийство, и стоял за кулисами, готовый к выходу. Сигналом служила реплика мальчика, который должен был посмотреть на часы и сказать:

– Скоро должен прийти инспектор.

Но вместо «скоро» он начал говорить «вот-вот»… и только в последний момент спохватился и попытался изменить «вот-вот» на «скоро». В результате у него получилось «воскоро должен прийти инспектор».

Он тут же поправился, но было уже поздно. *Воскоро?* Ничего смешнее я в жизни не слышал. Это было так забавно, что я не выдержал. Хохотал и хохотал и не мог остановиться. И чем больше старался унять смех, тем громче хохотал.

Мальчик и девочка на сцене таращились на меня, ожидая

моего появления. Но я не мог сдвинуться с места, поскольку смех пригвоздил меня к месту. Он окончательно лишил меня сил и воли. Постепенно я все больше и больше впадал в истерику.

Пьеса закончилась, даже не начавшись.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем я услышал голос учительницы:

– Сидни, выходи к нам.

Я заставил себя покинуть спасительное убежище кулис и, спотыкаясь, вывалился в центр сцены. Учительница вскочила, прислушиваясь к взрыву моего неистового смеха.

– Немедленно перестань! – скомандовала она.

Но как я мог? *Воскоро!*

Зрители стали подниматься и вытекать из аудитории. Я смотрел им вслед, притворяясь, что смеюсь, потому что хочу смеяться, притворяясь, что все происходящее вовсе не имеет значения.

Притворяясь, что не хочу умереть.

Глава 3

К 1930 году Депрессия продолжала усиливаться, вытесняя из страны всякое подобие экономики. Очереди за хлебом росли, безработица принимала вид пандемии. На улицах начались беспорядки.

Я окончил начальную школу «Маршал филд» и нашел работу в аптеке «Афремоу». Натали работала кассиром на катке, где устраивались гонки на роликовых коньках: новое всеобщее помешательство на гигантских деревянных аренах под шатрами-куполами, где отважные мужчины на роликовых коньках мчались по катку, сбивая соперников и нанося удары, ставя синяки и затевая драки, ко всеобщему одобрению аудитории.

Отто тем временем путешествовал по стране в очередной попытке заключить очередной миллионный контракт. Иногда он, полный энтузиазма, заглядывал домой.

– У меня хорошее предчувствие Я только сейчас провернул сделку, которая выведет нас на широкую дорогу.

И мы собирали вещи и переезжали в Хаммонд, Даллас или «Кирклэнд джанкшн», штат Аризона.

– «Кирклэнд джанкшн»?!

– Вам там понравится, – пообещал Отто. – Я купил серебряный рудник.

Кирклэнд оказался маленьким городком в ста четырех милях от Финикса, но мы направлялись не туда. «Кирклэнд джанкшн» – название заброшенной автозаправки, и нам пришлось жить там три отвратительных месяца, пока Отто пытался монополизировать рынок серебра. К сожалению, выяснилось, что рудник полностью истощен.

Нас спас телефонный звонок дяди Гарри.

– Как там серебряный рудник? – спросил он.

– Паршиво, – признался Отто.

– Не расстраивайся. Я в Денвере. Открываю крупную брокерскую компанию и хочу, чтобы ты ко мне присоединился.

– Уже едем! – заверил Отто и, повесив трубку, повернулся к нам: – Мы перебираемся в Денвер. У меня самые хорошие предчувствия насчет этой фирмы.

Денвер оказался сплошным восторгом: чистенький и красивый, а с увенчанных снежными вершинами гор постоянно дул прохладный ветер. Денвер мне сразу понравился.

Гарри и Полин нашли роскошный двухэтажный особняк в элегантном районе Денвера. На задах дома рос настоящий лес. Огромный зеленый участок назывался Чизмен-Парк. Мои кузены,

Сеймур, Говард и Эдди, обрадовались нашему приезду, и мы, в свою очередь, были рады их видеть.

Сеймур водил ярко красный «пирс-эрроу» и встречался с девушками старше себя. Эдди на день рождения подарили верховую лошадь. Говард выигрывал теннисные матчи в лиге юниоров. Атмосфера денег и богатства в их доме ничуть не напоминала наше убогое существование в Чикаго.

– Мы будем жить с Гарри и Полин? – спросил я родителей.

– Нет, – одновременно ответили они.

Оказалось, что родители приготовили мне сюрприз.

– Мы покупаем дом.

Увидев дом, который собирались купить Отто и Натали, я не поверил глазам. Красивый, с чудесным садом, в тихом пригороде на Мэрион-стрит. Большие уютные комнаты с новой хорошей мебелью, ничуть не похожей на обшарпанную обстановку квартир, в которых я прожил всю жизнь. Это было не просто здание. Это был настоящий дом. Стоило мне переступить порог, как я почувствовал, что моя жизнь изменилась. Что у меня наконец появились корни. Что больше не будет бесконечных переездов из города в город, утомительного калейдоскопа квартир и школ.

Отто обязательно купит этот дом. Я женюсь, и мои дети будут здесь расти…

Впервые на моей памяти у нас появились деньги. Бизнес Гарри шел так хорошо, что теперь он владел тремя брокерскими фирмами.

Осенью 1930 года, в тринадцать лет, я записался в среднюю школу «Ист хай» и не прогадал. Учителя в Денвере оказались приветливыми и всегда были готовы помочь. Никто не швырялся в учеников чернильницами. У меня появились друзья, и мне нравилось возвращаться в чудесный дом, которому предстояло скоро стать нашим. Натали и Отто, похоже, решили большинство личных проблем, что делало жизнь еще приятнее.

Как-то на уроке физкультуры я поскользнулся, повредил спину и какую-то мышцу потянул. Боль была невыносимой. Я лежал на полу, не в силах шевельнуться. Меня отнесли в кабинет доктора. Когда он закончил осмотр, я спросил, останусь ли калекой на всю жизнь.

– Нет, – заверил он. – Один из позвоночных дисков сдвинулся и давит на спинной мозг. Это и вызывает боль. Лечение очень простое: пролежать в постели два-три дня с грелкой, чтобы расслабить мышцы, и диск встанет на место. Вот увидишь, все пройдет.

«Скорая» отвезла меня домой, а парамедики уложили в

постель. Боль не утихала, но, как и сказал доктор, через три дня я встал как ни в чем не бывало.

Мне и в голову не пришло, что это происшествие повлияет на всю мою жизнь.

* * *

В один прекрасный день я пережил поистине неземное приключение. В Денвере устраивали окружную ярмарку, и лучшим аттракционом был полет на аэроплане.

– Хочу подняться в воздух, – заявил я Отто. Тот, поразмыслив, разрешил. Самолет оказался красавцем «линкольном-коммандер», и у меня замерло сердце, когда я представил, что могу в него попасть. Пилот посмотрел на меня и спросил:

– Первый раз?

– Первый раз.

– Пристегни ремень. Это будет нечто незабываемое.

Он не ошибся. Полет стал абсолютно сюрреалистическим переживанием. Я наблюдал, как земля разворачивается подо мной и тут же исчезает, и никогда не испытывал ничего более потрясающего.

Когда мы приземлились, я сказал Отто, что хочу попробовать еще раз.

И он согласился. Я твердо решил, что когда-нибудь обязательно стану летчиком.

Рано утром, весной 1933-го, Отто вошел в спальню. Лицо его было мрачным.

– Собирайся. Мы уезжаем.

– Куда? – ошеломленно спросил я.

– Мы возвращаемся в Чикаго.

Я не верил своим ушам.

– Мы уедем из Денвера?

– Верно.

– Но…

Однако отец уже исчез. Я оделся и пошел к Натали:

– Что случилось?

– Между твоим отцом и Гарри… произошло недоразумение.

Я осмотрел дом, в котором, как думал, проживу до конца своих дней.

– А этот дом?

– Мы отказались от покупки.

Наше возвращение в Чикаго было безрадостным. Ни Отто, ни Натали не хотели говорить о случившемся. После Денвера Чикаго

казался чужим и равнодушным. Мы остановились в маленькой квартирке, а я вернулся к реальности: у нас не было денег, а приличную работу тут найти невозможно. Отто снова пустился в разъезды, Натали же устроилась продавщицей в универмаг. Я отчаянно хотел поступить в колледж, но теперь об этом не могло быть и речи. Денег на учебу не достать. Стены квартиры душили меня. Все вокруг было серым. Даже запах.

«Не могу жить так до самой смерти», – думал я. Бедность, в которой мы существовали, стала еще отвратительнее после короткого пьянящего вкуса роскоши в Денвере, и нам постоянно не хватало самого необходимого. Должность рассыльного в аптеке отнюдь не казалась мне пределом мечтаний.

Именно в этот момент я решил покончить с собой, а Отто отговорил меня, посоветовав продолжать переворачивать страницы. Но страницы все никак не переворачивались. И ждать было нечего: обещания Отто оказались пустышками.

В сентябре я записался в школу «Сенн хай». Отто в очередной раз уехал, поклявшись сорвать джекпот. Натали с утра до вечера трудилась в универмаге, но денег все равно не хватало. Значит, мне следовало найти способ помочь семье.

Я подумал о Сэме, старшем брате Натали, арендовавшем гардеробные в нескольких отелях в Петле.[7] У него работали привлекательные, фривольно одетые молодые женщины и парни-гардеробщики. Посетители давали женщинам щедрые чаевые, не зная, что деньги идут администрации.

Я сел в поезд надземки и отправился в Петлю, к дяде Сэму. Он сидел в своем офисе, в отеле «Шерман».

– Вот так сюрприз! – обрадовался он, увидев меня. – Что я могу для тебя сделать?

– Мне нужна работа.

– Вот как?

– Я надеялся, что вы, может быть, дадите мне место гардеробщика?

Сэм знал, как нелегко нам приходится. Задумчиво осмотрев меня, он кивнул:

– Почему бы нет? Ты выглядишь старше семнадцати лет. Думаю, отель «Бисмарк» вполне тебе подойдет.

Я начал работать на той же неделе.

Обязанности гардеробщика были простые. Посетители отдавали пальто и шляпы служащей в обмен на номерки. Она поручала вещи гардеробщику, который и вешал их на соответствующее место. Когда посетитель возвращался, все повторялось в обратном порядке.

Теперь у меня был новый режим дня. Я сидел на уроках до

трех часов, а сразу после школы ехал поездом в Петлю, выходил у отеля «Бисмарк» и шел работать. Моя смена длилась с пяти часов до самого закрытия, то есть до полуночи, а иногда и позже, если в ресторане устраивалось какое-то мероприятие. Мне платили три доллара за вечер. Деньги я относил Натали.

Больше всего народа собиралось по уик-эндам, да и вечеринки в эти дни устраивались чаще всего, так что я работал все семь ночей в неделю. Праздники переживать было тяжелее всего. В отели на Рождество и Новый год приезжали целыми семьями, и я завидовал, наблюдая, как дети веселятся вместе с родителями. Натали целыми днями пропадала на работе, Отто уехал, и мы с Ричардом были совершенно одни. Нам не с кем было отмечать праздники. В восемь часов, пока все наслаждались торжественным ужином, я бежал в кафетерий или закусочную, что-то наспех перехватывал и возвращался к работе.

Самыми яркими пятнами в моей унылой жизни становились вечера, когда в гардеробной дежурила тетя Фрэнсис, брызжущая весельем и энергией младшая сестра Натали, маленькая, жизнерадостная брюнетка, наделенная чувством юмора и умом. Посетители ее обожали.

В гардеробной «Бисмарка» как-то появилась новая служительница, Джоан Витуччи. Всего на год старше меня, она была очень хорошенькой. Меня так и тянуло к Джоан, и постепенно я стал мечтать о встречах с ней. Можно начать с простого свидания. Пусть денег у меня нет, но должна же она увидеть мои положительные качества! Мы полюбим друг друга, поженимся и родим чудесных детей.

Как-то вечером она сказала:

– Мои тетя и дядя каждое воскресенье устраивают семейные обеды. Думаю, тебе понравятся мои родственники. Если ты свободен в это воскресенье, может, придешь?

Мечты сбывались!

То воскресенье запомнилось мне навсегда. Дружная итальянская семья собралась за большим обеденным столом, на котором красовались спагетти, лазанья, цыпленок в томатном соусе и другие блюда.

Луи Алтьери, дядя Джоан, шумный, веселый человек, оказался главой профсоюза чикагских дворников. Перед уходом я поблагодарил хозяев за гостеприимство и сказал Джоан, что прекрасно провел время. Втайне я считал, что этот день положит начало нашим близким отношениям.

Наутро Луи Алтьери был застрелен наемным убийцей, когда покидал свой дом.

Джоан навсегда исчезла из моей жизни.

Мечте пришел конец.

Школа днем, гардероб вечером, аптека по субботам… Времени почти не оставалось.

Дома творилось нечто странное. Напряжение ощущалось всегда, только теперь оно приобрело совершенно иной оттенок. Натали и Отто постоянно шептались и ходили как в воду опущенные.

Однажды утром Отто подошел ко мне и сказал:

– Сынок, я уезжаю на ферму. Сегодня.

Я очень удивился, тем более что сам никогда не бывал на ферме. Может, там будет совсем неплохо?

– А что, если я поеду с тобой, Отто?

Он покачал головой:

– Прости, я не могу взять тебя.

– Но…

– Нет, Сидни.

– О'кей, когда ты вернешься?

– Через три года, – выдавил он и отошел.

Три года? Немыслимо! Как он смеет бросать нас на три года ради какой-то фермы?

В комнату вошла Натали. Я кинулся к ней:

– Что происходит?

– Боюсь, у меня для тебя дурные новости. Твой отец связался с плохими людьми. Он продавал автоматы для магазинов. Но оказалось, что люди, на которых он работал, взяли деньги и скрылись. Их поймали, судили, но и твоего отца признали виновным и должны посадить в тюрьму.

Я потрясенно смотрел на нее. Так вот о какой ферме шла речь!

– На три года? – пробормотал я, не зная, что сказать.

Что мы будем делать без него целых три года?!

Как оказалось, не стоило так волноваться.

Всего через год, после того как Отто явился в окружную тюрьму Лафайетт, он возвращался домой героем.

Глава 4

Мы прочли историю о героическом поступке Отто в газетах и несколько раз слышали по радио, но хотели, чтобы он сам рассказал нам обо всем. Я понятия не имел, что делает тюрьма с человеком, но почему-то представлял, что отец вернется домой другим: бледным и сломленным.

Меня ждал приятный сюрприз. Отто так и сиял.

– Я вернулся, – объявил он.

Мы бросились его обнимать и хором требовали рассказать, как все было.

– С удовольствием, – кивнул Отто и, усевшись за кухонный стол, начал рассказ: – Я работал на тюремном дворе в бригаде уборщиков. Примерно в пятидесяти футах стоял гигантский резервуар, откуда поступала вода для тюремных нужд. Резервуар окружала ограда высотой футов в десять. Я случайно поднял глаза и увидел, как из здания вышел маленький мальчик, лет трех-четырех. Бригада закончила работу, и я остался один. На что-то отвлекся, а когда снова посмотрел в ту сторону, мальчик уже взбирался по ступеням ограды и почти достиг самого верха. Я огляделся, нет ли поблизости его няньки или матери. Но во дворе никого, кроме меня и мальчика, не было. Тут он вскарабкался еще выше, поскользнулся и упал в резервуар. Охранник на смотровой вышке заметил, что происходит, но я знал: он ни за что не успеет спасти мальчика.

Я поднялся и что было сил побежал к ограде. Взлетел на верхнюю ступеньку, посмотрел вниз и увидел на дне ребенка. Тогда я нырнул и вытащил его. Несколько минут мне удалось продержаться на поверхности, пока не прибыла помощь. Нас подняли наверх. Потом меня пару дней продержали в больнице, потому что я наглотался воды и был весь в синяках.

Мы жадно впитывали каждое слово.

– К счастью, мальчик оказался сыном начальника тюрьмы. Начальник с женой пришли навестить меня в больнице и долго благодарили. – Отто вздохнул и улыбнулся. – И на этом история бы завершилась, но тут выяснилось, что я не умею плавать, и тогда дело приняло иной оборот. Я неожиданно стал героем. О моем поступке сообщили газеты и радио. Тюремному начальству посыпались звонки, письма и телеграммы с предложениями работы для меня и просьбами об амнистии. Начальник встретился с губернатором, и было решено, что, поскольку мое преступление не особенно серьезное, для улучшения их собственного имиджа будет лучше меня помиловать. – Отто протянул руки жене. – И

вот я здесь.

Мы снова стали одной семьей.

Вероятно, это было простым совпадением, но вскоре «Б'най Б'рит», еврейская благотворительная организация, решила дать мне стипендию, о которой я просил год назад. Это было настоящим чудом. Я первый из семьи мог поступить в колледж. Страница перевернулась. Я решил, что, возможно, у меня все-таки есть будущее.

Но в семье по-прежнему катастрофически не хватало денег.

Сумею ли я работать в гардеробной семь ночей в неделю, в аптеке – по воскресеньям и одновременно учиться в колледже?

Посмотрим.

Северо-Западный университет расположен в Эванстоне, штат Иллинойс, в двенадцати милях к северу от Чикаго. Кампус, занимающий двести сорок акров на берегу озера Мичиган, поистине великолепен. В понедельник в девять утра я вошел в офис секретаря, ведающего записью студентов.

– Я хочу поступить в университет.

– Ваше имя?

– Сидни Шехтель.

Секретарь вынула тяжелый том и быстро нашла нужную страницу.

– Вы есть в списках. Какие курсы вы хотели бы посещать?

– Все.

Женщина с недоумением уставилась на меня:

– То есть?

– Извините, я хочу сказать, сколько мне позволят. Пока я здесь, хотелось бы изучить все, что можно.

– А что вас интересует больше всего?

– Литература.

Она вынула стопку проспектов, выбрала один и протянула мне:

– Вот список всех дисциплин.

– Здорово, – пробормотал я, просмотрел список и, отметив нужные пункты, вернул листок.

Секретарь мельком взглянула на список.

– Вы собираетесь изучать максимальное количество дисциплин?

– Верно. – Я нахмурился. – Только вот латыни здесь нет. Я бы очень хотел заняться и латынью.

Женщина озадаченно уставилась на меня.

– Вы действительно считаете, что справитесь со всем этим?

– Без проблем, – улыбнулся я.

«Латынь», – записала она.

От нее я направился на кухню кафетерия.

– Вам, случайно, не нужен помощник официанта?

– Очень нужен!

Итак, я приобрел еще одну должность, но этого было недостаточно. Я ощущал настоятельную потребность добиться большего, словно наверстывал потерянное время. И поэтому заглянул в редакцию университетской газеты «Дейли нортвестерн».

– Я Сидни Шехтель, – представился я мужчине за письменным столом с табличкой «Редактор». – Хотелось бы поработать у вас.

– Простите, штат заполнен. Попробуйте в следующем году.

– В следующем году будет слишком поздно, – пояснил я и, немного поразмыслив, добавил: – У вас есть раздел шоу-бизнеса?

– Шоу-бизнеса?

– Да. Звезды постоянно устраивают шоу в Чикаго. Неужели вы никому не поручали брать у них интервью?

– Нет. Мы…

– Знаете, кто сейчас в городе и жаждет дать нам интервью? Кэтрин Хэпберн.

– Но наша газета не собирается…

– И Клифтон Уэбб.

– Мы никогда не…

– Уолтер Пиджин.

– Я могу потолковать кое с кем, но боюсь…

– Джордж Коэн.[8]

Редактор удивился:

– И вы их всех знаете?

Я словно не слышал вопроса.

– Нельзя терять время! Как только гастроли закончатся, они уедут из города.

– Ладно, Шехтель, давайте попробуем.

Он и понятия не имел, как я разволновался.

– Это лучшее решение из всех, когда-либо вами принятых.

– Посмотрим. Когда можете начать?

– Я уже начал. Первое интервью появится в следующем выпуске.

– Уже? – удивился он. – И с кем?

– Не скажу. Сюрприз.

Впрочем, для меня это тоже было сюрпризом.

В редкие свободные минуты я брал интервью у многих довольно известных людей. Для начала я разыскал Гая Кибби, второстепенного характерного актера того времени. Настоящие звезды никогда бы не снизошли до интервью в студенческой

газете.

Я продолжал работать в гардеробе и аптеке, посещал максимально разрешенное количество лекций, занимался латынью, выполнял обязанности помощника официанта и состоял в штате «Дейли нортвестерн». И все же по-прежнему думал, что этого мало. Наверное, другим я казался одержимым. И я постоянно прикидывал, что бы еще сделать. В Северо-Западном была прекрасная футбольная команда, и я не видел причин, почему бы не попасть и туда. То есть пребывал в полной уверенности, что пригожусь «Уайлдкэтс».

Наутро я отправился на футбольное поле, где тренировалась команда. В тот год звездой считался Паг Рентнер, которого ждала блестящая карьера в НФЛ. Я подошел к тренеру, наблюдавшему за игрой, и попросил уделить мне несколько минут.

– Что вам нужно? – сердито осведомился он.

– Я бы хотел попасть в команду.

Тренер окинул меня взглядом.

– В команду, вот как? Сложение у вас неплохое. Где играли?

Я не ответил.

– Средняя школа? Колледж?

– Нет, сэр.

– Начальная школа?

– Нет, сэр.

Тренер с недоумением уставился на меня:

– Вы никогда не играли в футбол?

– Нет, но я быстро бегаю и…

– …и хотели бы попасть в эту команду? Сынок, советую забыть об этом, – бросил он и снова повернулся к игрокам, затеявшим схватку из-за мяча.

Таков был конец моих футбольных устремлений.

Преподаватели в Северо-Западном были превосходными, а занятия – интересными. Я изголодался по знаниям и с жадностью поглощал все, что мне давали.

Через неделю после начала занятий я увидел в коридоре объявление: «Отборочные испытания сегодня вечером. Дискуссионный клуб Северо-Западного».

Я остановился. Еще раз прочитал объявление. Хотя я понимал, что это безумие, меня все же так и тянуло попробовать.

Где-то я читал изречение, что многие люди больше смерти боятся публичных выступлений. И я относился к этому большинству. Ничто так не страшило меня, как публичные выступления. Но я был одержимым. И готов был хвататься за все. Продолжать переворачивать все новые страницы.

Вечером я вошел в зал, где проходили испытания. Там собралось множество молодых людей и девушек, ожидавших своей очереди. Все ораторы, на мой взгляд, были невероятно талантливы, прекрасно владели собой, говорили бегло, свободно и очень уверенно.

Наконец подошла моя очередь. Я поднялся и приблизился к микрофону.

– Ваше имя? – спросил ведущий.

– Сидни Шехтель.

– Ваша тема?

К этому я был готов.

– Капитализм против коммунизма.

– Валяйте, – кивнул он.

Я начал говорить, считая, что все идет лучше некуда. Но, не высказав и половины того, что собирался, вдруг замолчал. Язык словно примерз к нёбу. Я понятия не имел, как продолжить. Последовала длинная, напряженная пауза. Я промямлил что-то в завершение темы и поплелся к дверям, мысленно проклиная себя.

– Разве ты не первокурсник? – спросил стоявший у двери студент.

– Точно.

– И тебе никто не сказал?

– Что именно?

– Первокурсникам не позволяется участвовать в дискуссиях. В клуб берут только со старших курсов.

«Вот и хорошо, – подумал я. – По крайней мере теперь хоть как-то можно оправдать мой провал».

Утром имена новых членов клуба были вывешены на доске объявлений. Я из любопытства подошел взглянуть. В списке значилась фамилия «Шектер». Помню, я еще отметил, что фамилия очень похожа на мою. В конце было приписано, что все избранные должны в половине четвертого подойти к куратору клуба.

В четыре мне позвонили.

– Шектер, что с вами стряслось?

Сначала я не понял, кто со мной говорит и о чем.

– Да ничего. А в чем дело?

– Разве вы не видели объявления? Почему не подошли к куратору?

Шектер. Должно быть, они не так расслышали.

– Да, но я думал… я ведь первокурсник.

– Знаю. Мы решили сделать для вас исключение. Меняем правила.

Вот так я стал первым новичком в истории университета,

принятым в дискуссионный клуб Северо-Западного.

Еще одна страница была перевернута.

Несмотря на все нагрузки, которые я добровольно на себя взвалил, мне все же чего-то не хватало. Вот только чего? Я не понимал этого, но постоянно ощущал неудовлетворенность, находился в состоянии некоего отчуждения, вернее, изоляции от окружающих, испытывал беспокойство и тревогу. Наблюдая, как орды студентов спешат на занятия и с занятий, я невольно думал: «Все они анонимны. Безлики. А когда умрут, никто не узнает, что они вообще жили на этой земле».

Волны депрессии накатывали на меня.

«Я хочу, чтобы люди знали, что я жил здесь. Хочу, чтобы люди это знали. Хочу отличаться от остальных. Выделяться».

Вскоре депрессия стала еще сильнее. Меня словно душили густые черные тучи. Наконец в полном отчаянии я записался на прием к психологу колледжа, решив узнать, что со мной происходит.

Но по пути к нему я по неизвестной причине так развеселился, что начал петь. Добравшись до входа в здание, где находился кабинет психолога, я остановился. Зачем туда идти? Я и без того счастлив. Психолог еще решит, что я ненормальный!

Это было ошибкой. Поговори я с психологом тогда, наверняка узнал бы то, что смог обнаружить только много лет спустя.

Депрессия обрушилась на меня с новой силой, и конца ей не предвиделось.

С деньгами тоже становилось все хуже. Отто не мог найти работу, а Натали шесть дней в неделю пропадала в универмаге. Я по-прежнему каждый вечер трудился в гардеробе, а по субботам – в аптеке, но даже со случайными заработками Отто и жалованьем Натали этого оказалось недостаточно. Шел февраль тридцать пятого года, и мы уже успели задолжать за квартиру.

Как-то ночью я подслушал разговор Отто и Натали.

– Не знаю, что нам делать, – жаловалась мать. – Кредиторы осаждают. Может, взять еще ночную смену?

Ну уж нет! Мать и так надрывалась с утра до вечера, а вернувшись, готовила ужин и убирала. Я не мог допустить, чтобы она еще и по ночам не спала!

Следующим утром я решил бросить университет. Узнав об этом, Натали пришла в ужас.

– Ты не можешь прервать учебу, Сидни, – заплакала она. – Мы как-нибудь вывернемся.

Но я знал, что этому не бывать. И потому стал искать еще одну работу. Депрессия была в самом разгаре, и по улицам

ходили толпы безработных. Я обращался в рекламные агентства, газеты, на радиостанции, но вакансий не было.

По дороге на очередное собеседование с главой радиостанции я увидел большой универмаг «Мендель бразерс». Там было полно народу. Покупателей обслуживали с полдюжины продавцов. Я решил, что терять все равно нечего, вошел, осмотрелся и стал прохаживаться по универмагу. Он показался мне гигантским. Я миновал отдел женской обуви и остановился.

Здесь, должно быть, не слишком трудно работать.

– Чем могу помочь? – спросил подошедший мужчина.

– Я бы хотел видеть управляющего.

– Управляющий – это я. Моя фамилия Янг. Что я могу для вас сделать?

– Я ищу работу. У вас нет вакансий?

Мистер Янг осмотрел меня и, помедлив, признался:

– Собственно говоря, есть. У вас имеется опыт продажи женской обуви?

– О да! – заверил я.

– Где вы раньше работали?

Я припомнил магазин, где покупал обувь.

– «Том Макканн». Это в Денвере.

– Прекрасно. Идите в мой кабинет. И заполните эту форму.

Когда я закончил, управляющий просмотрел бланк и взглянул на меня:

– Во-первых, мистер Шехтель, «Макканн» не пишется, как «М-И-К-А-Н». И во-вторых, он расположен не по тому адресу, что вы указали.

Но я отчаянно нуждался в работе.

– Должно быть, переехали, – поспешил выкрутиться я. – И я абсолютно безграмотен. Видите ли…

– Надеюсь, что работаете вы лучше, чем лжете.

Я подавленно кивнул и встал:

– Все равно спасибо.

– Погодите. Я вас беру.

Я удивленно уставился на него:

– Правда? Но почему?

– Мой босс считает, что продавать женскую обувь могут только люди, имеющие опыт работы. А я думаю, что всякий может этому научиться, причем довольно быстро. Вот и поставим эксперимент.

– Спасибо, – смущенно поблагодарил я. – Я вас не подведу.

И, полный оптимизма, приступил к работе.

Ровно через четверть часа меня уволили.

Я совершил незамолимый грех.

Моей первой покупательницей оказалась хорошо одетая леди, которая попросила пару черных лодочек размера 7B.

Я изобразил лучезарную улыбку опытного продавца:

– Без проблем!

С тем и отправился в подсобку, где на длинных полках хранилась обувь. Сотни коробок со штампами 5B… 6W…7A… 8N… 9B…

Никаких 7B.

Я лихорадочно осматривал полки, постепенно приходя в отчаяние. И вдруг увидел размер 8, «малая полнота». Я решил, что покупательница ни за что не заметит разницы, и, взяв с полки туфли, принес ей.

– Вот нашел, – объявил я, обувая ей туфли. Женщина окинула их взглядом и покачала головой.

– Это 7B?

– О да, мэм.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Я желаю видеть заведующего.

На этом моей карьере продавца дамской обуви пришел конец.

В тот же день меня перевели в галантерейный отдел.

Глава 5

Теперь я работал шесть дней в неделю в универмаге, семь вечеров – в гардеробе отеля и по субботам – в аптеке «Афремоу», но денег по-прежнему не хватало. Отто трудился неполный рабочий день в конторе по продаже незарегистрированных ценных бумаг в Саут-Сайде, занимаясь тем, что в настоящее время назвали бы телемаркетингом. Его задача состояла в том, чтобы продавать людям ценные бумаги и собственность по телефону.

В огромном пустом зале перед телефонами сидели полтора десятка человек, одновременно говоривших с потенциальными покупателями и пытавшихся всучить им нефтяные скважины, акции с высокой котировкой и все, что могло посчитаться выгодным вложением. Работа была крайне напряженной. Имена и телефонные номера покупателей брались из списков, продаваемых владельцам подобных контор. Продавцы получали комиссионные с каждой успешной операции.

Отто приходил домой поздно и возбужденно рассказывал о своей работе. Поскольку контора была открыта семь дней в неделю, я решил забежать туда и посмотреть, нельзя ли заработать немного деньжат по воскресеньям. Отто договорился об испытательном сроке, и в следующее воскресенье я отправился с ним. Вскоре я уже стоял в скудно обставленном зале, прислушиваясь к надрывным голосам:

– …мистер Коллинз, вам повезло, что я сумел до вас дозвониться. Я Джейсон Ричардс, и у меня для вас великолепные новости! Вы и ваша семья только что выиграли бесплатную ВИП-поездку на Бермуды. Все, что от вас требуется, – это послать мне чек на…

– …мистер Адамс, у меня для вас прекрасные новости. Меня зовут Браун, Джим Браун. Я узнал, что вы вкладываете деньги в акции, а на днях выходит новая серия, которая обязательно поднимется в цене на сто процентов в течение следующих шести недель. Пока очень немногие об этом знают, но если действительно хотите сделать реальные деньги…

– …миссис Дойл, это Чарли Чейз. Поздравляю. Вы, ваш муж, малышка Аманда и Питер выбраны для бесплатной поездки в…

И так далее и тому подобное.

Меня поражало, сколько людей на самом деле покупали журавля в небе. По неизвестной причине наиболее доверчивыми оказывались доктора. Те хватали почти все. Большинство продаваемых товаров имели дефекты. Цена была явно завышена. Качество – отвратительным. А многие предприятия, акции

которых продавались, вообще не существовали.

Меня корежило от омерзения. Хватило одного дня, чтобы больше никогда не возвращаться в контору.

Работа в «Мендель бразерс» была однообразной и простой, но я не искал легких путей. Хотелось чего-то сложного и интересного, такого, которое дало бы мне шанс расти. Если бы я остался здесь и усердно трудился, меня могли повысить и даже сделать заведующим отделом. «Мендель бразерс» имели отделения по всей стране, так что со временем я сумел бы стать региональным менеджером и даже подняться до президента.

В понедельник утром ко мне подошел мой шеф, мистер Янг:

– У меня для вас неприятные новости, Шехтель.

– О чем вы, босс?

– Я собираюсь вас уволить.

– Я что-то сделал не так? – спросил я, пытаясь казаться спокойным.

– Нет. У меня приказ провести сокращение по всем отделам. Вас наняли последним. Значит, вы первый на сокращение.

Мне показалось, что кто-то схватил мое сердце и стиснул железной лапой. Без этой работы моей семье не прожить. Янг и понятия не имел, что увольняет не просто продавца галантерейного отдела, а будущего президента компании!

Теперь придется срочно искать новую работу. Долги росли как снежный ком. Мы задолжали бакалейщику, хозяин квартиры терял терпение, а свет и воду грозили отключить.

И тут я вспомнил о человеке, который мог мне помочь.

Чарли Файн, старый друг отца, был одним из руководителей большой промышленной компании. Я спросил Отто, можно ли обратиться к Чарли насчет работы.

Отто немного подумал и кивнул:

– Я сам поговорю с ним насчет тебя.

Следующим утром я вошел в массивные ворота фабрики «Стюарт Уорнер», самого большого в мире изготовителя автомобильных приводов. Фабрика находилась в пятиэтажном здании, занимавшем целый квартал на Дайверси-стрит. Охранник проводил меня через цех, заполненный гигантскими загадочными машинами, похожими на чудища и издававшими оглушительный скрежет.

Отто Карп, грузный коротышка с сильным немецким акцентом, уже ожидал меня.

– Значит, хотите здесь работать?

– Да, сэр.

Он разочарованно поморщился:

– Идите за мной.

Мы пошли по цеху. Все станки работали на полную мощность.

Подведя меня к одному из них, Карп пояснил:

– Здесь делают приводы и механизмы для спидометров. Иначе говоря, тросики, которые приводят в движение спидометры. Ясно?

– Да, сэр, – пробормотал я, не поняв ни единого слова.

Он подвел меня к следующему станку:

– А здесь перед вами конец тросика, соединяемого со спидометром. Тот длинный гибкий валик – это трос, который вставляется под прямым углом в спидометр.

Я смотрел на него и гадал, на каком языке он изъясняется. Китайском? Суахили?

Мы подошли к третьему станку.

– Этот станок предназначен для изготовления другого конца тросика, который соединен с передним диском, чтобы замерять скорость, видите?

Я опять кивнул.

Он потащил меня к очередному станку и снова принялся за объяснения, в которых я по-прежнему не понимал ни единого слова.

– На этом станке заменяются изношенные приводы. Размеры приводов передачи уже долгое время остаются стандартными. Преимущество ведущего привода на передние колеса состоит в том, что… – Он еще довольно долго говорил, потом спросил: – Понятно?

Суахили, решил я.

– Конечно.

– Теперь я покажу вам ваш отдел.

Он повел меня в отдел мелких партий. Руководить этим отделом отныне предстояло мне. Станки, которые мне показывали раньше, были настоящими гигантами и предназначались для выполнения оптовых заказов производителей автомобилей: партии насчитывали полмиллиона или больше приводов. В отделе мелких партий стояло всего три станка гораздо меньших размеров.

– Если кто-то заказывает пять-десять приводов, – пояснил Отто Карп, – нам невыгодно задействовать большие станки. Эти же рассчитаны на изготовление от одного до десяти приводов. Когда придет такой заказ, вы займетесь им и выполните в самые короткие сроки.

– Что я должен делать?

– Сначала просматриваете бланк заказа, потом отдаете его

оператору-станочнику. Когда детали готовы, относите их в цех отжига, где они получают закалку. Далее – технический контроль и, наконец, отдел упаковки.

Все показалось мне достаточно простым.

Я узнал, что мой предшественник давал своим рабочим не более шести заказов в день, а остальное придерживал, и люди по полдня болтались без дела. Я посчитал это пустой тратой времени, в течение месяца увеличил производительность на пятьдесят процентов и на Рождество получил премию. Вручая мне чек на четырнадцать долларов, Отто Карп объявил:

– Возьмите. Вы это заслужили. Я повышаю вам жалованье на доллар.

Отто снова уехал из города, а Натали продолжала трудиться в магазине. Ричард ходил в школу. Моя работа на «Стюарт Уорнер», в окружении сюрреалистических механизмов и унылых стен, с каждым днем становилась все более отупляющей. Да и вечера были не лучше. Я садился в вагон надземки, ехал до Петли, заходил в отель и следующие несколько часов занимался тем, что вешал и снимал пальто. Моя жизнь снова становилась уродливой серой рутиной.

Как-то ночью, возвращаясь домой, я прочел объявление в «Чикаго трибюн»: «Пол Эш спонсирует конкурс любителей. Начните карьеру в шоу-бизнесе».

Пол Эш, известный во всей стране руководитель оркестра, выступал в театре «Чикаго». Объявление было для меня все равно что валерьянка для кота. Я понятия не имел, в чем суть конкурса, но страстно желал в нем участвовать. В субботу, перед тем как идти в аптеку, я заехал в театр «Чикаго» и попросил провести меня к Полу Эшу. Из кабинета вышел его менеджер:

– Чем могу помочь?

– Я бы хотел записаться на конкурс любителей, – пояснил я.

Менеджер просмотрел список:

– У нас пока нет ведущего. Справитесь?

– О да, сэр.

– Прекрасно. Как вас зовут?

Как меня зовут? Шехтель? Разве такая фамилия годится для шоу-бизнеса? Люди вечно ее коверкают. Необходимо имя, которое сразу запомнится.

Десятки вариантов проносились в мозгу: Гейбл, Купер, Грант, Стюарт, Пауэлл…

Мужчина удивленно взглянул на меня.

– Вы забыли свое имя?

– Конечно, нет, сэр, – поспешно пробормотал я. – Сидни Ше…

Шелдон. Сидни Шелдон.

Менеджер записал мою новую фамилию в блокнот.

– Хорошо. Будьте здесь в следующую субботу, Шелдон. Шесть вечера. Передача будет вестись из студии.

«Как бы там ни было…»

– Как скажете, сэр.

Я поспешил домой сообщить новость родителям и брату. Они, естественно, порадовались за меня. Но мне предстояло рассказать еще кое о чем.

– Я выступаю под другой фамилией.

– То есть как?

– Понимаете, «Шехтель» не годится для шоу-бизнеса. Отныне я Сидни Шелдон.

Они переглянулись и пожали плечами:

– Как хочешь.

Следующие несколько ночей я почти не спал, в полной уверенности, что это только начало. Я обязательно должен выиграть конкурс, Пол Эш подпишет со мной контракт на гастроли по стране. *Сидни Шелдон* отправится с ним в поездку!

Дни тянулись нестерпимо медленно. И когда наконец наступила суббота, я помчался в театр «Чикаго», где меня вместе с остальными претендентами провели в маленькую радиовещательную студию. Среди нас были комик, певец, пианистка и аккордеонист.

– Шелдон, – обратился ко мне режиссер.

Я вздрогнул. Впервые кто-то назвал меня новым именем.

– Да, сэр?

– Когда я укажу на вас, подойдете к микрофону и начнете шоу. Скажете так: «Добрый вечер, леди и джентльмены. Добро пожаловать на конкурс Пола Эша. Я ведущий Сидни Шелдон. Вас ждет поразительное шоу, так что оставайтесь с нами».

– Да, сэр.

Через четверть часа режиссер взглянул на настенные часы и поднял руку.

– Тишина в студии! – объявил он и начал отсчет, после чего указал на меня.

Я еще никогда не был так спокоен, потому что твердо знал: это начало блестящей карьеры. Карьеры, которую я сделаю под новым звучным именем.

Я уверенно подошел к микрофону, глубоко вздохнул и произнес голосом опытного ведущего:

– Добрый вечер, леди и джентльмены. Добро пожаловать на конкурс Пола Эша. Я ваш новый ведущий Сидни Шелдон.

Глава 6

К концу этой речи я пришел в себя настолько, что смог представить других участников. Шоу покатилось без сучка и задоринки. Аккордеонист сыграл разухабистую мелодию, комик держался, как закаленный профессионал. У певца оказался прекрасный голос. Все шло как по маслу, пока я не объявил последнего участника, пианистку. Услышав свое имя, она запаниковала, расплакалась и вылетела из комнаты, оставив нам три минуты свободного эфира. Я понял, что должен их заполнить. В конце концов, я здесь ведущий.

Я снова вернулся к микрофону:

– Леди и джентльмены, мы еще только начинаем. Начинаем как любители но, поверьте, очень скоро превратимся в профессионалов.

Я так увлекся, что продолжал молоть языком, пока режиссер не подал мне знак заткнуться.

Передача закончилась. Я вполне сознавал, что спас шоу и должен получить заслуженную благодарность. Наверное, мне предложат работу, и…

– Какого черта ты вытворяешь, как там тебя? – подступил ко мне режиссер. – Мы перебрали пятнадцать секунд!

Моя карьера на радио закончилась, еще не начавшись.

Пол Эш не предложил мне поездку по стране, но результатом конкурса было одно весьма интересное, хоть и непредвиденное обстоятельство: Отто, Натали, Ричард, Сеймур, Эдди, Говард и Стив сменили фамилию на Шелдон. Только дядя Гарри так и остался Шехтелем.

В начале мая мой кузен Сеймур ошеломил всех нас объявлением о предстоящей женитьбе. Я познакомился с его будущей женой Сидни Зингер, еще когда жил в Денвере.

Сеймуру только исполнилось девятнадцать, но мне казалось, что он с рождения был взрослым, ответственным человеком. Сидни была молодой привлекательной секретаршей, работавшей в брокерской фирме Гарри, где и встретила Сеймура. Я считал ее искренней, умной, сердечной и к тому же восхищался ее чувством юмора.

Свадьба была простой. Присутствовали только члены семьи. После окончания церемонии я поздравил кузена:

– Тебе повезло. Она прекрасная девушка. Не упусти ее.

– Не волнуйся, я постараюсь, – заверил он.

Через полгода брак завершился тяжелым, мучительным

разводом.

– Что случилось? – спросил я Сеймура.

– Она узнала, что я ей изменил.

– И попросила развода?

– Нет. Она меня простила…

– Тогда в чем…

– Поймала меня с другой девицей. Вот тогда и развелась.

– И вы больше не видитесь?

– Нет. Она возненавидела меня. Предупредила, чтобы я не попадался ей на глаза. И вообще она уехала в Голливуд. Там у нее брат. Он устроил ее секретарем на «Метро-Голдвин-Мейер», к женщине-режиссеру Дороти Арзнер.

Дебют на радио привил мне вкус к шоу-бизнесу, и я загорелся желанием испытать себя еще раз. Радио вполне могло стать профессией, которую я искал. В редкие свободные минуты я обходил чикагские радиостанции, пытаясь устроиться диктором. Но разумеется, ничего не получалось. Вакансий не было. Приходилось смириться с тем, что я вновь попал в капкан и не имел никаких перспектив на будущее.

Как-то в воскресенье, когда дома никого не было, я сидел за маленьким спинетом, сочиняя мелодию. Закончив, решил, что это не так плохо, и написал стихи. Песня получила название «Я молчу». Еще раз просмотрел текст и подумал: «А что теперь?» Оставалось либо отложить ноты и забыть о них, либо попытаться куда-нибудь пристроить свое творение.

И я решил попытаться куда-нибудь пристроить песню.

В этом, 1936 году, в бальных залах больших отелей играли оркестры. Их выступления обычно транслировали по радио. В отеле «Бисмарк» оркестром руководил приятный молодой человек по имени Фил Ливант. Я никогда с ним не разговаривал, но время от времени, когда он проходил мимо гардеробной, мы кивали друг другу.

Я вознамерился показать Филу свою песню и, увидев его вечером, подошел и сказал:

– Простите, мистер Ливант, но я написал песню и хотел спросить, не согласитесь ли вы на нее взглянуть.

Судя по выражению лица, его просто осаждали подобными просьбами, но, как человек вежливый, он заверил, что будет очень рад.

Я отдал ему второй экземпляр нот. Фил наспех просмотрел их и ушел. Я сделал, вывод, что надеяться не на что.

Но через час Фил вновь появился в гардеробной.

– Эта ваша песня… – начал он.

Я затаил дыхание.

– …мне она понравилась. Оригинально, Думаю, она может стать хитом. Не возражаете, если я сделаю оркестровку и мы ее сыграем?

Возражать?!

– Нет, – пролепетал я, – это… это чудесно.

Ему понравилась моя песня!

На следующий вечер, пока я развешивал шляпы и пальто, из большого зала донеслась мелодия «Я молчу».

Я был на седьмом небе. Поскольку игра оркестра транслировалась по радио, ее наверняка услышат по всей стране. У меня даже голова закружилась.

Закончив работу поздно вечером, я приплелся домой и лег в горячую ванну. И не успел расслабиться, как в ванную комнату ворвался Отто:

– Тебе звонят.

В этот час?

– Кто это?

– Говорит, его зовут Фил Ливант.

Я выскочил из ванны, схватил полотенце и поспешил к телефону.

– Мистер Ливант?

– Шелдон, тут сидит издатель из компании «Хармс». Вашу песню услышали в Нью-Йорке и хотят опубликовать текст и ноты.

Я едва не выронил трубку.

– Не можете ли вы сейчас же приехать? Он вас ждет.

– Уже бегу.

Я кое-как вытерся, поспешно натянул одежду и схватил ноты.

– Что случилось? – спросил Отто.

Я объяснил, в чем дело, и попросил у него машину. Отто тут же протянул мне ключи.

– Только осторожнее, – предупредил он.

Я торопливо сбежал вниз, сел в машину и направился к Аутер-драйв, шоссе, ведущему к отелю «Бисмарк». Голова кружилась при одной мысли о том, что первую же мою песню ждет успех. Я так забылся, что опомнился, только услышав вой сирены. Позади тревожно вспыхивал красный свет. Я подкатил к обочине и остановился. Полицейский слез с мотоцикла и подошел к машине.

– Куда спешим?

– Я не заметил, что превысил скорость, сэр. Я еду в отель «Бисмарк» на встречу с издателем. Я работаю там в гардеробе. Видите ли, кое-кому понравилась моя песня, и…

– Права!

Я показал ему свои права. Он отобрал их и сунул в карман.

– О'кей. Следуйте за мной.

Я с недоумением уставился на него:

– Следовать за вами? Но куда? Просто выпишите штраф. Мне некогда…

– У нас новые правила. Мы больше не выписываем квитанций, а доставляем нарушителей в участок.

Сердце у меня упало.

– Но мне нужно попасть на эту встречу. Если вы просто выпишете штраф, я буду рад за…

– Я сказал, следуйте за мной.

Выхода не было.

Он завел мотоцикл и поехал вперед. Я последовал за ним. Вместо встречи с издателем меня ждал полицейский участок.

Я добрался до следующего перекрестка как раз в тот момент, когда желтый свет сменился красным. Полицейский не остановился. В отличие от меня. Я подождал, пока загорится зеленый, а когда снова поехал, мотоцикла не было видно. Я сбавил скорость, чтобы коп не подумал, будто я стараюсь улизнуть. И чем дальше ехал, тем легче становилось на душе. Он убрался. Забыл обо мне. Ищет, кого бы еще послать в тюрьму.

Я нажал на акселератор, свернул к отелю «Бисмарк», где оставил машину в гараже, и поспешил в гардероб.

И не поверил собственным глазам – там уже сидел взбешенный полицейский.

– Вообразил, что сумеешь улизнуть от меня, да?

Я озадаченно пожал плечами:

– Я не пытался улизнуть от вас. Вспомните, я отдал вам свои права, сказал, что еду сюда, и…

– Прекрасно. Вы здесь. А теперь мы едем в участок.

– Позвольте хотя бы позвонить отцу, – в отчаянии попросил я.

Он покачал головой:

– Я и так потратил на вас слишком много…

– Всего секунду!

– Валяйте, только покороче.

Я набрал домашний номер.

– Алло, – отозвался Отто.

– Отто…

– Ну, как все прошло?

– Меня забирают в полицию, – перебил я и как мог объяснил ситуацию.

– Дай трубку полисмену, – велел Отто.

Я протянул трубку полицейскому:

– Мой отец хочет с вами поговорить.

Тот неохотно взял трубку:

– Да… нет, у меня нет времени слушать. Я забираю вашего сына в участок… Что? Вот как? Интересно. Понимаю, о чем вы… как ни странно, именно так… у меня есть шурин, которому нужна работа… В самом деле? Сейчас запишу… – Он вынул ручку, блокнот и стал что-то писать. – Очень любезно с вашей стороны, мистер Шелдон. Я пришлю его к вам утром. – И, мельком взглянув на меня, добавил: – Не беспокойтесь о своем сыне.

Я с раскрытым ртом прислушивался к разговору. Полисмен положил трубку, отдал мне права и сказал:

– Чтобы больше такого не было. И если я еще раз поймаю вас на превышении скорости…

Я поспешно закивал и, проводив его взглядом, спросил у служащей:

– Где Фил Ливант?

– Дирижирует оркестром, но кто-то ждет вас в кабинете управляющего.

В кабинете сидел невысокий, вертлявый, хорошо одетый мужчина лет пятидесяти.

– Так это и есть наш вундеркинд? – спросил он, увидев меня. – Я Брент. Работаю в «Т.Б. Хармс».

«Т.Б. Хармс» в то время было одним из самых крупных музыкальных издательств в стране.

– Вашу песню услышали в Нью-Йорке, – продолжал он, – и наше издательство хотело бы ее опубликовать.

Мое сердце пело от радости.

– Есть только одна проблема, – поколебавшись, пробормотал он.

– Какая именно?

– Издатели считают, что Фил Ливант недостаточно известен, чтобы представлять вашу песню. Тут нужен кто-то поважнее.

Вот так удар! Я не знал никого поважнее…

– Сейчас в отеле «Дрейк» играет Хорас Хейдт. Может, вам стоит потолковать с ним и показать вашу песню?

Хорас Хейдт считался едва ли не самым популярным в Америке руководителем оркестра.

– Попробую.

Он вручил мне визитку:

– Попросите его мне позвонить.

– Обязательно, – пообещал я.

Который час? Всего без четверти двенадцать? Хорас Хейдт, должно быть, еще играет!

Я сел в машину Отто и очень медленно поехал в отель «Дрейк», где сразу поднялся в бальный зал. Танцы в самом деле

еще продолжались.

– Вы заказывали столик? – спросил метрдотель, едва я переступил порог зала.

– Нет. Я приехал к мистеру Хейдту.

– Можете подождать здесь. – Он указал на столик у дальней стены.

Еще четверть часа – и Хорас Хейдт спустился с эстрады. Я поспешил его перехватить.

– Мистер Хейдт, меня зовут Сидни Шелдон. Я написал песню…

– Простите, у меня нет времени, чтобы…

– Но Хармс хочет опу…

Хейдт повернулся и пошел к выходу.

– Хармс хочет ее опубликовать! – крикнул я вслед. – Но просит, чтобы именно вы представляли песню!

Хейдт остановился и направился ко мне.

– Позвольте посмотреть.

Я протянул ему ноты.

Он пробежал глазами партитуру, словно никому не слышная мелодия звучала у него в мозгу.

– Неплохо.

– Вас она интересует?

Хейдт поднял голову:

– Да. Я хочу пятьдесят процентов от прибыли.

Я бы с радостью отдал ему все сто!

– Заметано! – кивнул я, отдавая ему визитку Брента.

– Я попрошу сделать оркестровку. Приходите завтра.

На следующий вечер, вернувшись в отель «Дрейк», я услышал свою песню в исполнении Хораса Хейдта и его оркестра, и она звучала даже лучше, чем в аранжировке Фила Ливанта. Я сел и стал ждать, когда Хейдт освободится. Он сам подошел к моему столику.

– Вы говорили с мистером Брентом? – спросил я.

– Да. Мы заключаем контракт.

Я улыбнулся. Значит, мою песню опубликуют!

На следующий день Брент пришел в гардероб «Бисмарка».

– Все в порядке? – спросил я.

– Боюсь, что нет.

– Но…

– Хейдт просит аванс пять тысяч долларов, а мы никогда не даем столько за первую песню.

Я даже не нашел что ответить. И после окончания работы снова отправился в отель «Дрейк» к Хорасу Хейдту.

– Мистер Хейдт, мне не нужен аванс, – объявил я. – Я просто

хочу, чтобы мою песню опубликовали.

– Так и будет, – заверил он. – Не волнуйтесь. Я сам ее опубликую. На следующей неделе я уезжаю в Нью-Йорк, и, поверьте, песня выйдет в эфир.

Хейдт не только управлял оркестром, но и вел популярное еженедельное шоу «Хорас Хейдт и его бригадные генералы».

«Я молчу» будет транслироваться из Нью-Йорка по всей стране.

В течение следующих недель я слушал каждую передачу, где звучал оркестр Хораса. Хейдт не солгал. «Я молчу» транслировалась едва ли не каждый день – и по вечерам, и в шоу Хейдта. Он использовал мою песню, но так ее и не опубликовал.

Но это меня не обескуражило. Если я смог написать песню, заинтересовавшую известного издателя, что мешает мне сочинить целую дюжину?

Именно так я и поступил. Проводил все свободное время за инструментом, считая, что двенадцать – хорошее число, достойное. Дюжину песен не стыдно отослать в Нью-Йорк. Ехать самому было не по карману. Нельзя терять работу – нужно помогать семье.

Натали прослушала мои песни и была вне себя от восторга:

– Дорогой, они лучше, чем у Ирвинга Берлина.[9] Когда ты повезешь их в Нью-Йорк?

Я покачал головой:

– Натали, я не могу ехать. Я работаю в трех местах. Если…

– Ты должен ехать, – твердо сказала она. – Никому и в голову не придет обратить внимание на песни, присланные по почте. Тебе нужно показать их лично.

– Но нам это не по карману. Если я…

– Дорогой, это твой шанс. И тебе не по карману его терять.

Я и не знал, что мать так за меня переживает.

Вечером состоялся семейный совет. Отто не слишком охотно согласился на мою поездку, при условии, что я найду там временную работу, пока мои песни не начнут продаваться.

Было решено, что я уеду в следующую субботу.

Прощальным подарком Натали был билет до Нью-Йорка на автобус линии «Грейхаунд».

Ночью, когда мы с Ричардом ложились спать, он спросил:

– Ты в самом деле станешь таким же знаменитым композитором, как Ирвинг Берлин?

И я сказал ему правду:

– Обязательно.

При тех деньгах, которые на меня свалятся, Натали никогда

больше не придется работать.

Глава 7

До поездки в Нью-Йорк в 1936 году я ни разу не бывал на автовокзале. Автовокзал междугородной компании «Грейхаунд» оживленно гудел. Отсюда шли автобусы во все города страны. И прибывших и отъезжавших было хоть отбавляй. Мой автобус казался огромным. Удобные кресла и даже туалет с умывальником!

Дорога до Нью-Йорка заняла четыре с половиной дня. Утомительное путешествие, но я был так занят мечтами о своем прекрасном будущем, что не замечал ничего вокруг.

Когда мы подъехали к нью-йоркскому автовокзалу, в моем кармане оставалось тридцать долларов – деньги, которые были совсем нелишними для Отто и Натали.

Я заранее позвонил в ИМКА[10] и зарезервировал комнату в их гостинице.

Комната оказалась маленькой и убогой, зато стоила всего четыре доллара в неделю. Но даже при такой дешевизне я знал, что не успею оглянуться, как тридцать долларов мигом улетучатся.

Я отправился к управляющему.

– Мне нужна работа, причем как можно скорее. Не знаете, кому… – начал я.

– Для наших гостей имеется служба занятости, – сообщил он.

– Здорово! А сейчас есть вакансии?

Он потянулся к листочку бумаги и, пробежав его глазами, сказал:

– Есть место билетера в кинотеатре «Джефферсон» компании «РКО»[11] на Четырнадцатой улице. Подойдет?

Подойдет?!

В этот момент моей единственной в жизни мечтой было место билетера кинотеатра «Джефферсон» на Четырнадцатой улице!

– Именно что-то в этом роде я и искал, – признался я.

Управляющий написал записку и отдал мне.

– Отнесете в кинотеатр завтра утром.

Я пробыл в Нью-Йорке меньше одного дня и уже получил работу!

Сразу позвонил Натали и Отто.

– Это хороший знак! – обрадовалась мать. – Вот увидишь, ты всего добьешься!

Остаток дня и вечер я бродил по городу. Совершенно волшебное место, по сравнению с которым Чикаго казался

провинциальным и жалким. Здесь все было больше: здания, магазины, улицы, вывески, толпы. И больше возможностей сделать карьеру.

Кинотеатр «Джефферсон» компании «РКО», бывший театр варьете, оказался старым двухэтажным зданием с будкой кассира перед входом. Он входил в сеть кинотеатров компании «РКО». Здесь очень часто давали двойные сеансы: на один билет показывали две картины.

Я прошагал тридцать девять кварталов от ИМКА до кинотеатра и отдал директору записку.

Тот окинул меня взглядом и спросил:

– Вы когда-нибудь работали билетером?

– Нет, сэр.

Он пожал плечами:

– Не важно. Можете долго оставаться на ногах?

– Да, сэр.

– Знаете, как включать ручной фонарик?

– Да, сэр.

– В таком случае вы годитесь. Жалованье – четырнадцать сорок в неделю. Работа – шесть дней с четырех двадцати до полуночи.

– Подходит.

Это означало, что у меня остаются свободными утро и часть дня, которые я могу провести в Брилл-билдинг, где располагались штаб квартиры большинства музыкальных издательств.

– Идите в раздевалку. Попробуем подобрать для вас униформу.

– Да, сэр.

Я примерил униформу. Директор одобрительно кивнул:

– Неплохо. Получше следите за балконом.

– За балконом?

– Сами все поймете. Начнете завтра.

– Да, сэр.

И завтра начнется моя карьера композитора!

Небоскреб Брилл-билдинг считался святая святых музыкального бизнеса. И находился он на Бродвее, на Сорок девятой улице, в центре Тин-Пан-элли, где у каждого крупного музыкального издателя имелась своя контора.

Проходя по коридорам, я слышал звуки «Нежного романса», «Ты у меня в сердце», «Пенни с небес»…

Стоило мне прочитать несколько названий на дверных табличках, как сердце бешено заколотилось: «Джером Ремик»… «Роббинс мюзик корпорейшн»… «М. Уитмарк и сыновья»…

«Шапиро Бернстайн и компания»… «Т.Б. Хармс» – все гиганты музыкальной индустрии. Настоящий Олимп музыкальных талантов. Кол Портер, Ирвинг Берлин, Ричард Роджерс, Джордж и Айра Гершвины, Джером Керн… Все они начинали здесь.

Я вошел в офис «Т.Б. Хармс» и обратился к мужчине за письменным столом:

– Доброе утро. Я Сидни Шех… Шелдон.

– Чем могу помочь?

– Я написал «Я молчу». Ваши люди хотели ее опубликовать.

– О да, теперь припоминаю. Действительно, одно время мы собирались…

Одно время?

– А сейчас?

– Видите ли, песню слишком заиграли. Хорас Хейдт чересчур часто ее транслировал. У вас есть что-то новое? – поинтересовался он.

– Да, сэр. Завтра утром я принесу несколько песен, мистер…

– Таскер.

Ровно в четыре двадцать я, уже в униформе билетера, провожал людей на места. Директор был прав – такую работу способен выполнять каждый. Единственное, что спасало меня от зеленой тоски, – фильмы, которые тут демонстрировались. Когда народу было поменьше, я садился в заднем ряду и смотрел. Первый двойной сеанс включал «День на скачках» с братьями Маркс и «Мистер Дидс едет в город». Ожидался показ «Звезда родилась» с Дженет Гейнор и Фредриком Маршем и «Додсуорт» с Уолтером Хастоном.

В полночь, когда закончилась смена, я вернулся в гостиницу. Комната больше не казалась маленькой и убогой. Я твердо знал, что когда-нибудь буду жить во дворце. Утром отнесу песни в издательство, и единственной проблемой будет, которую из них решат опубликовать первой: «Призрак моей любви»… «Я буду, если захочу»… «Пригоршня звезд»… «Когда любовь ушла»…

В восемь тридцать утра я уже стоял перед дверью «Т. Б. Хармс компани», ожидая, пока откроют. В девять появился мистер Таскер.

– Вижу, вы принесли нам песни! – воскликнул он вместо приветствия, заметив в моей руке большой конверт.

– Да, сэр, – широко улыбнулся я.

Мы вошли в офис. Я отдал ему конверт и хотел было сесть, но он остановил меня:

– Зачем вам ждать? Я посмотрю это, когда смогу. Почему бы вам не прийти завтра?

Я ответил абсолютно профессиональным кивком бывалого песенника.

Что ж, светлое будущее может подождать еще двадцать четыре часа.

Я отправился в кинотеатр и снова надел униформу. Директор оказался прав и насчет балкона. Оттуда постоянно доносились смешки и шепот. В последнем ряду сидели молодой человек и девушка. Когда я направился к ним, парень поспешно отодвинулся от девушки, а она одернула короткое платье. Я отошел и больше не поднимался наверх. Черт с ним, с директором. Пусть позабавятся вволю.

Утром я был в офисе «Хармс» в восемь, на случай если мистер Таскер придет пораньше. Но он появился ровно в девять и открыл дверь.

– Доброе утро, Шелдон.

Я попытался угадать по голосу, понравились ли ему мои песни и было приветствие обычным или я различил в нем нотки волнения?

Мы вошли в офис.

– У вас нашлось время прослушать мои песни, мистер Таскер?

– Да, – кивнул он. – Очень неплохо.

Я просиял, но не стал задавать вопросов, желая услышать, что он скажет дальше. Однако Таскер молчал.

– А какая вам понравилась больше? – не выдержал наконец я.

– К сожалению, это не то, что нам сейчас требуется.

Такого удара я не ожидал. Ничего более обескураживающего я в своей жизни не слышал.

– Но наверняка какие-то… – промямлил я.

Он порылся в столе, вынул конверт и протянул мне:

– Буду всегда рад прослушать то, что вы принесете.

На этом мы распрощались.

«Это еще не конец, – думал я. – Это только начало!»

Остаток утра и часть дня я провел, заглядывая в другие издательства. Но разговор неизменно сводился к одному:

– Ваши песни когда-нибудь публиковались?

– Нет, сэр, но я…

– Мы не берем произведений начинающих авторов. Возвращайтесь, когда что-нибудь опубликуете.

Но как я мог опубликовать что-то, если издатели не желали смотреть мои песни, раз у меня ничего не напечатано?

Отныне все свободное время я проводил дома и писал, писал…

А в кинотеатре мне посчастливилось посмотреть чудесные

фильмы: «Великий Зигфелд», «Сан-Франциско», «Мой человек Годфри» и «Мы будем танцевать» с Фредом Астером и Джинджер Роджерс. Они переносили меня в другой мир, мир роскоши, элегантности и богатства.

Деньги заканчивались. Я получил от Натали чек на двадцать долларов, но отправил его обратно, понимая, что без моего заработка им приходится трудно, тем более что Отто так и не нашел места. Я все время чувствовал себя виноватым, считая, что нехорошо думать о себе, если семья нуждается в моей помощи.

Когда новая серия песен была готова, я отнес ее к издателям. Ответ был прежним и привел меня в бешенство:

Возвращайтесь, когда что-то опубликуете.

Очередная волна депрессии захлестнула меня. Все казалось абсолютно безнадежным. Я не намеревался всю жизнь быть билетером, а мои песни никого не интересовали.

Вот выдержка из моего письма родителям от 2 ноября 1936 года:

> «Я хочу, чтобы вы были как можно более счастливыми. Мое же счастье напоминает воздушный шарик, ожидающий, пока его поймают. Он плывет по ветру над океанами, просторными зелеными лугами, деревьями и ручьями, милыми пасторальными сценами и залитыми дождем тротуарами. Сначала высоко – так что едва видно, потом совсем низко. Его уносит то в одну сторону, то в другую по воле игривого ветра, в один момент бессердечного и жестокого, в другой – нежного и участливого. Это ветер судьбы, от которого зависят наши жизни».

Как-то утром в вестибюле общежития я увидел молодого человека примерно моего возраста. Он сидел на диване и что-то яростно строчил на бумаге. Поскольку он при этом напевал, я предположил, что он пишет стихи, и из любопытства решил подойти.

– Вы песенник?

Он поднял глаза и молча кивнул.

– Я тоже. Сидни Шелдон.

Он протянул мне руку:

– Сидни Розенталь.

Это стало началом долгой дружбы. Мы проговорили целое утро, и я почувствовал, что обрел родственную душу.

На следующий день директор кинотеатра вызвал меня к себе.

– Наш зазывала болен, – сообщил он. – Вам придется надеть

его униформу и занять его место, пока он не вернется. Будете работать днем. Обязанности несложные – расхаживать перед кинотеатром и кричать: «Рассажу немедленно! Не нужно ждать мест!» Как видите, ничего особенного. И жалованье побольше.

Я, разумеется, обрадовался. Не из-за повышения. Просто теперь я мог отсылать деньги домой.

– И сколько же?

– Пятнадцать сорок в неделю.

Ну и повышение! Всего доллар!

В новой униформе я смотрелся генералом русской армии. И хотя не имел ничего против новой должности, все же не мог вынести повторения одной и той же фразы в продолжение нескольких часов. Поэтому и решил немного расцветить свою роль.

– Потрясающий двойной сеанс! – оглушительно вопил я. – «Техасские рейнджеры» и «Человек, который жил дважды»! Интересно, как может человек жить дважды, леди и джентльмены? Заходите и увидите сами! Вы получите незабываемые впечатления! И ждать мест не придется! Поспешите, пока еще остались билеты!

Прежний зазывала так и не вернулся, и место осталось за мной. Разница с прежней работой состояла лишь в том, что теперь я работал по утрам и в первой половине дня. Но у меня оставалось время обходить издателей, которых по-прежнему не интересовали мои песни. Мы с Сидни Розенталем написали несколько песен вместе. Они заслужили множество похвал, но ни одного контракта мы не подписали.

К концу недели у меня оставалось в кармане не более десяти центов. Поскольку приходилось добираться из кинотеатра до Брилл-билдинг, надо было решать: купить хот-дог за пять центов и кока-колу еще за пять и одолеть пешком тридцать пять кварталов или съесть хот-дог без кока-колы и проехаться в подземке за никель. Обычно я чередовал варианты.

Через несколько дней моей работы зазывалой бизнес явно оживился.

Я по-прежнему расхаживал перед кинотеатром, вопя:

– Не пропустите «Завоевание» с Гретой Гарбо и Чарлзом Бойером! А вот и сюрприз для вас: «Ничего святого» с Кэрол Ломбард и Фредриком Марчем! Это величайшие в мире любовники, и они научат вас, как быть великими любовниками. Всего тридцать пять центов за билет! Два урока любви за тридцать пять центов! Сделка века! Спешите, спешите, спешите, скорее билеты купите!

И публика шла в кино.

Рекламируя другие фильмы, я развлекался еще больше:

– Приходите на самый потрясающий двойной сеанс шоу-бизнеса «Ночь должна спуститься» с Робертом Монтгомери и Розалинд Рассел! Не снимайте пальто, потому что вас наверняка проймет озноб! А на десерт – новая серия «Тарзана»!

Тут я издавал роскошный тарзаний вопль, такой оглушительный, что люди уже за квартал начинали оборачиваться, желая посмотреть, что происходит, а потом возвращались и покупали билеты. Директор время от времени выходил на улицу и наблюдал за моей работой.

В конце следующей недели ко мне подошел незнакомец:

– Где этот сукин сын из Чикаго?

Мне его тон не понравился.

– А в чем дело?

– Управляющий сети кинотеатров РКО заявил, что все зазывалы обязаны учиться у того ублюдка и повторять все, что он делает.

– Я ему скажу, как только вернется, – заверил я и, отвернувшись, сказал обычным тоном: – Рассажу немедленно. Не нужно ждать мест.

Преимущества работы днем заключались в том, что у меня не только оставалось время обходить издателей, но и вечера были свободными, и по крайней мере три раза в неделю я ходил в театр смотреть пьесы. Денег, конечно, хватало только на самые дешевые места на галерке. Зато я видел «Обслуживание номеров», «Ирландская роза Эйби», «Тобакко-роуд», «Ты не сможешь взять это с собой»…

Репертуар был бесконечен.

Мой новый друг Сидни Розенталь нашел работу и как-то предложил мне:

– Почему бы нам не скинуться на приличное жилье и не убраться отсюда подальше?

– Классная мысль.

Через неделю мы покинули гостиницу ИМКА и перебрались в отель «Гранд-юнион» на Тридцать второй улице. У нас были две спальни и гостиная, что после клетушки в ИМКА казалось верхом роскоши.

В письме Натали напомнила мне о дальнем родственнике, жившем в Нью-Йорке. Он, как и дядя Сэм, управлял гардеробом в казино «Глен Коув» на Лонг-Айленде. Мать посоветовала мне позвонить ему. Родственника звали Клиффордом Вулфом, и прием, оказанный мне, нельзя было назвать иначе чем самым сердечным.

– Я слышал, ты перебрался в Нью-Йорк. Чем занимаешься?

Я объяснил.

– Не хочешь поработать в моем гардеробе три ночи в неделю?

– С удовольствием! – обрадовался я. – Но у меня есть приятель, который…

– Зови и его.

Итак, три ночи в неделю мы с Сидни проводили на Лонг-Айленде, где вместе получали три доллара, развешивая шляпы и пальто. Тепленькое местечко – там, помимо всего прочего, мы имели возможность таскать с буфетной стойки столько еды, сколько могли унести.

К тому же нас вместе со служащими казино привозил и увозил служебный автомобиль. Полученные деньги я посылал Натали. Она упорно возвращала их мне.

Как-то вечером, когда я вошел в гардероб, Клиффорд Вулф недовольно поморщился:

– Этот костюм, который на тебе…

Костюм и в самом деле совершенно износился.

– И что теперь?

– У тебя нет ничего получше?

Я смущенно покачал головой. Мой гардероб уместился бы в обычном портфеле.

– Боюсь, нет.

– Ничего, мы что-нибудь придумаем, – пообещал он.

На следующий вечер, когда я приехал в «Глен Коув», Клиффорд Вулф протянул мне синий саржевый костюм и сказал:

– Отправляйся к портному, пусть он подгонит костюм на тебя.

С этого времени я ходил в «Глен Коув» в костюме Клиффорда.

Необъяснимые смены моего настроения продолжались. Я либо был безрассудно весел, либо находился на грани самоубийства. Ниже приводится очередная выдержка из письма к Натали и Отто от 26 декабря 1936 года. Я писал:

> «Сейчас я почти сдался и готов прекратить борьбу. Не знаю, смогу ли продержаться еще немного. Будь я уверен в своих силах, все шло бы значительно легче».

Но уже через месяц тон моих писем стал совсем другим:

> «Что касается песен, похоже, что лед тронулся. Менеджер „Чаппел“ услышал один из наших новых номеров, велел переписать припев и снова принести. Он очень разборчив, и уж если песня ему понравилась, это

хороший знак».

У меня снова сместился позвоночный диск, и на этот раз мне пришлось пролежать в постели три дня. А когда я выздоровел, мне стало легче, я опять впал в эйфорию. Именно в этот момент передо мной открылись новые перспективы. В один из моих обходов Брилл-билдинг я встретил хорошо одетого коротышку с приветливой улыбкой. Тогда я не знал его имени, но он был в офисе компании «Ремик», когда менеджер слушал одну из моих песен. К сожалению, менеджер привычно покачал головой.

– Это не то, что нам сейчас… – начал он.

– Но это может оказаться настоящим хитом, – уговаривал я. – «Когда любовь ушла, любовь ушла, звезды больше не сияют, и грустные песни льются в душу…»

Менеджер пожал плечами.

Незнакомец с приветливой улыбкой пристально посмотрел на меня и попросил показать ноты.

– Чертовски хорошие стихи, – заметил он. – Как вас зовут?

– Сидни Шелдон.

Он протянул мне руку:

– Я Макс Рич.

Я знал это имя. Две его песни звучали по радио всю последнюю неделю. Одна называлась «Улыбайся, черт тебя возьми, улыбайся». Вторая – «Девушка в маленькой зеленой шляпке».

– Вы уже что-то опубликовали, Сидни?

Опять этот коварный вопрос. Я сразу пал духом и стал поглядывать в сторону двери.

– Нет.

– Что ж, пора начать. Хотите работать со мной?

Такого я не ожидал. Вот он, долгожданный шанс!

– Я… буду очень рад, – выдохнул я.

– Мой офис на втором этаже. Приходите завтра в десять утра, и приступим к работе.

– Здорово!

– Да, и принесите все стихи, которые у вас есть.

Я судорожно сглотнул.

– Обязательно, мистер Рич.

В эту минуту я был на седьмом небе! А когда рассказал обо всем Сидни Розенталю, тот тоже обрадовался:

– Поздравляю! Макс Рич может опубликовать все, что угодно.

– Я могу показать ему и твои песни, – предложил я.

– Сначала пробейся сам.

– Ты прав.

Вечером мы с Сидни устроили праздничный ужин, но я был слишком взволнован, чтобы есть. Все, о чем я мечтал, вот-вот сбудется. «Песни Макса Рича и Сидни Шелдона». Звучит прекрасно! И имена так здорово сочетаются!

Я чувствовал, что с Максом Ричем будет легко работать, и был уверен: мои стихи ему понравятся.

Я уже хотел позвонить Натали и Отто, но решил подождать, пока все не уладится окончательно.

Но ночью, лежа в постели, я вдруг подумал: «С чего это Макс Рич вдруг захочет писать песни вместе со мной?! Почему не найдет никого другого? Он просто очень добрый человек. Вот и переоценил мой небольшой талант, но скоро наверняка разочаруется. Я недостаточно хорош, чтобы работать с ним».

Неизвестно откуда вновь спустилось черное облако тоски.

«Все издатели в Брилл-билдинг отказали мне, а они профессионалы и могут с первого взгляда распознать истинный талант. Я ничтожество. И, если приду к Максу, просто поставлю себя в глупое положение.»

В десять утра, пока Макс Рич ждал меня в своем офисе, я уже сидел в автобусе компании «Грейхаунд», идущем в Чикаго.

Глава 8

Я вернулся в Чикаго в марте 1937-го, потерпев полный крах. Родные очень мне сочувствовали, но от этого легче не становилось.

– Эти люди ничего не понимают и не способны распознать талантливую песню, – утверждала Натали.

Семье по-прежнему приходилось туго. Денег катастрофически не хватало. Я без особой охоты вернулся в гардероб отеля «Бисмарк», а днем парковал машины в ресторане в Норт-Сайде, в Роджерс-Парке. Непонятные переходы от депрессии к эйфории все продолжались, и я не мог с ними совладать. Без всякой причины то радовался, то грустил, когда все шло хорошо.

Как-то вечером Чарли Файн, мой наставник из «Стюарт Уорнер», и его жена Вера пришли к нам на ужин. По соображениям экономии на стол подали готовые блюда из дешевого китайского ресторанчика по соседству. Но Файны сделали вид, что ничего не замечают. За столом Вера упомянула, что на следующей неделе едет в Сакраменто, штат Калифорния.

Калифорния. Голливуд.

Передо мной словно распахнулась дверь. Я вспомнил о волшебных часах, проведенных в кинотеатре «Джефферсон», когда вместе с Уильямом Пауэллом и Мирной Лоу раскрывал преступления в «Тонком мужчине», ехал в Калифорнию в крытом фургоне вместе с Джоном Уэйном в «Орегонском тракте», беспомощно наблюдал, как Роберт Монтгомери терроризирует Розалинд Рассел в «Ночь придет», скакал по деревьям вместе с Тарзаном, обедал с Кэри Грантом, Кларком Гейблом и Джуди Гарланд.

Я выпалил:

– Если не возражаете, я вас туда отвезу!

Все удивленно уставились на меня.

– Ты очень добр, Сидни, – пробормотала Вера, – но я не хочу тебя затруд…

– Буду очень рад! – с энтузиазмом заверил я и повернулся к Натали и Отто: – Я хотел бы отвезти Веру в Калифорнию.

Воцарилось неловкое молчание.

После ухода Файнов разговор снова возобновился.

– Не можешь же ты снова уехать! – возражал Отто. – Только вернулся и вот…

– Но если я найду работу в Голливуде…

– Нет. Мы что-нибудь подберем здесь.

Я хорошо знал, что ждет меня в Чикаго: гардеробы, аптеки и

автостоянки. С меня довольно! Сыт по горло!

После короткой паузы вступила Натали:

– Отто, если именно этого хочет Сидни, стоит дать ему шанс. Вот что я скажу: нужно найти компромисс. Сидни, если через три недели ты не найдешь работы, вернешься домой.

– Заметано! – обрадовался я, совершенно уверенный, что легко получу работу в Голливуде. И чем дольше я об этом думал, тем больше преисполнялся оптимизмом.

Наконец-то меня ждет успех!

Пять дней спустя я собирал вещи, готовясь отвезти Веру и ее младшую дочь Кармел в Сакраменто.

Ричард ужасно расстроился, он уговаривал меня остаться:

– Почему ты снова уезжаешь? Тебя так долго не было и вот…

Разве я мог объяснить ему, какая чудесная жизнь ждет меня там?

– Знаю, но это важно для меня. Не волнуйся. Я обязательно пришлю за тобой!

– Обещаешь? – настаивал он, готовый заплакать.

– Обещаю, – кивнул я, обнимая его. – Я буду скучать по тебе, старина.

* * *

Еще через пять дней мы добрались до Сакраменто, где я распрощался с Верой и Кармел и провел ночь в дешевом отеле. Рано утром я уехал на автобусе в Сан-Франциско, а оттуда – в Лос-Анджелес.

Я прибыл в Лос-Анджелес с одним чемоданом и пятьюдесятью долларами в кармане. Купил на автовокзале выпуск «Лос-Анджелес таймс» и стал искать объявления о сдаче комнат. Одно понравилось мне больше других – речь шла о пансионе, где сдавались комнаты за четыре пятьдесят в неделю, включая завтрак. Пансион к тому же располагался в Голливуде, в нескольких кварталах от знаменитого бульвара Сансет, и оказался очаровательным старомодным домом в прелестном жилом районе на тихой Кармен-стрит, номер 1928.

Я позвонил. Дверь открыла маленькая женщина лет сорока, с приветливым лицом.

– Здравствуйте. Что вам угодно?

– Меня зовут Сидни Шелдон. Ищу, где бы остановиться на несколько дней.

– Я Грейс Зайдел. Входите.

Я поднял чемодан и вошел в прихожую. Очевидно, дом был

переделан из семейного жилища в пансион. Я увидел большую гостиную, столовую, комнату для завтраков и кухню, насчитал двенадцать в большинстве своем занятых спален и четыре большие общие ванны.

– Насколько я понял, плата – четыре пятьдесят в неделю вместе с завтраком, – продолжал я.

Грейс Зайдел окинула взглядом мой мятый костюм и потертую рубашку и сказала:

– Если будете очень настаивать, могу сбавить до четырех долларов.

Мне отчаянно хотелось заверить, что я буду платить все четыре пятьдесят, но те жалкие гроши, которые у меня еще оставались, скоро закончатся. Я проглотил свою гордость и сказал:

– Настаиваю.

– Договорились, – тепло улыбнулась она. – Я покажу вам вашу комнату.

Комната была маленькой, но чистой и неплохо обставленной. Я остался очень доволен и так и сказал Грейс.

– Вот и хорошо. Я дам вам ключ от входной двери. По нашим правилам вам не позволяется приводить сюда женщин.

– Никаких проблем, – заверил я.

– Сейчас я представлю вас другим жильцам.

Она отвела меня в гостиную, где собрались несколько человек. Я познакомился с четырьмя писателями, бутафором, тремя актерами, режиссером и певцом. Со временем я узнал, что все мечтали стать известными и знаменитыми, а пока сидели без работы, питая несбыточные надежды, которые так никогда и не осуществились.

У Грейси был двенадцатилетний сын Билли, тихий, воспитанный мальчик, мечтавший стать пожарным. Возможно, он единственный из всех обитателей пансиона имел шанс, что его мечта сбудется.

Я позвонил Натали и Отто и сообщил, что доехал благополучно.

– Помни, – предупредил Отто, – если за три недели не найдешь работу, возвращайся сюда.

– Без проблем…

Вечером жильцы Грейси сидели в большой гостиной, рассказывая свои «фронтовые» истории.

– Это жесткий бизнес, Шелдон. У каждой студии имеются ворота, а за этими воротами сидят продюсеры, которым позарез необходимы таланты. Они вопят, что отчаянно нуждаются в актерах, режиссерах и сценаристах. Но если вы подойдете к

воротам, вас и не подумают впустить. Для чужаков они закрыты.

«Может быть. Но каждый день кому-то удается проскользнуть в эти ворота», – подумал я.

Я узнал, что Голливуда, каким я его представлял, не существует. «Коламбиа пикчерз», «Парамаунт» и «РКО» находились в Голливуде, а вот «Метро-Голдвин-Мейер» и «Селзник интернэшнл студиос» – в Калвер-Сити. «Юниверсал» – в Юниверсал-Сити, студия Диснея – в Силверлейке, «Двадцатый век – Фокс» – в Сенчури-Сити, а «Рипаблик студиос» – в Студио-Сити.

Грейс предусмотрительно подписалась на «Вэрайети», профессиональную газету шоу-бизнеса. Газета лежала в гостиной и служила библией для всех нас. Из нее мы узнавали об имеющихся вакансиях и о том, какие картины сейчас снимаются. Я взял газету и посмотрел на дату. У меня был всего двадцать один день, чтобы найти работу, и время уже пошло. Кроме того, мне необходимо любым способом как-то проскользнуть в студийные ворота.

Утром, когда мы завтракали, зазвонил телефон. Любая попытка ответить превращалась почти в Олимпийские игры. Каждый старался добраться до трубки первым: во-первых, это было единственное доступное нам развлечение, а во-вторых, звонившим всегда мог оказаться потенциальный работодатель.

Актер, поднявший трубку, немного послушал, обернулся к Грейс и объявил:

– Это вас.

Раздались разочарованные вздохи. Каждый жилец надеялся на удачу. Телефон мог стать дорогой к будущему.

Я купил путеводитель по Лос-Анджелесу и, поскольку «Коламбиа пикчерз» оказалась всего ближе к пансиону Грейс, решил начать оттуда. Студия располагалась к Гауэр-стрит недалеко от бульвара Сансет. И ворот там не было. Я подошел к дверям. За письменным столом сидел пожилой охранник, он что-то читал. Услышав шаги, он поднял глаза:

– Я могу чем-то помочь?

– Да, – уверенно кивнул я. – Меня зовут Сидни Шелдон. Я хочу быть сценаристом.

Охранник задумчиво помолчал.

– Вам назначено?

– Нет, но…

– В таком случае не могу вас пропустить.

– Но должен же быть кто-то, к кому я…

– Только если вам назначено, – твердо заключил он и снова принялся за чтение.

Очевидно, студиям ворота ни к чему.

Следующие две недели я методично обходил другие студии. В отличие от Нью-Йорка, Лос-Анджелес не рай для пешеходов. Но по улицам ходили трамваи с автобусами, и я скоро освоил все маршруты и расписания.

И хотя студийные здания были совершенно разными, охранники ничем не отличались один от другого. Мне даже стало казаться, что всюду сидит один и тот же человек.

Я хочу быть сценаристом.

Вам назначено?

Нет, но…

В таком случае не могу вас пропустить.

Казалось, что Голливуд – это ресторан, а я – умирающий от голода, стоящий у его окна, потому что двери закрыты.

Небольшой запас денег подходил к концу, но, что еще хуже, времени тоже почти не оставалось.

Я либо путешествовал от студии к студии, либо сидел у себя в комнате, печатая истории на старой, заслуженной портативной машинке.

Однажды утром Грейси пришлось сделать не слишком приятное объявление:

– Мне очень жаль, но больше никаких завтраков.

Никто не спросил почему. Многие жильцы задерживали плату, и Грейси просто не на что было их кормить.

На следующий день я проснулся голодным и вконец обнищавшим. Попытался поработать над очередным сценарием, но не смог сосредоточиться: слишком хотелось есть. Наконец пришлось сдаться. Я пошел на кухню, где Грейси чистила плиту.

– Что вам, Сидни? – спросила она, оборачиваясь.

– Грейси… – прошептал я, заикаясь. – Я знаю правило насчет… насчет завтрака, но… понимаете, нельзя ли мне чего-нибудь перекусить? Я уверен, что через несколько дней…

Грейси нахмурилась и резко бросила:

– Почему бы вам не вернуться к себе?

Я был уничтожен. Побрел в свою комнату и уселся за машинку, раздавленный и униженный. Как я мог поставить в такое ужасное положение нас обоих?

Попытался вернуться к сценарию. Бесполезно. Я мог думать только о том, как голоден, несчастен и жалок.

Минут через пятнадцать в дверь постучали. На пороге оказалась Грейси с подносом, на котором стояли большой стакан апельсинового сока, дымящийся кофейник и тарелка с беконом и яйцами, накрытая тостом.

– Ешьте, пока не остыло, – сказала она.

Вкуснее я ничего в жизни не ел. И уж конечно, запомнил этот завтрак на всю жизнь.

В начале третьей недели, вернувшись в пансион после очередного зря потраченного дня, я нашел в ящике с почтой письмо от Отто. В нем лежали автобусный билет до Чикаго и записка:

> «Ожидаем тебя домой на следующей неделе. С любовью, папа».

У меня осталось всего четыре дня и никаких перспектив. Боги, должно быть, смеялись надо мной.

Вечером, когда мы, по обычаю, сидели в гостиной, болтая и смеясь, один из жильцов сказал:

– Моя сестра устроилась чтецом на «МГМ».

– Чтецом? Что это такое? – удивился я.

– Чтецы есть на всех студиях, – объяснил он. – Они делают синопсисы для продюсеров, что экономит время и избавляет от необходимости читать горы всякого мусора. Если продюсеру нравится синопсис, тогда он просматривает весь сценарий. На некоторых студиях существуют большие отделы чтецов. Иногда нанимают внештатников.

Я встрепенулся. Только недавно я прочел шедевр Стейнбека «О мышах и людях» и…

Через полчаса я уже печатал синопсис книги.

К полудню следующего дня я сделал достаточно копий на взятом взаймы мимеографе, чтобы разослать самым известным студиям. Вероятно, пройдет день-другой, прежде чем копии будут доставлены, и со мной свяжутся на третий день.

Но на третий день я получил всего одно письмо от Ричарда, интересовавшегося, когда я вызову его к себе. На четвертый день пришло письмо от Натали.

Настал четверг. Билет до Чикаго был на воскресенье. Еще одна мечта умерла. Я сказал Грейси, что уезжаю в воскресенье утром. Она смотрела на меня грустными мудрыми глазами:

– Я могу чем-то помочь?

Я обнял ее:

– Вы прекрасный человек. И настоящий друг. Просто все обернулось не так, как я надеялся.

– Главное – никогда не забывать о мечтах, – напутствовала она.

Но мне пришлось забыть…

Однако рано утром в пятницу зазвонил телефон. Один из

актеров подбежал, схватил трубку и осведомился бархатным баритоном:

– Что угодно? Да? Кто?

Голос его мигом изменился.

– Офис Дэвида Селзника?

В комнате стало неестественно тихо. Дэвид Селзник считался самым престижным продюсером в Голливуде. На его счету числились «Звезда родилась», «Ужин в восемь», «Сказка о двух городах», «Ребекка», «Дэвид Копперфилд» и десятки других фильмов.

– Да, он здесь, – продолжал актер. Мы буквально затаили дыхание. Кто этот «он»? – Это вас, Шелдон, – объявил актер.

Должно быть, рванувшись к телефону, я побил все рекорды пансиона по бегу.

– Алло?

– Это Сидни Шелдон? – прозвучал высокий женский голос.

Я сразу понял, что со мной говорит не сам Дэвид Селзник.

– Да.

– Это Анна, секретарь мистера Селзника. Мистер Селзник хочет иметь синопсис одного романа. Беда в том, что все наши чтецы заняты. А мистеру Селзнику синопсис нужен к шести часам сегодня вечером. В романе четыреста страниц, а в наших синопсисах обычно не больше тридцати плюс двухстраничное краткое изложение и рецензия на один абзац. Но все это нужно сделать сегодня к шести. Сумеете?

Разумеется, я никак не мог добраться до «Селзник Интернэшнл студиос», прочесть четырехсотстраничный роман, найти приличную машинистку, написать тридцатистраничный синопсис и все это к шести.

– Конечно, смогу, – сказал я.

– Прекрасно. Возьмете книгу в нашей студии.

– Уже еду.

Я положил трубку и взглянул на часы. До Калвер-Сити полтора часа езды. Вот и еще одна проблема – машины у меня не было. Кроме того, печатаю я одним пальцем, а тридцать страниц потребуют бог знает сколько времени. Так когда же мне читать проклятый роман? Если я приеду в Калвер-Сити к одиннадцати, у меня останется ровно семь часов, чтобы сотворить чудо.

Но у меня был план.

Глава 9

Я добрался до Калвер-Сити, пригорода Лос-Анджелеса, трамваем и двумя автобусами. Сидя во втором автобусе, я гордо оглядывал пассажиров. Меня так и подмывало объявить во всеуслышание, куда я еду. Я вышел из автобуса в двух кварталах от студии Селзника, большого внушительного здания в георгианском стиле на Вашингтон-стрит. Я сразу узнал его по заставке фильмов Селзника.

Поспешив войти, я подступил к женщине за столом:

– У меня встреча с секретарем мистера Селзника.

По крайней мере теперь-то я уж повидаюсь с самим мистером Селзником.

– Ваше имя?

– Сидни Шелдон.

Она полезла в стол и вытащила толстый пакет.

– Это для вас.

– Вот как? А я думал, что, может быть, мистер Селзник…

– Нет. Мистер Селзник – человек занятой.

Значит, увидимся позже.

Я схватил пакет, вышел и помчался по улице к студии «МГМ», в шести кварталах отсюда, мысленно перебирая подробности моего замечательного плана, основанного на разговоре с Сеймуром насчет Сидни Зингер, его бывшей жены. Когда я спросил, видится ли Сеймур с Сидни, он пояснил, что она уехала в Голливуд и работает секретарем у режиссера Дороти Арзнер, на «МГМ».

Я решил попросить Сидни Зингер о помощи. Весьма слабая, слабая, слабая надежда, но другой у меня не было.

Добравшись до студии, я подошел к охраннику и назвал себя:

– Я Сидни Шелдон. Мне нужно поговорить с Сидни Зингер.

– Сидни… О, секретарь Дороти Арзнер!

– Верно.

– Она вас ожидает?

– Разумеется, – заверил я.

Он поднял трубку и набрал внутренний номер.

– К вам Сидни Шелдон. Да, Сидни Шелдон. Что? Но он сказал…

Я стоял как пригвожденный к месту.

Скажи «да». Скажи «да». Скажи «да».

– Хорошо.

Охранник повесил трубку:

– Она встретится с вами. Комната 230.

Мое сердце снова забилось.

– Спасибо.

– Лифт вон там.

Я вышел из лифта и помчался по коридору второго этажа. Кабинет Сидни находился в самом конце. Когда я вошел, она сидела за письменным столом.

– Привет, Сидни.

– Привет, – сухо ответила она. Я внезапно припомнил конец разговора с Сеймуром: «Она возненавидела меня. Предупредила, чтобы я не попадался ей на глаза».

Во что это я вляпался? Да она мне даже присесть не предложит!

– Что ты здесь делаешь?

О, всего-навсего забежал попросить тебя поработать моим бесплатным секретарем.

– Это… это длинная история.

Она взглянула на часы и поднялась:

– Я иду на обед.

– Ни в коем случае!

– Это еще почему? – удивилась она.

Я глубоко вздохнул и решился:

– Сидни… я… я попал в беду.

И я выложил всю историю, начав с фиаско в Нью-Йорке, рассказав о мечте стать сценаристом, неспособности проникнуть дальше охранников и телефонном звонке со студии Селзника.

Сидни молча слушала, а когда я замолчал, поджала губы.

– Ты согласился взяться за это дело, потому что вообразил, будто мне просто нечем заняться и я стану печатать для тебя весь день напролет?

Развод был мучительным. Она возненавидела Сеймура.

– Я… я ничего не ожидал. Просто надеялся, что… – Мне стало трудно дышать. Я вел себя как дурак. – Прости, что побеспокоил тебя, Сидни. Я не имел права ничего у тебя просить.

– Не имел. Но что ты теперь будешь делать?

– Отнесу книгу на студию, а завтра уеду в Чикаго. Но все равно спасибо, что выслушала меня. До свидания.

Я в полном отчаянии побрел к двери.

– Давай развернем твой пакет и посмотрим.

До меня не сразу дошел смысл ее слов.

– Сидни…

– Заткнись и дай мне книгу.

– То есть ты хочешь…

– Ты просто сумасшедший. Это настоящее безумие. Но мне нравится твое упрямство. – И тут она впервые улыбнулась. – Я

помогу тебе.

Невероятное облегчение испытал я, глупо улыбаясь и наблюдая, как она листает книгу.

– Длинная. Как же ты закончишь синопсис к шести часам?

Хороший вопрос!

Она отдала мне книгу. Я просмотрел предисловие, чтобы понять, о чем речь. Исторический роман, того рода, какие обожал ставить Селзник.

– И как теперь быть? – спросила Сидни.

– Буду перелистывать страницы и диктовать тебе сюжетную линию.

– Давай, посмотрим, что получится, – кивнула Сидни.

Я уселся и принялся просматривать книгу. Минут за пятнадцать я уловил смысл и стал пробегать глазами страницу за страницей, диктуя только то, что считал жизненно важным для сюжета. Сидни печатала под диктовку.

По сей день я не знаю, что заставило ее помочь мне. То ли она поняла, что я действительно попал в безвыходную ситуацию, то ли ее тронуло отчаяние в моем взгляде. Важно одно: она провела за машинкой весь день.

Часы словно взбесились. Стрелки так и бежали. Мы дошли только до середины романа, когда Сидни сказала:

– Уже четыре.

Я попробовал читать и говорить в два раза быстрее.

К тому времени как я закончил диктовать тридцатистраничный синопсис, двухстраничное изложение и краткую рецензию, было ровно без десяти шесть.

Взяв у Сидни последнюю страницу, я с благодарностью сказал:

– Если я могу что-то для тебя сделать…

– Ленча будет достаточно, – улыбнулась она.

Я поцеловал ее в щеку, сунул страницы в пакет вместе с книгой и умчался. Я бежал всю дорогу до студии Селзника и ворвался в двери без одной минуты шесть. За столом сидела та же женщина.

– Меня зовут Шелдон. Я к секретарю мистера Селзника.

– Она вас ждет.

Шагая по коридору, я уже был уверен, что это только начало. Я знал, что сам Селзник начинал чтецом в «МГМ», так что у нас найдется о чем потолковать.

Селзник возьмет меня в штат. У меня появится свой кабинет. Погодите, что будет, когда Натали и Отто узнают, что я на него работаю…

Когда я вошел, секретарь взглянула на часы.

– А я уже начала волноваться, – заметила она.

– О, что вы! – бесшабашно отмахнулся я, вручая пакет.

Секретарь наскоро просмотрела синопсис.

– Прекрасная работа, – похвалила она и протянула мне конверт. – Там десять долларов.

– Спасибо. Я готов написать следующий синопсис, когда только…

– Мне очень жаль, но наш штатный чтец завтра вернется. Мистер Селзник обычно не берет чтецов со стороны. Честно говоря, вам позвонили по ошибке.

– По ошибке? – растерялся я.

– Да. Вас нет в нашем списке чтецов.

Значит, меня никогда не возьмут в команду Дэвида Селзника и мы никогда не поговорим по душам о начале его карьеры. Этот безумный день был началом и концом. Но, как ни странно, я ничуть не расстроился. Наоборот, ощутил нечто вроде счастья. Почему? Я понятия не имел.

В пансионе меня уже поджидали жильцы.

– Видел Селзника?

– Какой он?

– Тебя взяли?

– Это был потрясающий день. Очень интересный, – заявил я и ушел к себе.

На столе лежал автобусный билет. Символ моих неудач, означавший возврат к гардеробам, аптеке и парковкам. К той жизни, от которой я, как мне казалось, сбежал навсегда. Но сейчас снова оказался в тупике. Я долго держал билет, борясь с желанием разорвать его. Как можно превратить провал в успех? Должен же быть способ! Должен!

И тут меня осенило. Я позвонил домой. К телефону подошла Натали.

– Привет, дорогой! Мы так тебя ждем! У тебя все в порядке?

– Еще бы! У меня неплохие новости. Я только сейчас сделал синопсис для Дэвида Селзника.

– Неужели! Но это замечательно! Он славный? Хорошо с тобой обошелся?

– Лучше некуда. И это лишь начало. Ворота наконец открылись, Натали. Все будет замечательно! Мне только нужно еще несколько дней.

– Ладно, дорогой, – не колеблясь ответила она. – Дай знать, когда вернешься.

Я не вернусь.

Утром я отправился на автовокзал и сдал присланный Отто

билет, получив за него наличными. Остаток дня я писал письма в литературные отделы всех крупных студий. В письмах повторялась одна и та же фраза:

> «По личной просьбе мистера Дэвида О. Селзника я только что закончил синопсис романа и теперь готов приступить к работе над другими синопсисами…»

Через два дня посыпались звонки. Первый был из кинокомпании «Двадцатый век – Фокс», второй – из «Парамаунт». Студия «Фокс» просила сделать синопсис романа, «Парамаунт» – пьесы. За каждый платили от пяти до десяти долларов, в зависимости от длины.

Поскольку на каждой студии был свой штат чтецов, мне звонили только тогда, когда остальные были заняты. Я мог делать по синопсису в день: требовалось добраться до студии, взять книгу, вернуться в пансион, прочесть текст, напечатать синопсис и отвезти на студию. В среднем мне звонили два-три раза в неделю. К Сидни я больше не обращался.

Чтобы увеличить свой жалкий доход, я позвонил человеку, с которым никогда не встречался. О нем упоминала Вера Файн по дороге в Калифорнию. Гордон Митчел был главой технического отделения Академии киноискусства.

Я представился, упомянул имя Веры и сказал, что ищу работу. Митчел был сама любезность:

– Собственно говоря, у меня кое-что для вас есть.

Я был в восторге. Неужели мне предстоит работать в столь престижном месте?!

На следующий день я поехал к нему.

– Работа вечерняя, – сообщил он. – Будете смотреть фильмы в нашем кинозале.

– Здорово! А что нужно делать?

– Смотреть фильмы в нашем кинозале.

Я с недоумением уставился на него. Он поспешил объяснить:

– Академия испытывает разные предохраняющие пленку средства. Мы покрыли несколько участков пленки определенными составами. Ваша задача сидеть в зале и отмечать, сколько раз прогоняется каждая пленка. Боюсь только, плата невелика: всего три доллара в день.

– Я согласен.

Первым фильмом, который я просмотрел бесчисленное количество раз, был «Человек, который жил дважды», и вскоре я мог наизусть процитировать любую реплику. Вечера я проводил за просмотром одних и тех же лент, днем ожидал телефонных звонков.

В судьбоносный день, 12 декабря 1938 года, мне позвонили из «Юниверсал». К тому времени я сделал для этой студии несколько синопсисов.

– Сидни Шелдон?

– Да.

– Не могли бы вы сейчас приехать на студию?

Еще три доллара.

– Конечно.

– Подниметесь в офис мистера Таунсенда.

Мистер Эл Таунсенд был редактором сценарного отдела в «Юниверсал». Меня провели в его офис.

– Я читал ваши синопсисы. Хорошая работа.

– Спасибо.

– Нам нужен штатный чтец. Возьметесь?

Интересно, оскорбится ли он, если я его поцелую?

– Да, сэр, – пробормотал я.

– Семнадцать долларов и шесть дней в неделю. Рабочий день с девяти до шести. Начнете в понедельник.

Я позвонил Сидни, чтобы рассказать новости и пригласить ее на ужин. Мне ответила незнакомая женщина.

– Я бы хотел поговорить с Сидни.

– Ее нет.

– А когда она вернется?

– Она не вернется.

– Что… с кем я говорю?

– Это Дороти Арзнер.

– Вот как… А она не оставила адреса, мисс Арзнер?

– К сожалению, нет.

Я больше не встречался с Сидни, но никогда не забуду, чем ей обязан.

«Юниверсал» выпускала второсортные картины. Студия была основана в 1912 году Карлом (Папой) Леммлем и славилась расточительностью. За несколько лет до моего там появления ее представитель позвонил агенту звезды вестернов и сказал, что его клиента просят сыграть роль в малобюджетном фильме.

Агент рассмеялся:

– Вам он не по карману! Он делает тысячу долларов в день!

– Мы выплатим ему сколько потребуется, – заверил представитель.

Фильм был о бандите, носившем маску. В первый день съемок режиссер снимал бесчисленные крупные планы звезды в различных декорациях, а к концу сообщил, что больше в нем не нуждаются. Фильм доигрывал другой, никому не известный

актер, не снимавший маски до заключительных кадров.

В понедельник, впервые входя в ворота студии, я был преисполнен ощущением чуда. Минуя фасады западных городишек и викторианских особняков, бутафорские улицы Сан-Франциско и Нью-Йорка, я остро чувствовал магию кино.

Эл Таунсенд объяснил мне мои обязанности. Я должен был читать десятки сценариев, написанных для немого кино, и пытаться выудить из них те, которые могли подойти для звукового. Почти все сценарии были безнадежны. Помню одно поразительное описание злодея: «В его глазах стояли мешки с золотом».

Во времена правления Папы Леммля в «Юниверсал» царил дух беспечности и беззаботности. Никто не ощущал давления со стороны начальства. Мы были одной большой семьей.

Отныне я получал еженедельный чек и мог регулярно платить Грейси. Приходил на студию шесть дней в неделю, но так и не смог привыкнуть к чудесному месту, где каждый день создавались мечты. И я тоже мечтал. Мечтал о том, что когда-нибудь принесу свой сценарий и продам его студии.

Я регулярно писал Натали, уверяя, что наконец-то получил постоянную работу в Голливуде.

Но через месяц Папа Леммль продал студию, и я, как и другие сотрудники, был уволен.

Я не смел рассказать Натали или Отто о случившемся, потому что они попытались бы настоять на моем возвращении. Но я считал, что мое будущее связано с Голливудом. Придется найти другую работу – любую работу, – пока я вновь не вернусь на студию.

Я просмотрел объявления и выбрал одно:

> «Требуется телефонист на гостиничном коммутаторе. Опыт не обязателен. 20 долларов в неделю. Отель „Брант“».

«Брант» был шикарным отелем, совсем рядом с Голливудским бульваром. Я поспешил туда. В вестибюле, кроме управляющего, никого не было.

– Я насчет работы. Вы давали объявление?

– Да. Наша телефонистка только что уволилась. Нам срочно нужна замена. Вы когда-нибудь работали на коммутаторе?

– Нет, сэр.

– В этом нет ничего сложного.

Он повел меня за стойку, где находился большой, сложный на вид коммутатор.

– Садитесь. Сейчас объясню.

Я сел. Коммутатор состоял из двух рядов штекеров и примерно тридцати штепсельных гнезд. Каждое гнездо соответствовало номеру комнаты.

– Видите эти штекеры?

– Да, сэр.

– Они расположены по два: один над другим. Нижний называется родственным штекером. Когда индикатор на панели загорается, вставляете первый штекер в это гнездо. Звонящий объяснит, с какой комнатой его соединить. Берете родственный штекер, втыкаете в гнездо с номером комнаты и нажимаете кнопку. В комнате раздается звонок. Вот и все.

– Это действительно несложно, – кивнул я.

– Даю вам неделю испытательного срока. Работа ночная.

– Без проблем.

– Когда сможете начать?

– Я уже начал.

Управляющий оказался прав. Работать на коммутаторе было легко, и вскоре я уже действовал как автомат. Загорается индикатор, я вставляю штекер из первого ряда.

– Мистера Клеманна, пожалуйста.

Я просматриваю список гостей. Мистер Клеманн живет в комнате 231. Вставляю в гнездо штекер под номером 231 и нажимаю кнопку. В комнате раздается звонок. Вот и все.

Я, конечно, считал, что работа на коммутаторе – лишь начало. Меня могут повысить до ночного управляющего, а потом, возможно, и до генерального директора, и раз отель – часть большой сети, то неизвестно, насколько высоко я могу взлететь, и к тому же при моем знании гостиничного дела всегда можно написать сценарий, продать его студии и снова вернуться туда, где я хочу быть.

Во время моей третьей ночной смены, в три часа утра, один из постояльцев позвонил на коммутатор и попросил соединить его с Нью-Йорком. Я тут же вытащил штекер и набрал нью-йоркский номер.

Телефон долго звонил, прежде чем на том конце подняли трубку.

– Алло, – ответила женщина.

– Вам звонят из Лос-Анджелеса. Минутку, пожалуйста.

Я взял штекер, соединяющий меня с комнатами, и уставился на панель. И только сейчас сообразил, что не помню, кто из постояльцев мне звонил.

Я еще раз оглядел штепсельные гнезда в надежде, что меня осенит догадка. Примерное место на панели, откуда раздался

звонок, я помнил. И стал обзванивать все комнаты подряд, рассчитывая найти нужную. Комнат набралось с дюжину.

– Соединяю вас с Нью-Йорком.

– Я никого в Нью-Йорке не знаю.

– Соединяю вас с Нью-Йорком.

– Вы спятили? В три часа утра?!

– Соединяю вас с Нью-Йорком.

– Только не меня, идиот вы этакий!

Когда утром пришел управляющий, я поспешно начал:

– Прошлой ночью произошла забавная история. Я…

– Я уже слышал и не считаю это забавным. Вы уволены.

Очевидно, я был рожден не для управления сетью отелей. Следовало идти дальше.

В той же газете я прочел объявление о том, что автошкола ищет инструктора на полставки. Я пошел туда, и меня взяли.

Большинство учеников были невероятно запуганы и плохо соображали. Красный свет ничего для них не значил, и все как один путали тормоз и акселератор. Нервные, слепые или потенциальные самоубийцы. Каждый раз, идя на работу, я чувствовал, что рискую жизнью. И сохранял подобие рассудка только благодаря тому, что продолжал выполнять обязанности чтеца для различных студий. Одной из таких студий была «Двадцатый век – Фокс». Редактором литературного отдела был Джеймс Фишер, способный молодой ньюйоркец.

Как-то днем он мне позвонил:

– Завтра вы свободны?

– Да.

Вот и еще три доллара.

– Увидимся в десять.

– Обязательно.

Может, книжка окажется толстой? Десять долларов. У меня опять кончались деньги.

В десять утра Фишер уже ждал меня.

– Хотите работать в штате? – спросил он.

Язык меня не слушался.

– Я… с удовольствием.

Вот так я вернулся в шоу-бизнес!

Глава 10

Моя работа в кинокомпании «Двадцатый век – Фокс» в корне отличалась от работы в «Юниверсал». Если обстановка на «Юниверсал» была беспечной и непринужденной, «Фокс» управлялась железной рукой в основном за счет Дэррила Ф. Занука, главы производственного отдела. Занук был настоящим практиком, блестящим шоуменом, пристально наблюдавшим за каждым этапом съемки любого фильма, выпускаемого студией. Он точно знал, чего хочет. Кроме того, он прекрасно представлял, кем является. Однажды на производственном совещании он повернулся к помощнику и приказал:

– Не отвечайте «да», пока я не закончу говорить!

Дэррил Занук питал неизменное уважение к сценаристам. Как-то раз он объявил:

– Успех фильма зависит от трех составляющих: сценария, сценария и сценария. Только не говорите этого сценаристам.

В «Фокс» работали двенадцать штатных чтецов в возрасте от тридцати двух до шестидесяти лет. Большинство были родственниками студийного начальства, поскольку должность чтеца считалась чем-то вроде синекуры.

Джулиан Джонсон, один из директоров студии «Фокс», однажды вызвал меня к себе. Высокий, грузный, он выглядел впечатляюще и импозантно. Одно время он был женат на Тексас Гинан, знаменитой королеве ночных клубов.

– Сидни, отныне вы делаете синопсисы только для мистера Занука. Когда он заинтересуется новой книгой или пьесой, принимайтесь за работу.

– Как скажете, сэр.

– И учтите: синопсисы всегда нужны мистеру Зануку срочно.

– Без проблем.

Честно говоря, я был в полном восторге. С этого момента мне поручалось читать лучшие новые романы и пьесы, приходившие на студию.

И поскольку Занук спешил обогнать конкурирующие студии по количеству и качеству нового материала, я частенько засиживался за полночь. Работа мне очень нравилась, но все же не терпелось поскорее стать сценаристом. На студии открылось отделение молодых сценаристов, и я сказал Джулиану Джонсону, что хочу перейти туда. Он сочувственно кивнул, но не поддержал меня:

– Ты работаешь на Занука. Это куда важнее.

Мой кабинет находился в старом, скрипучем деревянном

здании на задах студии. Ночью на съемочных площадках никого не было, и мне становилось не по себе в тишине и темноте.

Однажды я делал срочный синопсис по книге, которая понравилась Зануку. Это был готический роман о призраках с элементами ужастика.

Я как раз печатал строку: «Он открыл дверцу шкафа, и на него стал валиться ухмыляющийся мертвец…», когда дверцы шкафа в моем кабинете распахнулись и оттуда полетели книги, а стены затряслись как в лихорадке. Я побил все рекорды скорости, удирая из комнаты.

Это было первое землетрясение на моей памяти.

В начале сентября ко мне заявился незнакомец.

– Я Алан Джексон, – представился он. – Работаю чтецом в «Коламбии».

– Рад познакомиться.

Мы обменялись рукопожатиями.

– Что я могу для вас сделать?

– Мы хотим организовать профсоюз чтецов и нуждаемся в вашей помощи.

– Какой именно?

– Объясните здешним чтецам, что мы должны иметь свой профсоюз. Когда мы объединимся, можно образовать комитет и диктовать условия студиям. Нам недоплачивают и заваливают работой. Вы нам поможете?

Я не считал, что мне недоплачивают и заваливают работой. Но большинству чтецов действительно платили чересчур мало, и они задыхались от работы.

– Я сделаю все, что смогу.

– Прекрасно.

– Но могут возникнуть проблемы, – предупредил я.

– Какие?

– Почти все наши чтецы – родственники руководства. Вряд ли они захотят ввязываться в конфликты.

Но к моему изумлению, все чтецы согласились вступить в профсоюз.

Алан Джексон очень этому обрадовался и заверил, что чтецы из других студий тоже присоединятся к нам.

– Мы организуем комитет по переговорам. Кстати, вы тоже в нашем комитете.

Переговоры проходили в конференц-зале студии «Метро-Голдвин-Мейер». В наш комитет вошли шесть чтецов из различных студий. За столом напротив нас сидели четыре руководителя студий. Шестеро ягнят и четыре льва.

Эдди Манникс, упрямый, крепкий ирландец, один из основных руководителей «МГМ», начал совещание, угрюмо проворчав:

– В чем проблемы?

– Мистер Манникс, – заговорил один из нашей группы, – на наше жалованье невозможно прожить. Я получаю шестнадцать долларов в неделю и не могу позволить себе…

Но Эдди Манникс, не дав ему договорить, вскочил и заорал:

– Я не собираюсь выслушивать это дерьмо!

Он вылетел из комнаты, а мы словно окаменели. Совещание было окончено.

Но один из оставшихся руководителей покачал головой:

– Пойду посмотрю, нельзя ли его вернуть.

Через несколько минут он вернулся со взбешенным Манниксом. Мы, присмирев, молча наблюдали за ним.

– Какого черта вам нужно? – процедил он.

Переговоры начались.

Два часа спустя был создан официальный профсоюз чтецов, признанный всеми студиями. Комитет согласился на минимальную плату в двадцать один доллар пятьдесят центов в неделю для штатных чтецов и двадцатипроцентное повышение для внештатных. Меня избрали вице-президентом профсоюза.

Только через несколько лет, познакомившись с Эдди Манниксом поближе, я понял, какой он блестящий актер.

Но тогда я прежде всего позвонил Отто и Натали рассказать о случившемся. Они порадовались за меня, а позже я узнал, что Отто долго расписывал своим приятелям, как я в одиночку спас голливудские студии от губительной забастовки.

У Грейси появился новый жилец, застенчивый молодой человек, мой ровесник, по имени Бен Робертс, смуглый лысеющий коротышка с приветливой улыбкой. Он обладал язвительной иронией. Мы скоро подружились.

Бен был сценаристом, но пока по его сценарию сняли всего одну короткометражку с Леоном Эрролом. Мы начали поговаривать о сотрудничестве. Каждый вечер мы шли в закусочную на углу или заглядывали в дешевый китайский ресторанчик. Сотрудничать с Беном было легко. Он обладал несомненным талантом, и через несколько недель проект сценария был закончен. Мы отправили текст во все студии и жадно ждали предложений, которые, мы были уверены, на нас посыплются.

Но не получили ни одного.

Мы принялись за другой проект – с тем же результатом,

после чего решили, что студии, очевидно, нисколько не ценят гениальные произведения, раз отвергают такие таланты.

Третий проект постигла та же участь, но мы, окончательно обескураженные, тем не менее продолжали писать.

– У меня есть идея детектива, – объявил я. – Назовем его «Опасные каникулы».

Я изложил Бену идею, и ему понравилось. Мы написали сценарную разработку и, как всегда, разослали по всем студиям. Ответа не было.

Прошла неделя. И вот в один из дней я вернулся с работы в пансион, а там меня ждал взволнованный Бен.

– Я отдал наш сценарий знакомому продюсеру Теду Ричмонду, в «ПРК».

«Продюсерз рилизинг корпорейшн» была не слишком крупной студией, но все же…

– Ему понравились «Опасные каникулы», – продолжал Бен. – Он предложил нам пятьсот долларов, но в эту сумму входит и написание сценария. Я сказал, что поговорю с тобой и дам ему знать.

Я был на седьмом небе. Ну конечно, мы возьмем деньги! Самое главное – когда есть что предъявить!

Я живо вспомнил бесконечные хождения по музыкальным издательствам в Нью-Йорке.

Ваши песни когда-нибудь публиковались?

Нет…

Возвращайтесь, когда что-нибудь опубликуете.

Теперь все повторялось.

– Что поставлено по вашим сценариям?

– Ничего.

– Возвращайтесь, когда что-нибудь поставят.

Ну так вот, теперь у меня тоже будет фильм! «Опасные каникулы».

За несколько месяцев до того я познакомился с Реем Кроссетом, главой литературного отдела в агентстве Лиланда Хейуорда, одного из лучших голливудских агентств. По какой-то причине Кроссет сразу поверил в меня и пообещал, что когда-нибудь станет моим агентом.

Я позвонил Рею, чтобы сообщить ему хорошие новости о Теде Ричмонде.

– Мы с Беном только сейчас продали разработку сценария. «Опасные каникулы».

– Кому?

– «ПРК».

– А что это такое?

Я даже растерялся. Рей Кроссет, один из лучших агентов в бизнесе, даже не слышал о «ПРК»!

– Это студия. «Продюсерз рилизинг корпорейшн». Их продюсер, Тед Ричмонд, предложил нам пятьсот долларов, но в эту сумму входит написание сценария.

– Вы уже подписали контракт?

– Ну… мы сказали, что дадим ему знать, но…

– Я перезвоню, – перебил Рей и повесил трубку.

Он действительно перезвонил. Через два часа.

– Я только что продал вашу историю в «Парамаунт». Тысяча долларов, и вам не обязательно писать сценарий.

Я был настолько шокирован, что не сразу нашелся с ответом. Но тут же понял, что произошло. В каждой студии писались синопсисы посланных туда сценарных разработок. Когда Рей позвонил на «Парамаунт» и сказал, что «Опасные каникулы» почти куплены другой студией, там попались на удочку.

– Рей, – произнес я, – это… это здорово, но мы не можем согласиться.

– О чем вы толкуете? Гонорар в два раза больше, и, кроме того, это крупная студия.

– Но я не могу! У меня обязательства перед Тедом Ричмондом и…

– Послушайте, позвоните ему и скажите, что произошло. Уверен, он поймет.

– Попытаюсь, – вздохнул я, в полной уверенности, что Ричмонд не поймет, но все же позвонил Теду.

Его секретарша ответила, что мистер Ричмонд сейчас в монтажной и просил не беспокоить его.

– Не попросите его позвонить мне? Это очень важно.

– Я обязательно передам.

Через час я снова позвонил:

– Мне нужно срочно поговорить с мистером Ричмондом.

– Простите, его нельзя беспокоить. Я передала, что вы звонили.

После третьей попытки я наконец сдался и позвонил Рею:

– Ричмонд не отвечает на звонки. Заключайте контракт с «Парамаунт».

– Уже. Четыре часа назад.

Когда пришел Бен, я сразу рассказал ему все. Он был счастлив.

– Фантастика! «Парамаунт» – крупная студия. Но что мы скажем Теду Ричмонду?

Хороший вопрос. Что мы скажем Теду Ричмонду?

Вечером я позвонил Теду домой, и на этот раз он взял трубку.

Я чувствовал себя виноватым и, наверное, поэтому мгновенно бросился в атаку:

– Я сегодня звонил вам сто раз. Почему вы не ответили? Почему не перезвонили?

– Простите, я был в монтажной…

– Ну так вот, вам следовало перезвонить. Из-за вас мы с Беном едва не потеряли контракт.

– О чем это вы?

– «Парамаунт» только что купила «Опасные каникулы». Нам сделали предложение, а когда мы не смогли дозвониться, решили продать.

– Но я уже вставил их в график съемок, и…

– О, об этом не волнуйтесь, – утешил я. – Вам повезло. У нас есть история куда интереснее «Опасных каникул». Она называется «К югу от Панамы». Это драма с любовной линией, преступлением, в стиле экшн. Одна из лучших наших вещей.

Последовала короткая пауза.

– Ладно, – согласился он. – Мы с Алексом будем в «Свинье и свистке» завтра в восемь утра. Приходите туда.

Алекс был исполнительным директором «ПРК».

– Мы там будем, – пообещал я и, повесив трубку, повернулся к Бену: – Придется обойтись без ужина. Нужно придумать сюжет, который включал бы любовный роман, интригу, преступление и все это в стиле экшн. У нас есть время до семи часов утра.

Мы с Беном проработали всю ночь, обмениваясь идеями, обсуждая сюжет, добавляя и убирая реплики. Устали так, что едва держались на ногах, но завершили «К югу от Панамы» в пять утра.

– Мы закончили! – торжествующе завопил Бен. – Утром сможем им показать!

Я согласился и поставил будильник на семь – можно пару часов поспать до встречи.

Когда будильник зазвонил, я встал. И, шатаясь как пьяный, перечитал нашу историю. Она показалась мне ужасной. Совершенно омерзительный сюжет, персонажи и диалоги. Но так или иначе, придется идти на встречу с Алексом и Тедом.

В восемь я приплелся в «Свинью и свисток», Тед и Алекс уже сидели в кабинке. Я принес два экземпляра текста.

– Мне не терпится прочитать это, – признался Алекс.

– И мне тоже, – кивнул Тед.

Я уселся и вручил каждому по копии.

Они начали читать. Я не смел смотреть на них. Они переворачивали страницы. Без комментариев. Молча.

«Что ж, мы это заслужили, – решил я. – Как можно написать приличную историю за одну ночь?»

Оба закончили читать одновременно. Алекс поднял глаза и объявил:

– Блестяще.

– Потрясающе, – вторил Тед. – Вы правы. Это лучше, чем «Опасные каникулы».

Я не верил собственным ушам.

– Мы даем вам пятьсот долларов, и вы с Беном напишете сценарий, – продолжал Алекс.

Я глубоко-глубоко вздохнул:

– По рукам.

Мы с Беном сотворили чудо. Продали два проекта сценария всего за двадцать четыре часа.

Вечером мы отправились в «Мюссо и Фрэнк», один из лучших голливудских ресторанов, чтобы отпраздновать победу. Мы впервые смогли позволить себе такую роскошь. Накануне мне исполнилось двадцать четыре года.

«К югу от Панамы» была поставлена «ПРК». Главные роли играли Роджер Прайор и Вирджиния Вейл. «Парамаунт» сняла «Опасные каникулы», назвав картину «Ночные полеты». Главные роли сыграли Ричард Карлсон и Нэнси Келли.

Мы с Беном трудились вовсю. Первым делом я ушел из «Фокс», решив, что мистер Занук обойдется без меня. Вскоре мы с Беном продали еще три истории: «Герой в кредит» – маленькой студии «Монограм», выпускавшей второсортные картины, и «Опасную леди» и «Дочери-картежницы» – «ПРК». За каждую историю и сценарий мы получали по пятьсот долларов, которые делили пополам. Вряд ли можно сказать, что эти картины запомнились зрителям, но все же мы стали сценаристами.

Леонард Филдз, продюсер студии «Рипаблик», лучшей из второразрядных, купил нашу историю «Мистер окружной прокурор в деле Картера», заплатив нам за разработку и сценарий щедрое вознаграждение – шестьсот долларов.

Картина имела успех, и Леонард Филдз позвонил мне:

– Мы хотели бы заключить с вами контракт.

– Согласны!

– Пятьсот в неделю.

– На каждого?

– На обоих.

Мы с Беном проработали в «Рипаблик» целый год, пока не истек срок контракта. На Рождество Леонард Филдз послал за нами.

– Парни, вы классно работаете! Мы собираемся продлить контракт еще на год.

– Прекрасные новости, Леонард! Но дело в том, что теперь мы хотим получать шесть сотен в неделю.

Филдз кивнул:

– Я вам перезвоню.

Больше мы о нем ничего не слышали.

Я поговорил с Реем Кроссетом и спросил, почему он не может добыть нам работу на крупной студии.

– Боюсь, ваш послужной список не слишком впечатляет. У вас было бы куда больше шансов, если бы вы не писали все эти сценарии.

Поэтому мы с Беном продолжали писать и продавать второсортные картины. Не такой уж плохой заработок.

На День благодарения я поехал домой повидаться с родителями и Ричардом. Отто потребовал пригласить всех соседей, чтобы и они смогли встретиться с его сыном, который держит под контролем Голливуд.

Глава 11

До чего же хорошо вновь оказаться дома! Ричард так вырос! Окончил начальную школу и собирался переходить в среднюю. Единственное, что омрачало мою радость, – нескончаемые ссоры Отто и Натали. На этот раз между молотом и наковальней оказался Ричард.

Я поговорил с родителями, но у них накопилось слишком много обид, чтобы помнить о младшем сыне. Они просто были очень разными людьми и не подходили друг другу.

Я решил, что Ричарду пора перебираться в Голливуд. Теперь моего заработка хватит и на меня, и на брата.

– Не хочешь поехать со мной? – спросил я Ричарда. – Пойдешь в школу там.

– Это… это правда? – спросил он, заикаясь.

– Еще бы!

Немного опомнившись, брат завопил так, что у меня едва не лопнули барабанные перепонки.

Через неделю он перебрался в пансион Грейси, и я представил его остальным жильцам. Я еще никогда не видел его таким счастливым. Только сейчас я понял, как скучал по брату.

Через три месяца после нашего отъезда Отто и Натали развелись. Я не знал, радоваться или грустить, но все же решил, что так будет лучше для всех.

Рано утром мне позвонили:

– Сидни?

– Я.

– Привет, приятель, это я, Боб Рассел.

Я не только не был приятелем человека с таким именем и фамилией, но вообще никогда не слышал о нем.

Может, он коммивояжер?

– Простите, – начал я, – но у меня нет времени…

– А ведь когда-то ты собирался писать песни вместе с Максом Ричем.

Я даже растерялся. Кто мог знать…

И тут до меня дошло:

– Сидни Розенталь!

– Боб Рассел, – поправил он. – Я еду в Голливуд повидаться с тобой.

– Здорово!

Через неделю Боб занял последнюю свободную комнату в пансионе Грейси. Я был рад приезду старого друга. Он был по-

прежнему исполнен энтузиазма и кипел идеями.

– Все еще пишешь песни? – поинтересовался я.

– Естественно. Да и тебе не следовало сдаваться, – упрекнул он.

Боб, как человек общительный, мгновенно обзавелся друзьями. Иногда он приводил их в пансион, да и они приглашали его к себе.

Как-то вечером, собираясь на званый ужин, я встал под душ, но когда потянулся за мылом, позвоночная грыжа вновь дала о себе знать, и я, корчась, свалился на пол. Следующие три дня пришлось провести в постели, и я решил, что, нравится мне или нет, с этим придется жить до конца дней.

Однажды мне позвонила Натали:

– У меня для тебя новость, дорогой. Я выхожу замуж.

Я был искренне рад за мать и надеялся, что новый муж оценит ее по достоинству.

– Кто он? Я его знаю?

– Мартин Либ. У него фабрика игрушек. И он настоящий зайчик.

– Звучит прекрасно! Когда ты нас познакомишь?

– Мы обязательно приедем к вам.

Я рассказал Ричарду о звонке матери, и он обрадовался не меньше меня.

На следующей неделе позвонил Отто:

– Сидни, я только хотел сказать, что женюсь.

– Вот как? – удивился я. – Кто она?

– Энн Кертис. Очень милая женщина.

– Что ж, я счастлив за тебя, Отто. И надеюсь, этот брак будет удачен.

– Я в этом уверен.

А вот я не разделял его уверенности.

С Бобом Расселом словно вернулись прежние времена.

Он привез свою последнюю песню.

– Это сенсация, – уверял он. – Что ты о ней думаешь?

Я сыграл песню на пианино и искренне согласился с приятелем. И тут у меня возникла идея:

– Послушай, я знаю одну певицу. Она выступает в субботу в клубе. Уверен, твоя песня ей пригодится. Не возражаешь, если я покажу ей ноты?

– Да ради Бога!

На следующий день я отправился в клуб, где репетировала певица, и показал ей песню.

– Мне нравится! – решила она. – Я дам вам пятьдесят

долларов.

– Беру!

Когда я отдал деньги Бобу, тот радостно улыбнулся:

– Спасибо! Теперь я профессионал!

В Голливуде каждый день бушевали штормы местного масштаба, но в Европе назревала настоящая буря, начавшаяся в 1939 году, когда Германия и Советский Союз заняли Польшу. Британия, Франция и Австралия объявили войну Германии. В 1940-м Италия стала союзницей Германии, и теперь в Европе шла война. Америка придерживалась нейтралитета, но это продолжалось недолго.

Седьмого декабря 1941 года японцы напали на Пёрл-Харбор, и на следующий день президент Франклин Делано Рузвельт объявил войну Японии. Через час после этого события Луис Б. Мейер, глава «Метро-Голдвин-Мейер», назначенный на этот пост президентом компании Николасом Шленком, созвал совещание главных продюсеров и режиссеров. Когда все собрались, он торжественно объявил:

– Мы все слышали, что произошло вчера в Пёрл-Харбор. Ну так вот, мы не собираемся это терпеть! Мы будем сражаться! – И, оглядев собравшихся, добавил: – Я знаю, что могу рассчитывать на вас. И уверен, все вы вместе со мной поддержите нашего великого президента Николаса Шленка!

Мы с Беном и Бобом достигли призывного возраста и понимали, что скоро придется идти в армию.

– В Форт-Диксе, штат Нью-Джерси, есть что-то вроде студии, выпускающей учебные военные фильмы. Я иду в армию и попробую туда пробиться, – решил Бен.

На следующий день он пошел добровольцем, и армия приняла его в свои ряды. Уже через неделю он уехал на восток.

– А ты что будешь делать? – спросил я Боба.

– Пока не знаю. У меня астма. Меня не возьмут. Я возвращаюсь в Нью-Йорк, там посмотрим, чем можно помочь армии. Ну а ты?

– Я иду в авиацию.

Двадцать шестого октября 1942 года я записался в авиацию. Для того чтобы меня приняли, требовалось три рекомендательных письма от достаточно известных людей. Но я не знал никаких известных людей и поэтому начал засыпать письмами членов конгресса, объясняя, что готов служить стране и мне необходимо их содействие. Только через два месяца у меня наконец были все три письма.

Теперь следовало ехать в деловой район Лос-Анджелеса,

чтобы сдать письменный экзамен. В аудитории Федерал-билдинг собрались человек двести. Тест, включавший логику, лексику, математику и общие знания, длился четыре часа.

Труднее всего мне далась математика. Поскольку я часто менял школы, даже основы математики были мне плохо знакомы. Я не ответил на большинство вопросов в этом разделе и решил, что провалился.

Но через три дня я получил повестку с требованием явиться на медицинскую комиссию. К моему удивлению, оказалось, что экзамен сдан. Позже я узнал, что прошли только тридцать человек из всей группы.

Я очень возгордился и был уверен, что уж медицинскую комиссию пройду на ура.

Когда осмотр был закончен, доктор спросил:

– Какие-то проблемы со здоровьем, о которых мне следует знать?

– Нет, сэр, – ответил я, но тут же вспомнил о позвоночной грыже, хотя не был уверен, что это так уж важно. – Я…

– Что?

Зная, что ступаю на скользкую почву, я все же признался:

– Есть одна проблема, сэр, но совсем пустяковая. У меня позвоночная грыжа… диск иногда выбивает, но…

Не дослушав, он записал «грыжа» и поднял над карточкой красный штамп «НЕГОДЕН».

– Погодите! – воскликнул я.

– Ну что еще?

Но разве я мог допустить, чтобы подобные мелочи мне помешали?!

– Но этот диск больше не выбивает! Все прошло! Я даже не помню, когда в последний раз это случалось! Да и упомянул только потому, что когда-то болел, а теперь все в порядке!

Я сам не знал, что говорю, но понимал: если штамп опустится на карточку, все будет кончено.

И я продолжал трещать, пока он не отложил штамп.

– Ну хорошо, если вы уверены…

– Уверен, сэр, – подтвердил я решительно.

– Так и быть.

Меня взяли! Оставался еще окулист, но это не проблема!

Меня послали в другой кабинет, где мне дали две карточки с именами окулистов, которые производили осмотр.

– Отнесете карточку к любому доктору, – объяснили мне. – Если пройдете проверку, пусть он подпишет ее. Потом принесете карточку сюда.

Я вернулся в пансион и рассказал Ричарду, как обстоят дела.

Похоже, моя мечта сбудется, и я стану летчиком!

Но Ричард был вне себя от горя.

– Я буду совсем один, – грустил он.

– Грейси присмотрит за тобой, – утешил его я. – И мама с Марти скоро приедут. Да и все равно война вот-вот кончится.

Сидни-пророк…

Наутро я отправился к доктору Фреду Сиверну, чье имя стояло на первой карточке. В приемной толпились люди, ожидавшие своей очереди. Пришлось просидеть битый час, прежде чем меня позвали в кабинет.

– Садитесь, – бросил доктор и взглянул на карточку. – Пилот, вот как?

– Да, сэр.

– Посмотрим, обладаете ли вы стопроцентным зрением, которое требуется для авиации.

Он повел меня в комнату поменьше с большой оптометрической таблицей на стене и выключил свет.

– Читайте сверху.

Я без труда справлялся с задачей, пока не дошел до последних двух строчек. Тут я не смог прочитать ни единой буквы, но не разволновался, посчитав, что вижу достаточно хорошо.

Доктор зажег свет и что-то написал в карточке.

Получилось! У меня все получилось!

– Отдайте это медсестре в приемной.

– Спасибо, доктор, – поблагодарил я и, выйдя в приемную, взглянул на карточку. Там стояло мое имя, а внизу было написано: «Негоден. Недостаточная острота зрения».

И подпись: «Доктор Фред Сиверн».

Невероятно!

Я никак не мог с этим смириться. Ничто не помешает мне стать летчиком!

Я пошел к дверям.

– Сэр, можно получить вашу карточку? – позвала медсестра.

Я продолжал идти, будто не слыша.

– Сэр…

Но я уже был за дверью.

Что ж, выход есть: надо пойти ко второму доктору. Но как можно быть уверенным, что я пройду тест?

Я отправился к своему постоянному окулисту, доктору Сэмюэлу Питерсу, и рассказал о случившемся.

– Вы никак не сумеете мне помочь?

Доктор немного подумал.

– Кажется, смогу. – Он полез в шкафчик и вынул очки с

линзами, похожими на донышки бутылок.

– Что это?

– Именно то, что поможет вам попасть в военную авиацию.

– Но как?

– Прежде чем идти на следующую проверку, ненадолго их наденьте. Они ограничат ваше зрение настолько, что глазам придется напрячься. Поэтому на время проверки ваше зрение значительно улучшится.

Я поблагодарил доктора и, окрыленный, отправился домой, откуда позвонил второму доктору, Эдварду Гейлу. Он пообещал меня принять на следующий день в десять.

Я приехал к нему за час, уселся на скамейку в подъезде, надел очки и стал ждать чуда.

За полчаса до приема я снял очки и вошел в приемную мистера Гейла.

– Мистер Шелдон, доктор ждет вас – сообщила медсестра.

– Спасибо, – самодовольно улыбнулся я.

Доктор Гейл взглянул на карточку.

– Значит, военная авиация? Садитесь.

Он потушил свет, и на стене тут же появилась оптометрическая таблица.

– Валяйте. Начните сверху.

Но тут возникла небольшая проблема: я не смог увидеть ни одной буквы.

– Начинайте же, – нетерпеливо потребовал доктор.

На первой строке я все же разглядел нечто, напоминающее большое «А», но я не был уверен. Пришлось рискнуть.

– «А».

– Верно. Продолжайте.

Деваться было некуда. Я был почти слеп.

– Я не могу…

– Следующая строчка, – перебил он.

– Я не могу ее прочитать.

– Шутите? – рассердился он. – Как это не можете?

– Видите ли, я…

– И вы хотите стать военным летчиком? Забудьте!

Он взял мою карточку и стал писать.

Мой последний шанс летел ко всем чертям. Я запаниковал.

– Подождите, – забормотал я, – ничего пока не пишите…

Он удивленно вскинул брови.

– Доктор, вы не понимаете. Я не спал всю ночь. Ухаживал за матерью. Глаза ужасно устали. Я плохо себя чувствую. Мой любимый дядя только что умер. Все это сущий кошмар. Вы должны дать мне еще один шанс.

Доктор внимательно слушал, и во мне загорелась надежда. Но он покачал головой:

– Боюсь, никак не смогу…

– Всего один шанс, – в отчаянии взмолился я, и это, похоже, подействовало.

– Ну… что же… – нерешительно протянул доктор, – завтра мы попробуем еще раз, но вы зря тратите…

– О, спасибо. Обязательно приду, – поспешно заверил я и помчался к своему окулисту.

– Благодарю покорно, – с горечью сказал я доктору Питерсу. – Теперь я вообще ослеп.

– Сколько вы просидели в этих очках? – спросил он.

– Минут двадцать – тридцать.

– Вам следовало снять их через десять минут.

Неужели нельзя было объяснить раньше?

– Но для меня это крайне важно! Сделайте что-нибудь.

Доктор Питерс помолчал.

– А он затемняет комнату, прежде чем вы начинаете читать таблицу?

– Да.

– Это хорошо.

Доктор пошел в чулан и вынес оттуда оптометрическую таблицу.

– Здорово! – обрадовался я. – Можно выучить ее наизусть и…

– Нет. В разных таблицах разные буквы.

– Тогда какой смысл в…

– Вот что мы сделаем. Потренируйтесь на этой карте. Старайтесь во что бы то ни стало рассмотреть буквы. Это обострит ваше зрение. Работайте до тех пор, пока не сможете различать две нижние строки. Кстати, в темноте он не увидит, что вы делаете.

– И вы уверены, что… – скептически начал я.

– Это зависит от вас. Удачи.

Вечер я провел, вглядываясь в буквы. Наконец что-то начало получаться, но кто знает, как выйдет на приеме у доктора Гейла?

Утром я снова пришел к нему.

– Не знаю, зачем мы стараемся, – бросил он, увидев меня. – После вчерашнего дня…

– Только позвольте мне еще раз попытаться.

– Так и быть, – вздохнул доктор.

Мы вернулись в ту же комнату. Он выключил свет.

– Начинайте.

Я сел и стал щуриться, пытаясь разобрать буквы. Доктор Питерс оказался прав. Я прочел все, включая последнюю строку.

Зажегся свет.

Доктор Гейл изумленно уставился на меня:

– Невероятно! В жизни не видел ничего подобного! Правда, вы пропустили несколько букв в двух последних строках. Так что зрение примерно девяносто восемь процентов, но это не так уж страшно. Посмотрим, что скажут в ВВС.

Он подписал карточку и отдал мне.

На следующий день я отнес карточку в медицинскую комиссию. Офицер в летной форме взглянул на карточку и сказал:

– Девяносто восемь? Неплохо, но для боевой авиации вы не годитесь. Там требуется стопроцентное зрение.

– Хотите сказать, что я… – потрясенно начал я.

– Я посоветую вам, что делать. Никогда не слышали о Военно-учебной службе?

– Нет, сэр.

– Это новая служба ВВС. Раньше называлась «Гражданский авиапатруль».[12] В Военно-учебной службе вас научат управлять транспортными самолетами для полетов в Европу или сделают летчиком-инструктором. Но военным летчиком вам не бывать. Хотите пойти в Военно-учебную службу?

– Да, сэр.

Значит, я все-таки попаду в ВВС!

– Раз вы не будете кадровым военным, придется купить себе мундир. Но вы получите жалованье курсанта и бесплатное жилье. Этого довольно?

– Да, сэр.

– Училище находится в Ричфилде, штат Юта. Вы должны явиться туда в течение следующей недели.

Я был вне себя от радости.

В Лос-Анджелес приехала Натали с новым мужем, и мы с Ричардом наконец познакомились с Марти, седовласым полным коротышкой с приветливым лицом. Он сразу мне понравился. Мы поужинали вместе, и я рассказал новобрачным о своих новостях.

– Значит, тебе нужен мундир, – протянул Марти. – Пойдем купим.

– Но вам совсем ни к чему…

– Я так хочу.

Поскольку в отношении наших мундиров не было единого устава, Марти отвел меня в магазин армии и флота, торгующий излишками военного оборудования, и купил мне два прекрасно сидевших офицерских мундира и кожаную куртку «пилот». Мне осталось только выбрать белый шарф, который тогда носили

летчики, и я стал как две капли воды походить на настоящего аса. Теперь оставалось только помочь Америке выиграть войну.

Глава 12

Ричфилд был маленьким городком с населением шестьдесят пять тысяч. Его окружали горы Монро. На главной улице располагался уютный отель. Следуя инструкциям, мы, курсанты, расселились по номерам, а потом вернулись в вестибюль. Нас было четырнадцать человек. Мы проторчали в вестибюле с полчаса, когда в дверях появился высокий угловатый человек с резкими чертами лица и, оглядев нас, спросил:

– Все устроились?

– Да, сэр, – прозвучал хор голосов.

– Прекрасно. Я капитан Андерсон, ваш шеф-инструктор. Отель находится в пятнадцати минутах езды от аэродрома. В шесть утра сюда будет подаваться автобус и отвозить вас на место. Постарайтесь хорошо выспаться. Отдых вам не помешает.

И он ушел.

Утром нас отвезли на аэродром. Он оказался куда меньше, чем я ожидал. Капитан Андерсон приказал нам следовать за ним. Он привел нас в ближайшее здание, превращенное в школу. В комнатах стояли столы, были развешаны учебные пособия.

Когда мы расселись, он сказал:

– Вам предстоит пройти шестимесячный курс обучения полетам. Но к сожалению, из-за войны курс сокращается до трех месяцев. Вы будете изучать чтение по карте, аэродинамику, метеорологию, штурманское дело, съемку местности, составление полетных планов и устройство двигателя, а также азбуку Морзе и укладку парашютов. В каждом классе свой инструктор. Вопросы есть?

– Нет, сэр.

Первым занятием была аэродинамика. Занятие длилось час. Завершая его, инструктор сказал:

– Я раздам вам учебники по аэродинамике и хочу, чтобы вы ответили на вопросы к каждой главе, с первой по двадцатую. Это ваше домашнее задание. Свободны.

Я пролистал учебник. К каждой главе прилагался список вопросов. Наверное, сегодня придется улечься попозже.

Далее шло штурманское дело. Через час, отпуская нас, инструктор сказал:

– Возьмите учебники и прочтите первые сто пятьдесят страниц. Ответьте на все вопросы.

Мы переглянулись. Похоже, ноша нам не по силам.

На третьем уроке объяснялось устройство двигателя. Я старался запомнить все технические детали и старательно

записывал за инструктором. Тот потребовал прочитать текст и ответить на вопросы с первой по сто двадцатую страницу.

Я едва сдержал смех. Справиться с таким объемом работы было невозможно, а ведь день еще не закончился!

На последнем занятии мы укладывали парашюты: утомительная и тяжелая задача, особенно после сложных лекций.

Теперь мы начинали понимать, что имел в виду капитан Андерсон, сказав, что нам предстоит освоить шестимесячный курс за три месяца. Думаю, что все курсанты в эту ночь не спали до четырех-пяти утра, пытаясь выполнить домашнее задание.

Каждый день был похож на предыдущие. После занятий мы шли на летное поле знакомиться с самолетами. Мне предстояло летать на «пайпер кабс», винтомоторных аэропланах, вместе с инструктором.

Все мы хотели учиться летать, но домашние задания отнимали жутко много времени. Мы не спали до трех-четырех утра и втайне надеялись, что начало полетов задержат и мы сможем хотя бы закончить теоретический курс.

Меня прикрепили к капитану Андерсону. Он лично наблюдал, как я укладываю парашют для своего первого полета. Мы сели в самолет.

– Следите за тем, что я делаю. – Он поднял самолет в воздух, не переставая объяснять: – Прежде всего необходимо запомнить два основных правила. Первое: ни секунды покоя. Постоянно вращайте головой, если можете, чуть ли не на сто восемьдесят градусов, чтобы проверить, нет ли поблизости самолетов. Второе: соотносите скорость с высотой полета, чтобы избежать катастрофы.

По мере того как мы поднимались в воздух, я увидел, что аэродром полностью окружен горами.

Когда мы поднялись на семьсот пятьдесят футов, капитан Андерсон сказал:

– Сейчас войдем в штопор.

В штопор мы вошли и благополучно из него вышли. Но к сожалению, возникла еще одна проблема: меня укачивало.

Капитан Андерсон брезгливо поморщился. Я залился краской.

На следующий день мы делали бочки и мертвые петли, и меня опять тошнило.

Когда мы приземлились, капитан Андерсон спросил:

– Вы сегодня завтракали?

– Да, сэр.

– Отныне ничего не будете есть до обеда.

Это означало, что с ужина и до половины второго дня у меня во рту не будет ни крошки.

Но едва капитан Андерсон передал мне управление, морская болезнь исчезла. Сидя за штурвалом, я чувствовал себя великолепно, поскольку старался сосредоточиться на том, что делаю.

Каждую неделю я звонил Ричарду, Натали и Марти, сообщая, что здоров и бодр. Все складывалось лучше некуда, и я уверял, что собираюсь стать первым асом Второй мировой.

Но как-то Ричард позвонил мне и сообщил:

– У меня новости, Сидни. Я только что записался добровольцем.

У меня замерло сердце. Он слишком молод и…

Я вдруг понял, что Ричард уже не мальчик. Поэтому сказал:

– Ричард, я тобой горжусь.

Через неделю его отправили в учебный лагерь.

Иногда капитан Андерсон во время полета без предупреждения выключал двигатель.

– Ваш мотор только что сдох, Шелдон. Совершите аварийную посадку.

Я смотрел вниз. Чаще всего подходящего места не было. Но, судя по выражению лица капитана, он ждал не объяснений. Тогда я начинал постепенно терять высоту, пока не находил достаточно ровной площадки.

И когда я уже готов был приземлиться, Андерсон вновь включал двигатель.

– Молодец. Поднимайте машину.

День, когда он сказал, что я готов к самостоятельному полету, стал для меня праздником.

– Только соотносите высоту и скорость, – снова напомнил капитан.

Я кивнул, надел парашют и впервые поднялся один на борт самолета. Остальные курсанты следили за мной. Самолет помчался по полю и уже через минуту взмыл в воздух. Поразительное ощущение – ощущение свободы. Ощущение разрыва связи с землей и парения в новом мире. Ощущение полного отсутствия морской болезни.

Я достиг заданной высоты – шести тысяч ста футов и принялся выполнять полетное задание.

Мне было приказано продержаться в воздухе двадцать минут. Я взглянул на часы. Пора показать всем, что такое идеальная посадка!

Я толкнул рычаг вперед и начал снижаться. Внизу уже были видны фигуры наблюдателей.

Правила посадки весьма строги. Недаром нам вдалбливали, какие скорости должны быть при определенных высотах. Я посмотрел на приборы и вдруг сообразил, что совершенно забыл, какой должна быть скорость. Мало того – все, что я выучил, выветрилось из головы. Я понятия не имел, что делать.

В полной панике я потянул рычаг на себя, чтобы набрать высоту и уберечься от падения, одновременно пытаясь вспомнить соотношение высоты и скорости, но голова была абсолютно пуста. Если сделаю ошибку, значит, разобьюсь. Я описывал круги над аэродромом, не в силах сообразить, что делать. Может, прыгнуть с парашютом? Но в ВВС нет лишних самолетов! Однако не мог же я вечно оставаться в воздухе! Нужно каким-то образом садиться.

Я снова стал спускаться, безуспешно стараясь припомнить нужные цифры. Вниз на тысячу футов, сбавить скорость до шестидесяти миль в час… триста футов – пятьдесят миль в час. Может, я иду слишком быстро?

Я облетел поле трижды, опускаясь с каждым разом все ниже. Пятьдесят миль в час. Слишком быстро? Слишком медленно?

Я глубоко вздохнул и решился.

Самолет ударился о землю, подпрыгнул, снова плюхнулся вниз и наконец замер, когда я вернул рычаг в исходное положение от себя и ударил по тормозам. Охваченный дрожью, я спрыгнул с самолета.

Капитан Андерсон, как раз собравшийся в город, остановился, увидев, что творится на поле, и кинулся обратно.

– Какого черта вы вытворяете?! – завопил он, подбегая ко мне.

Меня прошиб пот.

– Я… я не знаю. В следующий раз…

– Никакого следующего раза! Немедленно!

– Немедленно? – пролепетал я.

– Вот именно! Садитесь в самолет и поднимайте его в воздух!

Мне казалось, он шутит.

– Я жду.

Значит, не шутит. Я знал изречение: «Если падаешь с лошади, сразу вставай и садись в седло». Очевидно, капитан считал, что то же самое справедливо и для самолетов. Он совершенно равнодушно посылал меня на верную смерть.

Я взглянул ему в глаза и решил не спорить. Понуро поднялся в самолет и сел, стараясь отдышаться. Если я умру, моя гибель будет на его совести.

Курсанты смотрели, как я еду по взлетной полосе.

Я снова поднялся в воздух, попытался расслабиться и вспомнить все, чему меня учили о скорости, высоте и углах полета. И неожиданно в голове прояснилось. Я оставался в воздухе еще четверть часа и на этот раз совершил почти идеальную посадку.

А когда я спрыгнул на землю, капитан Андерсон проворчал:

– Вот так-то лучше. Завтра все повторить.

* * *

Последний месяц учебы прошел без приключений, если не считать одного памятного дня почти перед самым выпуском.

В то утро, когда я собирался взлетать, капитан Андерсон сказал:

– Мы получили штормовое предупреждение. Следите за небом. Если заметите грозовой фронт, садитесь.

– Есть, сэр.

Я поднялся, набрал высоту и принялся облетать горы, выполняя полетное задание.

«Мы получили штормовое предупреждение… Если заметите грозовой фронт, садитесь…»

Что, если меня застигнет гроза и я не найду места для посадки?

Я так и видел заголовки: «Пилот захвачен грозой».

Новость объявят по радио и телевидению. Весь мир, затаив дыхание, будет ждать, выберется ли из переплета молодой курсант. На летном поле будут кишеть машины «скорой» и пожарные.

Я был целиком захвачен грезами и наслаждался собственной храбростью перед лицом грядущей катастрофы, когда небо вдруг потемнело. Мой самолет оказался в центре грозы. Я летел вслепую, окруженный зловещими черными тучами, и не видел не только взлетного поля, но и ничего вокруг. И знал наверняка только одно: со всех сторон грозные горные пики, в которые можно врезаться в любую секунду. Я потерял ориентацию. Где взлетное поле? Подо мной? Надо мной? Сбоку?

Ветер стал швырять самолет, как сухой лист. Заголовки, которые я представлял, грозили стать реальностью. В попытке избежать столкновения с горой я описывал небольшие круги, спускаясь все ниже, стараясь оставаться в той же безопасной зоне.

Когда до земли было тридцать футов, я увидел поле и собравшихся на нем людей.

Я посадил самолет. Взбешенный инструктор подступил ко

мне:

– Что это с вами? Я же говорил о штормовом предупреждении!

– Простите, сэр, гроза подкралась незаметно.

Я получил «крылышки» ровно через три месяца после приезда в Ричфилд. Капитан Андерсон созвал всех курсантов:

– Вы вполне готовы для обучения на многомоторных самолетах «BT-12», и «DAT-6». Но к сожалению, на высших летных курсах сейчас нет мест. Так что вы пока в резерве. Места могут появиться когда угодно. Здесь оставаться вам не обязательно, так что сержант запишет ваши телефоны, чтобы связаться с вами в любую минуту дня и ночи. И как только на курсах появятся места, мы вам позвоним. Удачи.

Я подумал о Бене Робертсе и решил, что, пока жду места на курсах, отправлюсь к нему в Нью-Йорк.

Я забронировал номер в одном из манхэттенских отелей и дал сержанту номер его телефона, предчувствуя, что не успею прибыть в Нью-Йорк, как меня отзовут. Но все же попрощался с однокурсниками и сел в самолет, вылетавший в Нью-Йорк.

Глава 13

В полете ничего особенного не происходило. В большом пассажирском самолете я, затянутый в летный мундир с блестящими крылышками, боролся с приступами тошноты под восхищенными взглядами пассажиров. Я до сих пор уверен, что, если бы сел за руль истребителя, война была бы намного короче. Но тогда мы бы точно проиграли.

Наконец мы прибыли в Нью-Йорк, страну Брилл-билдинг, «РКО Джефферсон», Макса Рича и воспоминаний, принадлежащих другому миру и другому времени.

Бен встретил меня в аэропорту и по пути в отель рассказывал о последних событиях.

– Сижу в Форт-Диксе, пишу учебные фильмы. Не поверишь, какую только чушь нас не заставляют снимать. В одном фильме мы целых десять минут учим новобранцев поднимать капот машины. Все равно что писать для пятилетних детей. Долго ты пробудешь в Нью-Йорке?

Я покачал головой:

– Понятия не имею. Может, час, может, неделю. Скорее всего час. Жду отзыва на курсы ВВС, а это может произойти в любую минуту.

Мы доехали до отеля, и я подошел к стойке портье.

– Я ожидаю важного междугородного звонка. Очень важного. Пожалуйста, постарайтесь сразу соединить меня, – попросил я дежурного.

Мы с Беном договорились встретиться следующим вечером.

Утром я позвонил своему калифорнийскому агенту Луису Шуру, сообщил, что я в Нью-Йорке и вполне свободен, пока не откроется высшая летная школа.

– Почему бы тебе не зайти в местный офис? – предложил он. – Поговори с моим партнером Жюлем Зиглером. Может, он подыщет для тебя что-нибудь.

Жюль Зиглер, глава нью-йоркского офиса, загорелый, энергичный мужчина лет сорока, приветливо встретил меня:

– Луис предупредил о вашем приезде. Ищете новый проект?

– Ну, я…

– У меня имеется кое-что интересное. Никогда не слышали о Яне Кипуре?

– Нет. Это какой-то праздник?

– Ян Кипура – европейская оперная знаменитость. Как и его жена Марта Эггерт. Там они снимались во многих фильмах, но теперь хотят сделать шоу на Бродвее. «Веселая вдова».

«Веселая вдова», известная оперетта Франца Легара, история князя из маленького королевства, который ухаживает за богатой вдовой, чтобы ее деньги остались в стране. Ее постоянно ставили по всему миру.

– Они думают немного осовременить либретто. Хотите с ними встретиться?

Какой смысл? Я не пробуду в Нью-Йорке достаточно долго, чтобы написать письмо, не говоря уж о бродвейском шоу.

– Вряд ли я смогу…

– По крайней мере повидайтесь с ними.

Встреча состоялась в номере люкс отеля «Астор». Открыв дверь, Кипура с недоумением оглядел мой мундир и спросил:

– Вы и есть драматург?

– Да, сэр.

– Входите.

Ян, мускулистый мужчина лет сорока, говорил с сильным венгерским акцентом. Он представил мне свою жену Марту, стройную, привлекательную, с вьющимися волосами до плеч и приветливой улыбкой, и предложил сесть.

– Мы хотим ставить «Веселую вдову», но в более современном варианте. Жюль сказал, вы хороший писатель. Что вы написали?

– «Опасные каникулы», «К югу от Панамы», – начал перечислять я сценарии, написанные вместе с Беном. Супруги непонимающе переглянулись. Наконец Ян Кипура сказал:

– Мы свяжемся с вами.

Ну вот и все. Конец. Впрочем, это даже к лучшему.

Из отеля я отправился в офис Жюля.

– Они только что звонили, – сообщил тот. – Хотят, чтобы вы написали либретто.

Меня словно окутал черный туман. От меня требуют невозможного! Бродвей был Меккой, куда стремился каждый писатель. Что я знал о создании бродвейских шоу? Абсолютно ничего. Я только выставлю себя дураком и испорчу постановку. И кроме того, в любую минуту мне могут позвонить и призвать на службу.

– Вы себя нормально чувствуете? – встревожился Жюль, наблюдавший за мной.

У меня не хватило храбрости признаться, что я не собираюсь браться за либретто.

– Конечно.

– Они предлагают вам начать немедленно.

– Договорились.

Я вернулся в отель. Нужно объяснить, что у меня нет ни

времени, ни способностей для подобного проекта. Но, хорошенько подумав, я сообразил, что выход есть. Бен Робертс! Вот кто может написать либретто со мной. А если в разгар работы меня призовут на службу, Бен закончит работу.

Я позвонил ему в Форт-Дикс.

– Что новенького? – спросил он.

– Сейчас расскажу. Я собираюсь писать новое либретто «Веселой вдовы».

Долгая пауза.

– Не знал, что ты пьешь.

– Я вполне серьезно. Уже успел поговорить со звездами шоу. Они выбрали нас.

Похоже, Бен потерял дар речи.

Следующим утром я отправился в театр, где должна была идти «Веселая вдова». Шоу ставила «Нью опера компани», возглавляемая Иоландой Миро-Айрион, маленькой полногрудой женщиной средних лет с высоким пронзительным голосом.

Все делалось по высшему разряду. Танцы ставил легендарный Джордж Баланчин, один из самых выдающихся хореографов. Я часто встречался с этим мужчиной среднего роста с хорошо развитой мускулатурой танцовщика. До конца жизни он не потерял легкого русского акцента.

Постановщиком был гениальный Феликс Брентано, а дирижером – Роберт Штольц, который к тому же считался блестящим композитором. Прима-балериной была Милада Младова, талантливая европейская танцовщица.

Я обсудил либретто с Баланчином, Штольцем и Брентано.

– Оно должно быть как можно более современным, – требовал постановщик, – но при этом нельзя терять атмосферу того периода.

– Веселым и развлекательным, – вставил Баланчин.

– Беспечным и легким, – добавил Штольц.

Потрясающе! Современное, но с налетом эпохи, развлекательным, веселым, беспечным – и все это вместе!

– Без проблем.

Мы с Беном решили, как будем работать. Поскольку днем он был занят учебными фильмами в Форт-Диксе, приезжать в Нью-Йорк придется вечерами. После ужина мы будем работать вместе часов до двух ночи.

Мои страхи относительно написания бродвейской пьесы почти исчезли. Работа с Беном заставляла забыть о трудностях. Он был невероятно способен и возвращал мне уверенность.

Когда первый акт был закончен, я отнес его продюсеру, Иоланде Миро-Айрион, и с нетерпением смотрел, как она листает

страницы.

– Ужасно! – прошипела она, дочитав. – Настоящий кошмар!

– Но мы сделали все, что… – пролепетал я.

– Это провал! Настоящий провал! – злобно завопила Иоланда.

– Мне очень жаль. Скажите, что вам нужно, и мы с Беном все перепишем…

Она поднялась, окинула меня уничтожающим взглядом и удалилась.

Значит, не зря я хотел отказаться с самого начала! Что заставило меня вообразить, будто я способен написать бродвейское шоу?!

Я не мог сдвинуться с места, придавленный свалившимся на меня несчастьем, и тупо оценивал размеры катастрофы. Но тут в офис вошли Баланчин и Брентано.

– Я слышал, вы принесли первый акт, – начал Баланчин.

– Принес, – мрачно кивнул я.

– Давайте посмотрим.

У меня не было ни малейшего желания давать им либретто, но что я мог поделать?

– Разумеется.

Они начали читать, и мне очень захотелось оказаться где-нибудь за тридевять земель.

И вдруг я услышал смешок. Это Феликс Брентано! За смешком последовал взрыв хохота. Баланчин! Губы обоих то и дело расползались в улыбке.

Им понравилось!

Перевернув последнюю страницу, Брентано объявил:

– Прекрасно, Сидни. Именно то, на что мы надеялись!

– Если второй акт так же хорош, как первый… – покачал головой Баланчин.

Мне не терпелось поскорее рассказать об удаче Бену.

Я почти все время проводил в отеле, боясь, что в мое отсутствие позвонят из BBC. Выходя на улицу, я неизменно объяснял, где можно меня найти.

Холостякам в Нью-Йорке порой очень одиноко. Несколько раз я дружески болтал с нашей прима-балериной Миладой Младовой, и мы прекрасно ладили. Как-то в воскресенье, когда репетиций не было, я пригласил ее поужинать, и она согласилась.

Мне очень хотелось произвести должное впечатление. Поэтому повел ее в «Сарди», любимый ресторан представителей шоу-бизнеса. Надо сказать, я по-прежнему носил мундир.

За ужином мы обсуждали шоу, и Милада призналась, что для нее большая честь танцевать на Бродвее.

Под конец официант принес счет на тридцать пять долларов. Чего-то в этом роде следовало ожидать. Но беда в том, что у меня не было тридцати пяти долларов! Я долго смотрел на счет. Кредитных карт тогда еще не изобрели.

– Что-то не так? – спросила Милада.

– Нет, – поспешно ответив я, решив идти ва-банк. – Сейчас вернусь.

Я поднялся и пошел к выходу, где стоял владелец ресторана Винсент Сарди.

– Мистер Сарди…

– Чем могу быть полезен?

Похоже, мое дело плохо. Вряд ли Винсент Сарди сколотил состояние, кредитуя бездельников и банкротов.

– Я… видите ли, мой счет, – нервно начал я.

Он продолжал изучать меня.

Должно быть, привык узнавать банкротов с первого взгляда.

– В нем ошибка?

– Нет. Все в порядке. У меня просто нет… нет… ну, вы понимаете… денег.

Я вдруг испугался, что Милада наблюдает за нами, и поспешно закончил:

– Мистер Сарди, я написал пьесу, которая пойдет в театре «Маджестик». Вон там, на другой стороне улицы. Но премьеры еще не было А пока… у меня просто нет достаточной суммы… то есть… может, поверите мне на слово, а я расплачусь потом?

– Разумеется, – кивнул он. – Никаких проблем. И позвольте заверить, у нас вы всегда желанный гость.

На душе сразу стало легче.

– Огромное спасибо.

– Не за что. – Он пожал мне руку, и в моей ладони оказалась пятидесятидолларовая банкнота.

Наш продюсер Иоланда подвергала жесточайшей критике все, что бы мы с Беном ни написали, вне зависимости от того, нравилось это окружающим или нет. Казалось, она была заранее настроена все осуждать.

– Нас ждет провал, – твердила она. – Я это знаю. Нас ждет провал.

Я же отчаянно надеялся на то, что ее предсказание не окажется пророческим.

А вот Баланчин, Брентано и Штольц неизменно нас хвалили.

На репетициях Иоланда скакала по сцене гигантским кузнечиком, раздавая приказы направо и налево. Но профессионалы были слишком заняты, чтобы обращать на нее

внимание.

Однажды во время перерыва Баланчин подошел ко мне:

– Мне нужно с вами поговорить.

– Конечно. Что-то случилось?

– Нет. Просто мой друг Винтон Фридли ставит новую пьесу и ищет драматурга. Я рассказал ему о вас, и он бы хотел встретиться.

– Спасибо, – выдохнул я с благодарностью. – А когда?

Баланчин взглянул на часы:

– Собственно говоря, уже сегодня. В час дня.

Два бродвейских шоу одновременно? Невероятно!

Винтон Фридли один из самых известных бродвейских продюсеров, поставил «Смешное лицо», «Сумасбродную девчонку» и не менее полудюжины других хитов. Фридли был энергичным, деловым продюсером и потому сразу перешел к делу:

– Джордж сказал, что вы молодец.

– Стараюсь.

– Я ставлю новое шоу под названием «Джекпот». О девушке, которая позволяет разыгрывать себя в лотерею, чтобы собрать деньги на военные нужды. И выигрышный билет достается трем солдатам.

– Ничего не скажешь, смешно, – одобрил я.

– У меня уже есть либреттист, Гай Болтон, но он англичанин, и, думаю, ему не помешает поработать с американцем. Беретесь за работу?

– С удовольствием, – ответил я, но тут же добавил: – Кстати, у меня есть соавтор, Бен Робертс. Он будет со мной работать.

Фридли кивнул:

– Согласен. Музыку написали Верной Дьюк и Говард Дитц.

Два самых известных бродвейских имени!

– Когда вы сможете начать? – спросил Фридли.

– Прямо сейчас.

Я старался говорить уверенно, но мозг сверлила единственная мысль: «Мне вот-вот позвонят, и придется идти на летные курсы».

– Мы уже начали кастинг, – пояснил Фридли. – Пока отобраны Аллен Джонс и Нанетт Фабри. Позвольте показать вам декорации.

Удивительно, что декорации сделаны еще до того, как написана пьеса!

Мы отправились в театр «Олвин». На сцене возвышался огромный белый южный дом с палисадником.

Я озадаченно посмотрел на Фридли:

– Но вы говорили, что это шоу об американских солдатах,

которые выиграли девушку, и…

– Декорации остались от предыдущего шоу, – объяснил Фридли. – Оно провалилось, так что мы используем декорации для другого. Сэкономим кучу денег.

Я задался вопросом, как вставить южный особняк в современную военную историю, но промолчал.

– Давайте вернемся в офис. Я хочу познакомить вас с Гаем.

Гай Болтон оказался обаятельным англичанином лет пятидесяти, написавшим несколько пьес с П. Дж. Вудхаузом, кумиром английских читателей.

Я опасался, что Гаю не понравится появление неизвестно откуда взявшегося соавтора, но он сказал:

– Счастлив, что мы будем работать вместе.

Я сразу понял, что мы поладим.

Вернувшись в отель, я спросил портье, не звонил ли кто-нибудь мне, и затаил дыхание, пока он просматривал записи.

– Нет, мистер Шелдон.

Вот и слава Богу. Значит, у меня еще есть время.

Я поспешил к себе и позвонил Бену в Форт-Дикс:

– Мы с тобой пишем мюзикл для Винтона Фридли.

Бен долго ошеломленно молчал.

– Нас сняли с «Веселой вдовы»?

– Нет. Мы делаем и «Веселую вдову», и пьесу Фридли.

– Господи! Как тебе это удалось?

– Не мне. Джорджу Баланчину. Мы работаем с английским драматургом Гаем Болтоном.

Глава 14

Я был занят по горло и счастлив, но продолжал ждать рокового телефонного звонка.

Следующие три недели я по утрам работал над «Веселой вдовой», а днем – над «Джекпотом». По вечерам мы трудились с Беном над обоими шоу. Я едва волочил ноги и решил, что нуждаюсь в небольшом отдыхе.

В воскресенье я отправился в «УСО» – нью-йоркский развлекательный центр для солдат в отпуске. Там было все: музыка, красивые женщины, танцы и еда. Этакий оазис в пустыне войны.

Ко мне подошла привлекательная белокурая девушка:

– Хотите потанцевать, солдат?

Еще бы!

Но не прошло и трех минут, как кто-то хлопнул меня по плечу.

– Эй, мы только что начали. И нечего отбивать… – возмутился я, но, повернувшись, обомлел: передо мной стояли два офицера военной полиции.

– Вы арестованы, солдат. Пойдемте.

Арестован?!

В чем дело?

– Выдаете себя за офицера.

– О чем вы?!

– На вас офицерский мундир. Где офицерские знаки отличия?

– У меня их нет. Я не офицер.

– Поэтому вы и арестованы. Идемте.

Они схватили меня за руки.

– Погодите, мне разрешено носить мундир!

– Кто давал разрешение? Ваша матушка?

Они потянули меня за собой. Я впал в панику:

– Вы не понимаете. Я служу в специальной службе ВВС. Никогда не слышали о таком армейском подразделении, как Военно-учебная служба?

– Нет.

Мы оказались на улице. У обочины была припаркована машина военной полиции.

– Садитесь.

Но я не сдавался.

– Никуда я не поеду. Вы обязаны позвонить моему начальству. Говорю вам, я зачислен в ВВС, в подразделение, которое называется Военно-учебной службой, и мы можем носить,

черт возьми, все, что пожелаем!

Офицеры переглянулись.

– По-моему, он псих, – заметил один, – но все же дадим ему шанс. Куда звонить?

Я продиктовал номер. Он повернулся к напарнику:

– Посторожи его. Прибавим заодно еще и статью «Сопротивление аресту». Сейчас вернусь.

Минут через двадцать он действительно вернулся с озадаченной физиономией.

– Ну что? – спросил напарник.

– Я говорил с генералом, и он намылил мне шею за то, что я не знал о чертовой Военно-учебной службе.

– Хочешь сказать, все законно?

– Не знаю, законно ли, но вполне реально. Это действительно подразделение ВВС.

Второй полицейский выпустил мою руку.

– Извините. Похоже, мы ошиблись.

– Ничего, – кивнул я и снова вошел в зал. Моя девушка танцевала с другим.

Работать с Гаем Болтоном было одно удовольствие. Он написал много удачных пьес и прекрасно разбирался в театральной кухне. Но Гай пересыпал речь английскими идиомами, и нашей заботой было превратить их в американизмы. Я часто припоминал афоризм Бернарда Шоу: «Американцы и англичане разделены общим языком».

Гай снял прекрасный дом на Лонг-Айленде и по уик-эндам работал там вместе с нами. Он был очень общителен, имел много друзей, и в доме часто гостили необычные люди.

Однажды за ужином меня посадили рядом с одной из самых красивых женщин, каких я когда-либо встречал.

– Гай сказал, что вы с ним пишете бродвейский мюзикл, – заметила она.

– Совершенно верно.

– Как интересно!

– А вы чем занимаетесь?

– Я актриса.

– Простите, не расслышал, как вас зовут.

– Венди Барри.

Венди оказалась англичанкой, снявшейся в нескольких картинах у себя на родине. Ее крестным отцом был Дж. М. Барри, который назвал одну из героинь своей знаменитой книги «Питер Пэн» Венди в честь крестницы. Она понравилась мне с первого взгляда. Я нашел ее очаровательной. Но ее мысли явно были чем-

то заняты.

Когда мы встали из-за стола, я спросил:

– У вас все в порядке?

Она покачала головой:

– Давайте немного пройдемся.

Мы вышли в сад и пошли по залитой лунным светом гравийной дорожке. По законам военного времени окна были затемнены, ни единого лучика не пробивалось на улицу. Хорошо еще, что было полнолуние.

Венди неожиданно заплакала. Я остановился.

– Что случилось?

– Ничего… все… не знаю, что делать.

– Но в чем дело?

– Это… мой приятель. Он… он меня бьет, – выдавила она еле слышно.

Я вознегодовал:

– Зачем вы ему позволяете? Никто не должен вести себя подобным образом! Почему вы не бросите его?

– Не… не знаю… это очень трудно.

Она начала всхлипывать. Я обнял ее за плечи:

– Венди, послушайте, если он бьет вас сейчас, значит, дальше будет еще хуже. Уходите, пока не поздно.

– Вы правы, – кивнула она и, глубоко вздохнув, добавила: – Я так и сделаю.

– Молодец.

– Мне уже лучше. Спасибо.

– Рад был помочь. Вы живете в Нью-Йорке?

– Да.

– Завтра вечером вы не заняты?

Она взглянула на меня:

– Пока нет.

– Давайте поужинаем вместе.

– С удовольствием.

Назавтра мы поужинали в «Сарди» и много общались следующие две недели.

В одну из пятниц мне позвонили:

– Шелдон?

– Да.

– Тебе твоя жизнь дорога?

– Очень. А что?

– В таком случае не стоит встречаться с Венди Барри.

– О чем вы?

– Знаешь, кто снимает ей квартиру?

– Нет. Мы никогда… Она не говорила.

– Багси Зигел.

Наемный убийца мафии.

Больше я ни разу не видел Венди Барри.

Зато встретился со звездами «Джекпота» – Алленом Джонсом и Нанетт Фабри. Аллен Джонс был настоящим киношным красавчиком: рост под шесть футов, великолепное сложение и нагловатая усмешка. Кроме того, у него был чудесный голос, и его пластинки расходились, как горячие пирожки. Нанетт была настоящей обаяшкой. Молодая, с идеальной фигурой, всегда оживленная и энергичная, она была прирожденной комедийной актрисой, словно созданной для этой роли.

Я не сомневался, что шоу ждет огромный успех.

Однажды после репетиции Рой Харгрейв, постановщик шоу, сказал:

– Парни, вы написали классное либретто.

Я вспомнил об Иоланде, вечно предрекавшей несчастья, и искренне поблагодарил Роя.

– Мой друг тоже ставит мюзикл и ищет либреттиста. Я рассказал ему о вас. Не хотите с ним встретиться?

Невозможно! Мы с Беном уже писали два либретто, а меня вот-вот должны были призвать на службу.

– С удовольствием, – кивнул я.

– Его зовут Ричард Коллмар. Женат на Дороти Килгаллен.

Я читал популярную газетную колонку Дороти Килгаллен. Она и Коллмар были весьма влиятельной парой на Бродвее.

– Я позвоню, и Дик назначит вам встречу. – Рой Харгрейв тут же набрал номер и, распрощавшись с собеседником, сказал: – Завтра утром в десять.

Ричард Коллмер продюсировал, ставил и играл в самых успешных бродвейских мюзиклах, хотя ему было едва за тридцать.

– Рой сказал, вы прекрасный писатель, – приветливо начал он. – Я делаю мюзикл в стиле фэнтези. Грандиозная постановка с шикарными декорациями и костюмами. Сюжет такой: сценаристка «мыльных опер» засыпает и видит во сне, что она Шехерезада и должна непрерывно рассказывать султану истории или умереть.

– Звучит интересно. Кто играет Шехерезаду?

– Вера Зорина.

Всемирно известная балерина, ставшая звездой Бродвея. По странному совпадению она была замужем за Джорджем Баланчином.

– Ее партнером будет Роналд Грэм. Хотите написать историю

в соавторстве с Дороти?

– С удовольствием. Кстати, у меня уже есть соавтор.

Дик кивнул:

– Бен Робертс. Когда сможете начать?

– Прямо сейчас.

Мы с Беном еще успеем выспаться после войны.

Едва добравшись до отеля, я позвонил Бену:

– Мы пишем либретто мюзикла для Ричарда Коллмара. Название: «Сон с музыкой».

– Погоди, – растерялся он. – Значит, с остальными шоу покончено?

– Ничего подобного. Мы займемся сразу тремя.

– Три бродвейских шоу сразу?!

– Подумаешь!

Я все еще носил мундир в ожидании звонка, который должен был вернуть меня на службу. Но теперь времени вообще ни на что не хватит! Оставалось надеяться, что позвонят не скоро. Мне всего-то и нужно два-три месяца.

Но боги, должно быть, еще раз решили посмеяться надо мной.

Ровно через два часа после разговора с Ричардом Коллмаром раздался Тот Самый Звонок:

– Сидни Шелдон?

– Да.

– Это майор Бейкер. Вам приказано явиться завтра в девять ноль-ноль к капитану Бернсу в штаб-квартиру ВВС в Бронксе.

Капитан Бернс, высокий, лысый, в аккуратно отглаженном мундире, поднял глаза.

– Шелдон?

– Да, сэр.

– Садитесь. Вы закончили летные курсы?

– Да, сэр.

Он просмотрел лежавшие на столе бумаги.

– И должны явиться в высшее летное училище?

– Да, сэр.

– Но планы изменились.

– Изменились? – удивился я.

– Военные действия приняли новый оборот. Теперь мы наступаем. Преследуем фашистских ублюдков. И нам прежде всего нужны пилоты-истребители. Вы не годитесь из-за зрения. Мы получили приказ распустить Военно-учебную службу.

До меня не сразу дошел смысл его слов.

– Что все это?..

– Всем добровольцам ВУС предоставлен выбор. Можете пойти в пехоту, рядовым или пройти медкомиссию еще раз.

Выбор Хобсона.[13]

Но мне нужно было закончить все либретто. Возможно, комиссии потребуется время, чтобы заняться моими бумагами, прежде чем меня пошлют за океан, и я еще успею поработать над шоу.

– Я бы предпочел призывную комиссию, сэр.

Капитан сделал пометку в моих документах.

– Прекрасно. Вас вызовут.

В этом я не сомневался. Вопрос – когда? И долго ли я смогу проработать с Беном, Гаем и Дороти? Впрочем, мы вполне успеем все закончить, если будем трудиться по семь дней в неделю.

Если армия даст мне хотя бы месяц…

Вернувшись в отель, я сразу позвонил Бену:

– Сегодня мы работаем допоздна.

– Что еще стряслось?

– Скажу, когда приедешь.

«Допоздна» в данном случае означало до трех утра, когда Бен наконец, спотыкаясь, вывалился из дверей отеля и вернулся в Форт-Дикс. Новость расстроила его не меньше меня. Я пытался утешить его:

– Не волнуйся. Медкомиссии работают медленно.

Следующие три дня я работал, не поднимая головы, бегал из театра в театр, стараясь сделать как можно больше.

На четвертый день портье вручил мне письмо, начинавшееся со зловещего слова «Приветствуем»…

Сердце ушло в пятки. Все кончено.

Я должен был явиться на медкомиссию завтра. Моя карьера драматурга закончилась, едва начавшись. Я дезертирую, бросая три шоу, продюсеры которых рассчитывали на меня, и уезжаю за океан, возможно, навстречу смерти.

И вдруг непонятно почему меня охватила бурная радость.

Я вполне сознавал, что мои эмоции безнадежно вышли из-под контроля, но не имел понятия, что со мной творится. Взглянул в зеркало на свое идиотски счастливое лицо и заплакал.

Утром, ровно в девять, я отправился на медкомиссию. Все проходило точно так же, как в Калифорнии, закончилось через полчаса, и меня позвали в кабинет доктора. Он изучал мою карточку.

– Здесь говорится, что у вас грыжа позвоночного диска.

– Да, сэр, я говорил об этом на первой медкомиссии и…

– Вас нельзя было принимать, – перебил доктор. – Если у вас

начнется приступ в разгар боя, вы подвергнете опасности не только себя, но и тех, кто рядом с вами. Так не пойдет.

– Сэр…

– Я ставлю штамп «Негоден к военной службе».

Я молчал.

– И немедленно извещу призывную комиссию в Калифорнии.

Я долго сидел, не в силах двинуться, ошеломленный, пытаясь осознать случившееся.

Наконец я встал.

– И снимите мундир! – крикнул мне вслед доктор.

Я снова стал штатским.

Все с тем же ощущением нереальности происходящего я вошел в магазин одежды и купил два костюма, шорты, рубашки и галстуки. Теперь я был готов к возвращению в мир искусства и шоу-бизнеса.

4 августа 1943 года состоялась премьера «Веселой вдовы». Это была самая успешная постановка оперетты Легара на Бродвее. Критики рассыпались в похвалах.

«Нью-Йорк таймс»: «Достойная постановка».

«Геральд трибюн»: «Теперь городу есть чем гордиться».

«Миррор»: «Прекрасно, роскошно, со вкусом и гармонично».

«Джорнал американ»: «Прелестная, очаровательная, веселая история любви».

Уолтер Уинчелл: «Первый ночной бум августа. „Веселая вдова“ стала сплошным аншлагом».

Говард Барнс: «Новый сезон принес нам радость. „Веселая вдова“ принесла в „Маджестик“ вкус, прекрасные мелодии, блеск и очарование».

Фрэнк Салливан: «Счастлив отметить, что господа Сидни Шелдон и Бен Робертс стряхнули пыль и заново переплели либретто „Веселой вдовы“».

Одно шоу сбросили. Осталось два.

Постановка продержалась на Бродвее почти год и еще два года путешествовала по городам страны. В ночь премьеры вся труппа отправилась в «Сарди» отпраздновать успех.

Винсент Сарди, как всегда, стоял у дверей. Я подошел к нему и сказал:

– Теперь я могу вернуть долг, мистер Сарди.

Он улыбнулся:

– Вы уже вернули мне долг. Я видел сегодняшнее шоу.

Глава 15

Дороти Килгаллен, остроумная, брызжущая идеями женщина, работать с которой было одно удовольствие, сделала блестящую карьеру.

Известный репортер криминальной хроники, она сменила работу на карьеру влиятельного голливудского и бродвейского обозревателя, но позже вновь вернулась к журналистским расследованиям и помогла возобновить дело доктора Сэма Шепарда, преступления которого легли в основу известного телесериала «Беглец».

Пока Дороти и Бен работали над «Сном с музыкой», мы с Гаем закончили либретто «Джекпот». Винтон Фридли решил перед бродвейской премьерой отправить шоу в турне, оказавшееся прибыльным и долгим. Кроме Аллена Джонса и Нанетт Фабри, во втором составе играли Джерри Лестер и Бетти Гарнетт.

Четырнадцатого января 1944 года состоялась бродвейская премьера в театре «Олвин». Большинство критиков были к нам благосклонны.

«Геральд трибюн»: «„Джекпот“ поставлен в прекрасном танцевальном ритме. Эффектная постановка».

«Миррор»: «В „Джекпоте“ много приятных песен и звездный состав. Нанетт Фабри – просто восторг, Джерри Лестер и Бенни Бейкер – талантливые комедийные артисты».

«Нью-Йорк пост»: «Еще один хит фабрики Фридли».

На нашу с Беном долю опять выпал триумф. Мы снова отправились в «Сарди». Через месяц мне исполнялось двадцать семь лет, и настоящий успех был впереди.

С самого начала всем было очевидно, что «Сон с музыкой» пойдет на ура. В отличие от Винтона Фридли, Ричард Коллмар не жалел денег, чтобы создать одну из самых роскошных постановок, когда-либо шедших на Бродвее. Стюарт Чейни создал поразительные по сложности декорации, Майлз Уайт – изумительные костюмы той эпохи, танцы ставил Джордж Баланчин. Присутствовал даже ковер-самолет, на котором должен был появляться на сцене герой Роналда Грэма. Всю сцену окружала бегущая дорожка, а декорации включали багдадский дворец, базар и султанский зоопарк с танцующими животными.

Мы с Беном трудились в том же режиме. Я работал с Дороти днем в ее шикарном пентхаусе, а потом уезжал к себе в отель, где ко мне позже присоединялся Бен, в те вечера, когда мог улизнуть из Форт-Дикса.

Как-то вечером я уронил ручку, а когда нагнулся за ней, мой позвоночный диск снова сместился, и я упал на пол, корчась от боли. Бен вызвал «скорую». И следующие три дня я провел в больнице. Вовремя я туда попал, ничего не скажешь. И так работы по горло.

Когда я вышел из больницы, мы с удвоенной энергией принялись за либретто, и вскоре последние сцены были дописаны.

Дороти, Бен и я присутствовали на всех репетициях, по нашему мнению, просто потрясающих. На сцене клубился красочный вихрь, а сочетание многоцветных костюмов, изумительных декораций и поразительного исполнения Веры Зориной производило неотразимое впечатление.

Романтические сцены между Верой и Роналдом тоже казались убедительными. После генеральной репетиции Ричард Коллмар объявил, что спектакль готов.

На премьеру приехали Натали и Марти. Мы все сидели на забронированных местах. Театр быстро заполнялся. Заядлые театралы мгновенно узнают, когда ожидается очередная громкая премьера. Недаром по залу пролетал возбужденный шепоток. Мы с Беном переглядывались и улыбались. Три хита подряд!!!

Оркестр начал увертюру. По залу разлилась жизнерадостная мелодия Клея Уорника на стихи Эдварда Игера. Шоу началось. Мы все ощущали напряженное ожидание зрителей.

Стюарт Чейни велел пришить к театральному занавесу огромный розовый бант.

Занавес наполовину поднялся, когда этот самый бант, зацепившись за балку, с громким треском оторвался и упал в оркестровую яму. Публика ахнула. В ту минуту мы еще не знали, что это происшествие будет самым незначительным из всего того, что нас ждет.

«Сон с музыкой» состоял из двух актов и тринадцати сцен, и в начале первой дюжина афро-американских шоу-герл, обнаженных до пояса, весело вышагивали по бегущей дорожке. Но не прошло и пяти минут, как механизм дорожки стал набирать скорость, и девушки одна за другой повалились на пол. Зрители потрясенно молчали.

Но это были цветочки. Ягодки ожидали нас впереди. Вера Зорина, одна из балерин мирового класса, танцевавшая на репетициях без единого замечания, начала соло и, выполняя жете, [14] поскользнулась и распростерлась на сцене. В зале воцарилась атмосфера настоящего ужаса. Мы с Беном поглубже вжались в кресла. Но судьба еще не рассчиталась с нами.

Немного позже Вера Зорина и Роналд Грэм в роскошных восточных костюмах вышли в центр, чтобы начать любовную сцену под мягким лунным светом в окружении зеленого леса. В зал полетели нежные слова, написанные Дороти, Беном и мной. Пока все шло гладко, и публика затаила дыхание.

Внезапно свет в театре погас. И сцена, и зал погрузились во мрак. Зорина и Грэм нерешительно стояли, не зная, что делать. Попытались было продолжать диалог, потом смолкли.

В этот момент из-за кулис вышел кое-как одетый помощник режиссера с фонарем в руках. Он подбежал к любовникам и поднял фонарь над их головами. Контраст между звездами в роскошных костюмах и человечком в помятой рубашке с высоко поднятым фонарем оказался так нелеп, что в публике начались смешки. Актеры храбро пытались продолжать любовную сцену, но свет загорелся так же неожиданно, как и погас, и смешки превратились в громкий хохот.

Вряд ли в истории Бродвея была еще одна столь же провальная премьера. В тот вечер никто не пошел в «Сарди». Мы с Натали, Марти и Беном отправились в тихий ресторанчик, стоически ожидая рецензий.

Лишь немногие критики пытались проявить снисходительность.

«Какую пробку не выбило бы, если бы она сознавала ответственность, связанную с освещением „Сна с музыкой“!»

«Энергично и затейливо. Экстравагантно».

«В этом сезоне не было более красочной музыкальной комедии, чем „Сон с музыкой“…»

Но большинство критиков были настроены враждебно.

«Героиня выжила, но шоу умерло».

«Вполне достаточно, чтобы заставить любого нормального человека зарыдать от скуки».

«Мило, но ужасно скучно».

«Огромная, прекрасная, сверхдорогая тоска».

Просмотрев рецензии, Натали объявила:

– Весьма противоречиво!

Шоу продержалось четыре недели. Зато на нашем счету уже числились три бродвейские пьесы.

Вскоре после закрытия «Сна с музыкой» мне позвонил мужчина, говоривший с сильным венгерским акцентом:

– Я Ладислаус Бус-Фекети. Вас мне рекомендовал Джордж Хейли.

Хейли был голливудским сценаристом, с которым я познакомился давно.

– Чем могу быть полезен, мистер Бус-Фекети?

– Я хотел бы поговорить с вами. Давайте пообедаем вместе?

– Согласен.

Повесив трубку, я немедленно позвонил Хейли.

– Кто такой Ладислаус Бус-Фекети?

– Знаменитый в Европе венгерский драматург, – засмеялся он.

– Что ему нужно от меня?

– У него есть сюжет пьесы. Он пришел ко мне, но я занят, поэтому и вспомнил о тебе. Ему нужен кто-то, хорошо знающий английский. В любом случае ты ничего не теряешь.

Мы пообедали в моем отеле. Ладислаус Бус-Фекети оказался приветливым здоровяком, ростом около пяти футов четырех дюймов и весом не менее трехсот фунтов. С ним была миловидная полная брюнетка.

– Это моя жена Марика, – представил он.

Мы обменялись рукопожатиями и стали рассаживаться.

– Мы драматурги, – продолжал Бус-Фекети, – в Европе шло много наших пьес.

– Знаю. Я говорил с Джорджем Хейли.

– У нас появилась потрясающая идея, и мы были бы очень рады, если бы вы согласились над ней поработать.

– Какая идея? – осторожно спросил я.

– Речь идет о солдате, вернувшемся с войны в родной городок, где его ждет любимый человек. Беда в том, что на фронте он влюбился в кого-то другого.

Меня это не очень вдохновило.

– Простите, – начал я, – но не думаю…

– Вся соль в том, что солдат, вернувшийся в родной город, – женщина.

– Вот как? – мгновенно оживился я. – Это совсем другое дело.

– Ей придется выбирать между женихом и новой любовью.

– Вас это интересует? – перебила Марика.

– Очень. Но у меня есть соавтор.

– Не имею ничего против, – кивнул Бус-Фекети, – но тогда ваша доля вдвое уменьшается.

– Для меня это не важно, – отмахнулся я.

Вечером я позвонил Бену и рассказал о предложении венгра.

– Прости, но на этот раз тебе придется обойтись без меня, – вздохнул друг. – Начальство взбесилось из-за моих частых отлучек. Отныне я обречен прозябать в Форт-Диксе.

– Черт! Мне будет тебя недоставать.

– И мне тебя, старина! Удачи.

Лаци – как он попросил его называть, – Марика и я приступили к работе. Акцент Марики был не слишком сильным, но Лаци я понимал с трудом. Мы назвали пьесу «Звезда в окне».

Последний акт был закончен через четыре месяца, и мой агент показал пьесу продюсерской фирме «Хоут и Элкинс». Партнеры согласились ее поставить. Режиссером был назначен Джозеф Каллейа. Мы начали кастинг. Главную женскую роль поручили талантливой бродвейской актрисе Пегги Конклин. Мы пробовали на роль героя множество мужчин, но так и не нашли подходящего. Однажды агент прислал молодого актера.

– Не откажетесь прочитать несколько реплик? – спросил я.

– Конечно, нет.

Я протянул ему пять страниц сценария. Он и Пегги начали читать сцену, но уже через две минуты я их остановил:

– Большое спасибо, довольно.

Актер вызывающе выдвинул подбородок и пожал плечами.

– Так я и знал, – зло бросил он и, сунув мне текст, пошел со сцены.

– Погодите! – окликнул я. – Роль за вами.

– Ч-что? – растерялся он.

– Повторяю, роль ваша.

Он мгновенно поймал суть своего персонажа, и я понял, что никого лучше мы не найдем.

– Как вас зовут? – спросил я.

– Керк Дуглас.

Начались репетиции. Все шло хорошо, а Пегги Конклин и Керк Дуглас оказались прекрасными партнерами. Когда спектакль был готов, мы отправились в турне по городам. Первой остановкой был Вашингтон, и рецензии полностью оправдали наш оптимизм.

«„Звезда в окне“ сияет ярко».

«Пегги Конклин играет роль лейтенанта с воодушевлением и очень убедительно».

«Керк Дуглас изумителен в роли сержанта Стива, неизменно уверен в себе и не путает текст».

«Вчера вечером публика посчитала „Звезду в окне“ веселой и забавной и наградила пьесу аплодисментами, не давая опустить занавес».

Я был в восторге. После провала «Сна с музыкой» неплохо бы иметь в арсенале еще один бродвейский хит.

Перед премьерой на Бродвее продюсеры решили изменить название пьесы на «Элис сражается».

Премьера состоялась 31 января 1945 года. Зрители

восторженно аплодировали. Когда занавес опустился, все мы отправились в «Сарди» отпраздновать событие и ждать рецензий.

Первой высказалась «Нью-Йорк таймс»: «Настоящее бедствие в театре. Диалоги кажутся искусственными, просто удивительно, как у актеров ворочаются языки».

«Дейли ньюс»: «Ошибка».

«Геральд трибюн»: «Избито».

«ПМ»: «Безлико и пошло».

Следующие три дня я не выходил из номера и отказывался брать трубку. И не мог думать ни о чем, кроме уничтожающих рецензий: «искусственные диалоги… ошибка… избито…»

Критики были правы. Я недостаточно талантлив, чтобы писать для Бродвея. Все мои успехи – результат слепой удачи.

Но что бы там ни ждало впереди, я сознавал: нельзя провести остаток жизни в номере отеля, оплакивая свою судьбу. Поэтому и решил вернуться в Голливуд. Придумаю что-то оригинальное, постараюсь продать и напишу сценарий.

Беда в том, что у меня не было идей. Если в прошлом мне все давалось легко, то теперь я был слишком расстроен, чтобы сосредоточиться. Раньше я никогда не вымучивал сюжет, но теперь отчаянно пытался вернуть вдохновение.

С самого утра я выдвинул стул в центр комнаты и уселся, взяв толстый желтый блокнот и ручку, с твердым намерением не вставать с места, пока меня не осенит.

Я отбрасывал сюжет за сюжетом и наконец придумал кое-что, показавшееся мне достойным. После чего напечатал тридцатистраничный синопсис и назвал его «Весна приходит внезапно».

Я был готов покорить Голливуд.

По пути в Лос-Анджелес я остановился в Чикаго повидать Натали и Марти. Мать встретила меня поцелуем.

– Мой писатель приехал!

Я не рассказал ей о рецензиях на «Элис», но она каким-то образом уже все знала. И сразу указала на главную причину неудачи:

– Не стоило менять название!

Следующие несколько дней я провел в Чикаго. Навещал теток Фрэн, Эмму и Полин, приехавших из Денвера. Как чудесно было вновь повидать родных, убедиться, что они гордятся мной! Можно подумать, что «Сон с музыкой» и «Элис сражается» – величайшие хиты в истории Бродвея.

Наконец я распрощался с семьей и сел в самолет, державший курс на Голливуд.

Казалось, я отсутствовал целую вечность, хотя прошло лишь два года. Столько всего произошло за это время! Я научился летать и был демобилизован. Написал два бродвейских хита и две провальные пьесы.

Война еще бушевала, с жильем было плохо, но мне повезло. Одна из актрис, игравших в «Джекпоте», имела маленькую квартирку на Беверли-Хиллз, которую и согласилась сдать мне. Квартира была на Палм-драйв, и когда я добрался туда и вставил ключ в скважину, дверь открылась. На пороге стоял молодой, энергичный мужчина.

– Привет! – воскликнул он, глядя на ключ в моей руке.

– Привет.

– Чем могу помочь?

– Кто вы?

– Меня зовут Билл Орр.

– Сидни Шелдон.

– Вот как! Хелен говорила, что вы приедете, – улыбнулся он, распахивая дверь шире.

Я вошел и оказался в хорошо обставленной квартирке со спальней, маленькой гостиной, кабинетом и кухонькой.

– Не хотелось бы выгонять вас, – начал я, – но…

– Не волнуйтесь, я все равно собирался съезжать.

Причину я узнал, прочитав на следующий день «Лос-Анджелес таймс». Билл Орр собирался жениться на дочери Джека Уорнера. Позднее он стал главой «Уорнер телевижн».

Устроившись в новой квартире, я сразу отправился в пансион Грейси. Там ничего не изменилось, кроме жильцов. Комнаты занимали новые будущие гении и звезды, режиссеры и операторы, все до одного ожидавшие Заветного Звонка. Зато Грейси была все такой же: матерью-хлопотуньей, заботившейся обо всех своих птенцах, раздававшей направо и налево добрые советы, сострадавшей тем, кто сдался и навсегда покидал землю обетованную.

Я получил сердечный поцелуй и приветственную фразу:

– Слышала, ты теперь знаменит.

Лично мне было неясно, знаменит я или опозорен.

– Я работаю изо всех сил.

Мы долго говорили о прежних временах, и наконец я распрощался. У меня была назначена встреча с агентом.

Я договорился с агентством «Уильям Моррис», одним из самых крупных в Голливуде. Моим агентом стал Сэм Вайсборд, живой, динамичный коротышка с постоянным загаром, который, как я позднее узнал, время от времени обновлялся на Гавайях.

Сэмми начинал курьером в агентстве и постепенно, с годами, поднялся до президента.

Он представил меня другим агентам и Джонни Хайду, тогдашнему вице-президенту агентства.

– Я слышал о вас, – кивнул Хайд. – Вместе мы сотворим немало интересного.

В этот момент вошла секретарша, прелестная молодая особа, высокая и стройная, с умными серыми глазами и приветливой улыбкой.

– Это Дона Холлоуэй.

Дона протянула мне руку:

– Здравствуйте, мистер Шелдон. Я рада, что вы теперь с нами.

Похоже, в этом агентстве мне будет хорошо.

– Я написал синопсис сценария и принес его с собой.

– Прекрасно! – обрадовался Сэмми. – Как насчет того, чтобы сразу же приступить к работе?

– Согласен.

– Один из наших клиентов, Эдди Кантор, заключил с «РКО» контракт на картину. Беда в том, что у него нет сценария, который бы одобрила студия. Срок, указанный в контракте, заканчивается через три месяца, и, если к этому времени мы не представим сценария, придется платить неустойку. Он наверняка захочет, чтобы вы написали этот сценарий. Тысяча долларов в неделю.

А ведь я пробыл в Голливуде всего один день!

– Прекрасно!

– Он просит приехать сейчас же.

Я и понятия не имел, во что ввязался.

Глава 16

Эдди Кантор был звездой полдюжины фильмов и считался (что, на мой взгляд, было весьма спорно) одним из самых популярных комиков страны. Он появлялся и на Бродвее в постановках Флоренца Зигфелда. А «Вот это да!» и «Римские скандалы» принесли ему славу в кино. Теперь Кантор вел радиошоу, пользовавшееся огромным успехом.

Я приехал в его большой, роскошный дом на Роксбери в Беверли-Хиллз.

Эдди, смешной, энергичный коротышка, находился в постоянном движении. Даже разговаривая, он расхаживал по комнате. У меня было такое чувство, что, сидя за обедом, он в любой момент мог сорваться с места.

– Не знаю, что вам объяснили, Сидни, но ситуация такова: «РКО» отвергла три сценария, написанных моими мальчиками.

«Мальчиками» были радиосценаристы, работавшие с ним.

– Время на исходе. Мне нужен сценарий, который одобрит студия, иначе всему конец. Ну как? Сможете представить блокбастер?

– Попытаюсь.

– Рад слышать. Придется пахать днями и ночами, чтобы закончить сценарий вовремя. Но когда завершите первый вариант и студия его одобрит, можно будет не спешить. Отделывайте диалоги, обрабатывайте сцены, сжимайте или, наоборот, развивайте реплики – словом, делайте что хотите.

– Что ж, все понятно, – кивнул я.

– Но помните, мы поставлены в жесткие рамки. Придется трудиться восемь дней в неделю.

Я вспомнил о моральном давлении, которому подвергался во время работы над бродвейскими шоу.

– Ничего, я привык.

Тут зазвенел телефон, и он поднял трубку:

– Говорит Эдди Кантор.

Ни до того, ни после я не слышал, чтобы человек произносил собственное имя с такой гордостью.

Мы приступили к работе. Обсудили придуманный мной сюжет, стараясь приспособить его к игре Эдди и Джоан Дэвис. Кантору идея понравилась, и я начал писать. Как правило, я работал в его доме с раннего утра до семи часов вечера, включая субботы и воскресенья.

Зато вечера принадлежали мне, и я мог немного отдохнуть. В

то время я познакомился с очень привлекательной девушкой, которой явно понравился, и мы стали часто ужинать вместе. Но к сожалению, она могла видеться со мной только через вечер.

– Я встречаюсь с другим мужчиной, Сидни. Вы оба очень мне нравитесь, но нужно принять решение.

– Кто же этот человек?

– Хосе Итурби. Он хочет жениться на мне.

Хосе Итурби был всемирно известным пианистом и режиссером, который давал концерты по всему свету и снимался в мюзиклах, поставленных «МГМ», «Парамаунт» и «Фокс». Разве мог я соперничать со звездой такой величины?

– Хосе сказал, что ты – как кока-кола, – продолжала она.

– Ч-что? – растерянно спросил я.

– Кока-кола. То есть таких, как ты, миллионы, а он – один на свете.

Больше мы не встречались.

* * *

За три дня до окончания контракта Кантора с «РКО» я представил свой сценарий. Сэмми Вайсборд послал его в «РКО», и на следующий день он был одобрен. Теперь у меня было время отделать каждую сцену, как мне хотелось. Больше меня никакие рамки не ограничивали.

Но Сэмми позвонил мне и сказал, что меня сняли с картины.

Я не поверил собственным ушам:

– Это, должно быть, шутка?

– Кантор привел своих мальчиков, чтобы закончить обработку.

Я подумал о том, сколько дней и ночей потратил на сценарий. О тех обещаниях, которые давал Кантор: «Когда завершите первый вариант и студия его одобрит, можно будет не спешить. Отделывайте диалоги, обрабатывайте сцены… словом, делайте что хотите».

Добро пожаловать в Голливуд.

Второго сентября 1945 года Япония официально капитулировала. Ричард возвращался домой. Мне не терпелось его увидеть.

В сочельник корабль Ричарда наконец пришвартовался в гавани Сан-Франциско. В его первую ночь в Лос-Анджелесе мы пошли ужинать. Брат похудел, загорел и накачал мускулы.

Мне очень хотелось узнать о том, что с ним было за эти годы.

Ричард воевал в Новой Гвинее, был на острове Моротай, на реке Лейте, острове Лусоне…

– Как это было?

Брат долго смотрел на меня, прежде чем ответить:

– Давай больше не будем об этом говорить.

– Согласен. Но что ты теперь будешь делать?

– Марти Либ предложил мне работу. Я согласился. Буду больше времени проводить с мамой.

Я очень обрадовался за брата. Он наверняка поладит с Марти.

* * *

На следующий день позвонил Сэм Вайсборд:

– У тебя два предложения на «Весна приходит внезапно».

– Здорово! – оживился я. – От кого?

– Одно – от Уолтера Уонгера.

Уонгер поставил много известных картин, включая фильмы «Дилижанс», «Зарубежный корреспондент» и «Долгая дорога домой».

– А другое?

– От Дэвида Селзника.

У меня замерло сердце.

– От Дэвида Селзника?!

– Ему понравился твой синопсис. Сопродюсером будет Дор Шари. Уонгер предлагает сорок тысяч долларов, Селзник – тридцать пять, но в любом случае придется писать сценарий.

Деньги на сей раз меня не слишком интересовали. Сама мысль о работе с Селзником вызывала восторг. Кроме того, разве не благодаря ему я попал в мир кино и шоу-бизнес?

– Принимай предложение Селзника.

Утром я встретился с Селзником и Шари. Селзник, высокий и представительный, сидел за гигантским письменным столом в роскошном, прекрасно обставленном кабинете. Дор Шари, темноволосый, стройный, с умным лицом, пожал мне руку.

– Садитесь, Шелдон, – предложил Селзник. – Рад познакомиться.

А я думал, что, может быть, мистер Селзник…

Нет. Мистер Селзник – занятой человек.

– Мне понравился ваш синопсис. Превосходная история. Надеюсь, сценарий окажется таким же хорошим.

– Я в этом уверен, – вставил Дор.

Селзник поднял глаза:

– Я слышал, у вас было еще одно предложение, от Уонгера. Но я рад, что вы приняли мое. Мы с вашим агентом уже поговорили. Студия заплатит вам тридцать пять тысяч – за идею и сценарий.

А ведь когда-то его секретарь протянула мне конверт с десятью долларами…

Этим же утром я приступил к работе. Мне дали кабинет на «РКО», где собирались снимать «Весна приходит внезапно». «РКО» была крупной студией. В тот момент они снимали «Жизнь прекрасна», «Дочь фермера» и «Дик Трейси». В кафе я встречал Джеймса Стюарта, Роберта Митчема и Лоретту Янг, и, поскольку часто видел их в кино, они казались мне старыми друзьями. Но у меня не хватило смелости заговорить с кем-то из них.

Я увлеченно писал сценарий. Речь шла о плейбое, молодой девушке и ее сестре, судье. В роли героя мне виделся Кэри Грант, но он всегда был так занят, что вряд ли согласился бы играть в этом фильме.

Мне казалось, дела идут хорошо. Зная манеру Селзника постоянно менять сценаристов, я был польщен, что он не пытался убрать и меня. Но в один прекрасный день наткнулся на записку Селзника: «Дор, почему бы нам не уволить Шелдона и не взять другого сценариста?»

К чести Шари, он никогда не упомянул об этом и, очевидно, сумел обойти требование Селзника.

Мое настроение по-прежнему было крайне неустойчивым. Я то и дело переходил от периодов душевного подъема к полной депрессии. Как-то вечером в ресторане «Браун дерби» я увидел приятеля, сидевшего с дамой. Он приветственно помахал мне:

– Сидни, познакомься с Джейн Хардинг!

Джейн приехала из Нью-Йорка. Она оказалась веселой, умной, живой и полной оптимизма девушкой. Я мгновенно ею увлекся. Мы начали встречаться и через два месяца поженились.

Времени на свадебное путешествие не было. Съемки должны были вот-вот начаться, и Дор требовал срочно внести все поправки.

К сожалению, уже через три недели мы поняли, что ошиблись. Наши интересы и характеры были совершенно разными. Следующие девять месяцев мы тщетно пытались спасти брак, а когда поняли, что это невозможно, согласились на развод. Боль была ошеломляющей. В тот день, когда мы развелись, я впервые в жизни напился.

Но если дома все было плохо, на студии дела шли лучше

некуда. Я закончил последний вариант сценария, и Селзник объявил, что послал его Кэри Гранту.

– Неужели? И что он сказал? – нерешительно поинтересовался я.

Селзник выдержал поистине драматическую паузу.

– Грант без ума от вашего сценария. Он согласился сниматься.

– Фантастика! – не сдержал я восторга.

– Кроме того, мы заключили контракты с Ширли Темпл и Мирной Лой.

Я счел актерский состав идеальным.

– Режиссер – Ирвин Райс, – продолжал Селзник. – А Кэри Грант хочет с вами познакомиться.

Грант был гениальным комиком, и каждый комедиограф пытался заманить его сниматься к себе. Другого такого актера не было. Если вы не смогли заполучить Кэри, фильм сразу проигрывал в глазах публики.

Мне он понравился с первого взгляда. Неправдоподобно красивый, Грант был наделен еще и недюжинным интеллектом. В отличие от многих звезд, с которыми я потом работал, в Кэри не было ни малейшего тщеславия.

Кэри Грант, урожденный Арчибальд Александр Лич, появился на свет в небогатой семье в английском городке Бристоль. Начинал он в цирке, на Кони-Айленде, акробатом на ходулях, а потом играл эпизодические роли в водевилях.

Когда Арчи Личу исполнилось девять, мать попала в психиатрическую больницу. Родные сказали мальчику, что мать поехала отдыхать на морской курорт. Он встретился с матерью, когда ему было почти тридцать лет.

Кэри Грант был настоящей легендой кино: утонченный, талантливый, обходительный, неизменно любезный.

– Все хотят быть Кэри Грантом, – сказал он однажды, – даже я.

Тогда же я впервые встретился с Ширли Темпл, прелестной восемнадцатилетней девушкой. В детстве она была величайшей звездой мира кино, ее картины собирали миллионы зрителей и приносили баснословные прибыли. Но несмотря на славу, она выросла нормальной, привлекательной молодой женщиной.

Вторую женскую роль исполняла Мирна Лой, опытная актриса. Мирна играла главную роль в сериале «Тонкий человек», фильмах «Лучшие годы нашей жизни», «Эрроусмит» и многих других.

Я восторгался актерским составом. Мы были почти готовы снимать кино.

За неделю до начала съемок мы с Кэри обедали в студийном кафе.

– У нас проблемы с мужской ролью второго плана, – заметил он. – Перебрали с дюжину актеров, но никто не подходит. Знаете, кто был бы идеален для этой роли?

– Кто? – с любопытством спросил я.

– Вы. Не хотите попробовать со мной?

Я изумленно уставился на него. Хочу ли я быть актером? Никогда об этом не думал. Но почему нет? Я мог бы стать не только сценаристом, но и кинозвездой! Удалось же это Ноэлю Коуарду[15] и кое-кому еще!

– Ну, что скажете, Шелдон?

– Согласен.

Я знал, что играть очень просто. Написав синопсис, сценарий и пробную сцену, я, естественно, знал каждое слово. Оставалось только вовремя произнести нужные реплики. На такое способен каждый.

Кэри поднялся и позвонил Шари.

После обеда мы отправились на съемочную площадку. Сцена была несложной: всего десяток реплик.

Глядя на Кэри, я гадал, что буду испытывать, став звездой. Ясно, что играть вместе с Грантом в одном фильме – большая честь и отныне моя жизнь необратимо изменится. Я буду получать предложения сыграть главную роль в десятках фильмов и вскоре обрету всемирную славу. Теперь можно забыть о личной жизни. Моя судьба будет неразрывно связана со зрителями. Но я готов принести эту жертву.

Мы встали друг против друга.

– Мотор! – крикнул Ирвин Райс. – Начали!

На площадке стало тихо. Все смотрели на нас. Кэри произнес первую реплику. Я долго-долго молча смотрел на него, прежде чем поднять глаза, обвести взглядом, как мне казалось, миллионы людей, следивших за мной с подвесных лесов. Неожиданно я будто снова оказался в школе, где ставили мою пьесу. И снова стоял за кулисами, истерически смеясь.

Все повторилось. Я вдруг запаниковал и, так и не сказав ни слова, повернулся и сбежал с площадки.

На этом моя карьера актера закончилась.

А раз бремя славы больше не отягощало меня, я мог вернуться к работе над сценарием.

Вместо меня на роль взяли Руди Волли, и съемки начались. Все вроде бы были довольны тем, как идут дела.

Однажды Селзник вызвал меня к себе:

– Сидни, я хочу, чтобы вы кое-что для меня сделали.

– Разумеется, Дэвид.

– Речь идет о Неделе национального братства. Каждый год одна из студий снимает короткометражку о примирении людей, принадлежащих к разным конфессиям.

Я об этом знал. Когда фильм заканчивался, в кинотеатрах зажигался свет, и по проходам шли капельдинеры, собирая деньги на благотворительные цели.

– В этом году наша очередь. Я хочу, чтобы вы написали сценарий.

– Без проблем.

– Заявки на участие подали десятки звезд. Вы должны написать текст не менее чем по две минуты для каждого.

– Я немедленно приступаю к работе.

Наутро я принес двухстраничный сценарий, написанный для Вэна Джонсона, которого должны были снимать первым. Селзник прочитал текст.

– Прекрасно. Отнесите это Вэну. Он сейчас в бунгало позади студии.

Я понес сценарий Вэну. Увидев меня, он открыл дверь бунгало, и я представился. В то время Вэн был одной из величайших звезд «МГМ».

– Вот ваш сценарий, – пояснил я. – Мы готовы начать съемку, как только скажете.

– Спасибо, – кивнул он. – Представляете, прошлой ночью мучился кошмарами.

– Какими именно?

– Видел во сне, что выучил роль, но мне постоянно меняли реплики, и я запаниковал. Хорошо еще, что вовремя проснулся.

– Не волнуйтесь, – засмеялся я, – никто ничего не будет менять.

Он улыбнулся и просмотрел текст.

– Буду готов через несколько минут.

Я вернулся в офис Селзника.

– Все в порядке.

– У меня идея, – вдруг заявил Селзник. – Я хочу, чтобы вы изменили текст Вэна.

– Дэвид, я только что от него. Он нервничает. Видел во сне, как его текст постоянно изменяют, и проснулся с криком.

– Черт с ним. Здесь то, что мне надо.

И он вручил мне новые указания. Я вернулся к себе, переписал текст и показал Селзнику.

– Именно то, что я хотел, – подтвердил он.

Я поспешил в бунгало. Джонсон открыл дверь.

– Я готов.

– Видите ли, кое-что пришлось изменить. Мистер Селзник считает, что так будет лучше.

Я подал Вэну новый текст. Джонсон побледнел.

– Сидни, я не шутил насчет сна. Мне действительно…

– Вэн, это только две страницы. Для вас это раз плюнуть.

– Ладно, – тяжело вздохнул он.

Я заглянул в офис Селзника.

– У меня новая идея, – «обрадовал» он меня. – Будет лучше, если Вэна мы снимем под таким углом…

Я пришел в ужас.

– Дэвид, он в панике. Нельзя же без конца изменять его текст!

– Он ведь актер, верно? Пусть и учит свою роль.

Селзник объяснил, чего хочет. Я вернулся к себе и переписал сцену.

Самым сложным было снова предстать перед Джонсоном.

Я побрел в его бунгало. Он хотел что-то сказать, но взглянул на меня и осекся.

– Не хотите же вы?..

– Вэн, какая вам разница? Подумаешь, пара страниц туда, пара страниц сюда… В последний раз.

– Черт бы все это побрал! Что вы со мной творите?!

Мне с трудом удалось его успокоить.

– Учите роль и приходите на площадку, – велел я наконец.

На этот раз я не вернулся к Селзнику. Съемки прошли безупречно.

На следующий день позвонил Ричард:

– Сидни, это ты?

До чего же здорово снова услышать его голос!

– Как дела, Ричард?

– Неплохо, но теперь придется работать за двоих. Я женюсь.

– Да ну! Вот это новость! Я ее знаю?

– Да. Джоан Стернз.

Джоан и Ричард вместе учились в школе.

– Когда свадьба?

– Через три недели.

– Черт! Мне нужно уехать из страны! Снимать короткометражку для Недели национального братства.

– Встретимся, когда ты вернешься. Мы обязательно приедем тебя повидать.

Верный слову Ричард и его прелестная жена прилетели в Лос-Анджелес через месяц. С первого взгляда было очевидно, что они

влюблены друг в друга. Мы провели вместе чудесную неделю, прежде чем они вернулись в Чикаго.

На следующее утро после их отъезда моя секретарша сказала, что меня вызывает к себе Селзник.

– Сидни, – объявил он вместо приветствия, – у меня для вас новость.

– Какая именно, сэр?

– Я решил изменить название картины. Никакой весны.

– А что вместо весны?

– «Холостяк и малолетка».

Я уставился на него в полной уверенности, что он шутит. Но Селзник был совершенно серьезен.

– Дэвид, никто не будет платить деньги, чтобы увидеть картину с подобным названием, – попытался протестовать я.

К счастью, оказалось, что я ошибался.

Глава 17

«Холостяк и малолетка» впервые появился в «Рэдио-сити мюзик-холл», самом большом в мире кинотеатре на шесть тысяч мест, шел там семь недель и оказался наиболее успешным фильмом в истории этого кинотеатра. В Англии по кассовым сборам он занял второе место после «Унесенных ветром».

Рецензии тоже радовали.

«Ни в коем случае не пропустите „Холостяка и малолетку“…»

«Одна из лучших комедий года»…

«Счастливое сочетание веселья, оригинальности и душевности»…

«Первоклассная комедия. Вы будете смеяться до слез»…

«Сидни Шелдон создал изысканное киноблюдо»…

Актеров превозносили. Режиссера превозносили. Критики были единодушны. Картину наградили премией «Лучший кассовый фильм года» и номинировали на «Оскара». Я понял, что теперь меня никто не остановит. Карьеры в Голливуде были подобны лифтам, идущим вверх и вниз, и фокус заключался в том, чтобы не выпрыгнуть из лифта, когда он внизу. Но сейчас мой лифт определенно поднимался. Я был на вершине мира.

Я написал синопсис сценария о распадавшемся браке, названный «Орхидеи для Вирджинии», и Эдди Дмитрику, одному из режиссеров «РКО», он понравился.

– Я попрошу студию купить синопсис для меня и хочу, чтобы вы написали сценарий. Даю тридцать пять тысяч долларов, – пообещал он.

– Договорились, – кивнул я, весьма довольный. Деньги были очень нужны.

Через неделю Дора Шари назначили исполнительным продюсером и главой производственного отдела «РКО». Он вызвал меня к себе, и я понял, что сейчас меня поздравят с удачным синопсисом. Нужно спросить у него, когда приступать к работе над сценарием.

– Эдди Дмитрик хочет ставить ваш сценарий, – начал Дор.

– Да, – улыбнулся я. – Очень рад.

– Но я не позволю студии его купить.

Я не сразу понял, о чем идет речь.

– Как? Почему?

– Я не собираюсь ставить картину о человеке, который изменяет жене и замышляет ее убить.

– Но, Дор…

– Это все. Заберите синопсис.

Я был буквально раздавлен. Теперь придется заняться чем-то другим.

Мне в голову не приходило, что отказ Дора навсегда изменит мою жизнь.

Мне позвонил мой агент Сэмми Вайсборд:

– Я только что заключил для вас контракт с «МГМ» с двухнедельным испытательным сроком. Они просят написать сценарий «Гордости и предубеждения».

Я читал книгу много лет назад и помнил только, что ее написала Джейн Остен, английская писательница предвикторианской эпохи, и что речь идет о пяти дочерях священника, которым просто необходимо выйти замуж.

Идея работы с «МГМ» была поистине захватывающей. Она считалась своего рода «Тиффани» среди голливудских студий. В списке фильмов, снятых ее режиссерами, были «Унесенные ветром», «Встретимся в Сент-Луисе», «Волшебник из страны Оз», «Филадельфийская история», «Великий Зигфелд» и десятки других.

Мне было двадцать девять лет, когда я впервые появился на территории «МГМ» и был потрясен. «МГМ» оказалась практически отдельным городом, с собственной электроподстанцией, подачей воды и службой доставки продуктов. Здесь можно было получить все, что угодно.

Эта студия, как и остальные шесть самых крупных, выпускала в среднем один фильм в неделю. По контракту с «МГМ» работали сто пятьдесят сценаристов, в числе которых были знаменитые писатели и драматурги.

В мой первый день на студии я обедал в гигантской столовой, где меня пригласили за столик сценаристов. Там собралось с дюжину человек. Все были очень приветливы и надавали мне кучу советов.

– Не волнуйтесь, если какие-то ваши сценарии не будут сниматься. Золотое правило успеха гласит: если каждые три года по вашему сценарию снимают фильм, значит, у вас все в порядке…

– Попытайтесь заполучить на свою картину Артура Фрида. Он лучший здешний продюсер…

– Когда контракт будет заканчиваться, постарайтесь встретиться с руководством, чтобы вовремя его продлить…

Я не объяснил, что мой контракт ограничивается двухнедельным испытательным сроком…

Мне выделили крошечный кабинетик и секретаршу.

– Мы собираемся писать сценарий «Гордости и предубеждения», – сообщил ей я. – Не могли бы вы раздобыть мне роман? Я бы хотел прочитать его еще раз.

– Конечно, сэр, – кивнула она и, набрав номер, произнесла: – Мистер Шелдон просит экземпляр «Гордости и предубеждения».

Через три минуты книга была у меня.

Таким оказалось мое первое знакомство со студийной системой. В каждой студии была библиотека, научный отдел, отделы кастинга, декораций, кинематографический и экономический. Стоило вам чего-то попросить, и все появлялось как по волшебству.

Утром ко мне заглянул Сэмми Вайсборд.

– Ну как дела? – спросил он.

– Я еще только начал.

– Тебя хочет видеть Артур Фрид.

– Это еще зачем? – удивился я.

– Позволь сказать прямо: он тебя ждет.

Я немало слышал об Артуре Фриде. Он начал страховым агентом и стал успешным песенником. В его активе были такие песни, как «Бродвейская мелодия», «Доброе утро», «Воскресным днем» и «Поющие под дождем».

Потом он подружился с Луисом Б. Мейером, который назначил его продюсером.

Про Фрида говорили, что он первым узнает новости. Один из сценаристов рассказал мне такой анекдот.

Друг пригласил Фрида на премьеру пьесы.

«Я уже ее видел», – сообщил тот.

В другой раз его пригласили на премьеру фильма.

«Я его видел», – ответил он.

Тогда его спросили, не хочет ли он посмотреть бейсбольный матч.

«Я его видел», – заверил Фрид.

Мы с Сэмми поднялись на третий этаж, где находился кабинет Фрида. Артур Фрид, коренастый мужчина с редкими седыми волосами, сидел в огромном помещении за письменным столом.

– Садитесь, Шелдон.

Я сел.

– У меня проблема. На моем столе сценарий, который я никак не могу пристроить. От него все отказываются. Это мюзикл, неплохо написанный, но сюжет чересчур тяжел. Ему следует придать легкость. Справитесь?

– Видите ли, я работаю над «Гордостью и предубеждением», но…

– Уже нет. Вы работаете над этим.

– А как называется сценарий?

– «Пасхальный парад». Будете сотрудничать с Ирвингом Берлином.

Это была волшебная минута. Всего третий день на студии, и я уже партнер легендарного Ирвинга Берлина!

– С удовольствием, – кивнул я.

– Главные роли должны играть Джуди Гарланд и Джин Келли.

– Вот как? – спросил я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал небрежно.

– Фильм следует запустить в производство как можно быстрее.

– Да, сэр.

– Просмотрите сценарий и подумайте, что можно с ним сделать. Завтра утром встречаетесь с Ирвингом у меня.

Я буквально выпорхнул из офиса Фрида. Вайсборд увидел мое лицо и улыбнулся:

– Если справишься, ты всю жизнь будешь в шоколаде.

– Знаю, – просияв, согласился я.

Лифт определенно продолжал подниматься.

Первоначальный вариант сценария «Пасхального парада» был написан супружеской парой Альбертом Хаккеттом и Фрэнсис Гудрич, блестящими драматургами, позднее написавшими знаменитую бродвейскую пьесу «Дневник Анны Франк».

Но Фрид оказался прав. Сценарию не хватало юмора и легкости. История, написанная Хаккеттом, была чересчур серьезной для мюзикла. Я принялся обдумывать новую сюжетную линию.

Утром меня снова позвали к Фриду. У него уже сидел коротышка с ангельским лицом и блестящими пытливыми глазами.

– Это Ирвинг Берлин.

Сам Берлин во плоти! Гений, написавший «Александерс рэгтайм-бэнд», «Боже, благослови Америку», мюзикл «Цилиндр» и еще десятки хитов. Однажды кто-то спросил Джерома Керна,[16] какое место занимает Берлин в американской музыке.

– Ирвинг Берлин и есть американская музыка, – просто ответил Керн.

– Я Сидни Шелдон, – пробормотал я, стараясь скрыть потрясение.

Мистер Берлин протянул руку:

– Рад познакомиться. Как я понял, мы будем работать вместе, – сказал он чересчур высоким для мужчины голосом.

– Да, сэр.

Я не упомянул о своей нью-йоркской истории, когда едва не сместил его с трона лучшего песенника в стране. Что ни говори, а мы будем работать вместе, и я не хотел, чтобы он переживал.

Когда мы начинали работать над «Пасхальным парадом», шестидесятилетний Ирвинг Берлин сохранял энтузиазм подростка.

Израиль Бейлин – таково настоящее имя Берлина – родился в России и в пять лет оказался в США. Он начал карьеру поющим официантом в одном из нью-йоркских кафе Чайна-тауна. Берлин так и не научился играть на обычном пианино и пользовался только черными клавишами. Зато у него был инструмент, который менял клавиши с помощью рычага.

Мы принялись обсуждать повороты сюжета, но Фрид, как ни странно, вовсе не интересовался разговором. Только позже я узнал причину.

– Мистер Берлин, я хочу сказать… – начал я.

– Ирвинг, пожалуйста, – перебил он.

– Спасибо. Я хочу сказать, что счастлив работать с вами.

– Мы прекрасно проведем время, – улыбнулся он.

Работа шла быстро. Я помнил слова Сэма Вайсборда. Если справлюсь, мое будущее будет обеспечено – жизнь «в шоколаде» гарантирована.

Несколько раз в неделю Берлин врывался в мой офис.

– Скажите, что вы об этом думаете? – взволнованно спрашивал он и начинал петь своим пронзительным голосом только что написанную песню. Беда в том, что петь он совершенно не умел, и я не мог разобрать ни одной мелодии. Играть он тоже не умел. У него был только его гений.

Каждый день я обедал в столовой с остальными сценаристами, и кто-то из них обязательно приглашал посетить съемочную площадку его фильма. В то время снимались «Лучшие годы нашей жизни» с Мирной Лой и Фредриком Марчем и «Тайная жизнь Уолтера Митти» с Дэнни Кеем и Вирджинией Мэйо.

Я приходил на площадку и видел, как всего в нескольких футах от меня играют звезды. Те самые, фильмы с которыми я смотрел из заднего ряда кинотеатра «Джефферсон», когда работал билетером. Теперь же я каждый день сталкивался с величайшими звездами Голливуда и не мог поверить своему счастью.

Я уже заканчивал сценарий «Пасхального парада», когда в кабинет вошел Сэмми Вайсборд:

– Хорошие новости, Сидни. Мне позвонили из «МГМ». С тобой хотят начать переговоры о долгосрочном контракте.

– Потрясающе! – воскликнул я. Это было мечтой каждого голливудского сценариста.

– Мы не уточнили все детали. Еще многое нужно обсудить, – улыбнулся он. – Но не беспокойся. Все уладится.

Я был на седьмом небе. Все идет как надо!

Готовый сценарий я принес Артуру Фриду и стал ждать ответа. Молчание. Я решил, что ему не понравилась моя работа.

Прошел еще день. Я перечитал сценарий.

Мне показалось, что нью-йоркский критик прав: я совершенно лишен таланта! Диалоги настолько неудачные, что актеры с трудом будут выговаривать слова…

Неудивительно, что Артур Фрид не желал со мной разговаривать.

Ровно через неделю позвонила секретарша Фрида:

– Мистер Фрид просит вас быть в его офисе завтра в десять. У вас назначена встреча с Джуди Гарланд и Джином Келли.

Я мгновенно впал в панику. Как взглянуть им в глаза? Они поймут, что я не профессионал, а любитель, как раньше понял Артур. Все отвергнут мой сценарий! Я не должен идти на эту встречу.

У меня начался приступ дежа-вю. Макс Рич, говоривший: «Встретимся в моем офисе завтра в десять»… Ирвин Райс, произносивший: «Мотор. Начали»… И мое бегство с кинопроб с Кэри Грантом… Значит, придется бежать еще раз.

Этой ночью я почти не спал. В ушах звучал голос Фрида, оравшего на меня из-за жуткого сценария, который полностью доказал мою бездарность.

К утру я принял решение: пойду на встречу, но буду молчать. Выслушаю их уничтожающую критику, а потом уволюсь.

Все утро я складывал вещи, готовясь уйти со студии навсегда.

Ровно в десять я вошел в офис Фрида. Тот, по обыкновению, сидел за письменным столом.

– Интересный сценарий, – сказал он вместо приветствия.

И что это значит? Новый способ вежливо сообщить, что я уволен? Почему бы сразу не высказать все, что он думает?

В этот момент появилась Джуди Гарланд. Сколько раз я видел ее на экране! Она была Бетси Бут, подружкой героя Микки Руни, в сериале об Энди Харди. Она была Дороти в «Волшебнике из страны Оз». Она была Бетси Смит в фильме «Встретимся в Сент-Луисе».

Джуди Гарланд, настоящее имя которой было Фрэнсис Гамм, работала в «МГМ» с пятнадцати лет. Первый же фильм,

«Волшебник из страны Оз», сделал ее звездой. Она стала настолько известной, что студия назначала ее на одну роль за другой, не давая возможности отдохнуть. За девять лет Джуди снялась в девятнадцати фильмах.

Пытаясь поддержать силы, она начала принимать барбитураты и попала в зависимость от них. Стимулирующие препараты днем, снотворное по ночам… Она пыталась покончить с собой и, как я позже узнал, только что выписалась из клиники Меннингера.

– Здравствуйте, Сидни, – кивнула она. – Мне понравился ваш сценарий.

Я был настолько ошеломлен, что не сразу нашелся с ответом, а потом расплылся в идиотской улыбке:

– Спасибо.

– Очень хорош, правда? – спросил Фрид.

Дверь открылась, и вошел Джин Келли. К этому времени я успел немного успокоиться. Джин Келли. Еще одно знакомое лицо. Я видел его в «Тысячах приветствий», «Девушке с обложки», «Поднять якоря». Сегодня я словно встретил старых друзей.

Он поздоровался с Джуди и Артуром, после чего обратился ко мне:

– Автор, автор, вы проделали чертовски хорошую работу!

– Не правда ли? – оживился Артур Фрид.

Эйфория кружила мне голову. Значит, я волновался зря?

– Может, у вас есть предложения… – начал я.

– У меня никаких, – заявила Джуди.

– У меня тоже, – поддержал ее Келли. – Просто превосходно.

Фрид улыбнулся:

– Ну что ж, совещание вышло совсем коротким. Декорации готовы. Съемки начинаются в понедельник.

После этой встречи я вернулся к себе и стал разбирать сумку с вещами.

– Можно спросить, что происходит? – с недоумением осведомилась секретарша.

– Я передумал.

В понедельник меня снова вызвал Фрид:

– У нас проблема.

От страха у меня перехватило дыхание.

– Что-то не так со сценарием?

– Нет, с Джином Келли. В субботу он играл в волейбол и сломал ногу.

– Значит… значит, съемки откладываются?

– Я отослал ваш сценарий Фреду Астеру. Он ушел из кино в

прошлом году, но если ему понравится ваш сценарий, то согласится работать.

Я с сомнением покачал головой:

– Астеру сорок восемь лет. Джуди – двадцать пять. Публике не понравится такая разница в возрасте. Вряд ли зрители примут их вместе! Ничего не получится.

– Давайте посмотрим, что скажет Астер, – терпеливо заметил Фрид.

Фред Астер согласился. На следующий день мы встретились в офисе Фрида, и он сказал:

– Спасибо за чудесный сценарий. Нас ждет интересная работа.

Когда я увидел Астера, мои дурные предчувствия развеялись. Он выглядел молодым, энергичным и полным сил.

У Астера была репутация перфекциониста. В картине, где его партнершей была Джинджер Роджерс, он продолжал репетировать танец, пока она не стерла ноги до крови.

В первый день съемок я пришел на площадку. Астер стоял в дальнем конце, где готовились к первому кадру. Я, в другом конце, рассказывал Джуди какую-то историю и только разошелся, как подбежал помощник режиссера:

– Мы готовы к съемкам, мисс Гарланд.

Я стал подниматься.

– Нет, – потребовала Джуди, – сначала доскажите.

– Хорошо.

Я стал говорить быстрее, зная, как дорого обходятся простои. Взглянул туда, где уже были установлены декорации и свет, и пробормотал:

– Джуди, я закончу позже. Это вообще не важно…

– Нет, – настаивала она. – Сейчас.

У нее был расстроенный вид.

– Джуди, вы не хотите играть эту сцену?

– Нет, – призналась она.

– Но почему?

Немного поколебавшись, она заявила:

– В этой сцене мне придется целовать мистера Астера, а мы даже не знакомы.

Все принимали как должное, что две суперзвезды знают друг друга! И только сейчас я осознал, насколько не уверена в себе Джуди Гарланд.

– Идемте, – сказал я и, взяв ее за руку, повел туда, где собралась съемочная бригада.

– Фред, позвольте представить вам Джуди Гарланд.

– Очень рад, – улыбнулся он. – Я ваш большой поклонник.

– А я – ваша поклонница, – оживилась Джуди.

– Займите места, – велел режиссер Чак Уолтерс.

Съемки «Пасхального парада» начались.

Как-то я оказался в репетиционной, где над новым танцем в одиночку работал Фред. Он не видел меня, и я решил задержаться. Фред упорно повторял одни и те же па. Я потихоньку подкрался к нему и, когда он на секунду остановился, хлопнул по плечу. Фред обернулся.

– Нет, Фред. Не так, – сказал я, делая неуклюжий пируэт.

– Здорово, – ухмыльнулся он. – Я тоже когда-то так умел.

Ну да, как же!

Вскоре после начала съемок Артур Фрид взял Джулза Манчина, нью-йоркского актера, на комический эпизод для оживления сцены. Я написал для него маленькую роль метрдотеля. За день до съемок у меня опять сместился диск, и я улегся в постель, тихо подвывая от боли.

И тут позвонил Джулз:

– Сидни, мне нужно вас видеть.

– Не сейчас. Через три дня я встану и…

– Нет. Сегодня. Прямо сейчас.

Боль была такой острой, что я едва ворочал языком:

– Джулз, сейчас не время. Мне действительно плохо. Я…

– Секретарь дала мне ваш адрес. Я буду через четверть часа.

Я принял таблетку болеутоляющего и скрипнул зубами.

Через четверть часа у моей постели уже сидел Манчин.

– Прекрасно выглядите, – жизнерадостно объявил он.

Я злобно уставился на него.

– Понимаете, я приехал из самого Нью-Йорка, чтобы сняться всего в одной маленькой сцене, которую можно было бы как-то обыграть. Вы должны что-то с ней сделать.

К. сожалению, имелась одна небольшая проблема. Боль была такая, что я едва смог вспомнить, как его зовут.

– Завтра съемки, – снова напомнил он.

Я закрыл глаза и представил написанную для него сцену. Манчин играл спесивого метрдотеля, гордившегося своим умением перемешивать салат, что он делал театральными жестами гурмана-сноба.

– Понимаете, сцена какая-то безликая, – жаловался Манчин.

И тут меня осенило:

– Джулз, ответ очень прост.

– А подробнее?

– Салата вообще не будет. Разыграете пантомиму.

В результате его сцена оказалась самой смешной в фильме.

Мюзикл «Пасхальный парад» получил награду как самый кассовый фильм, а также премию Гильдии драматургов за лучший сценарий американского мюзикла 1948 года, премию, которую я разделил с Фрэнсис Гудрич и Альбертом Хаккеттом.

Кроме того, «Пасхальный парад» оказался наиболее успешным мюзиклом, когда-либо снятым на «МГМ». Каждую Пасху последние пятьдесят семь лет его показывают по телевизору.

Глава 18

Сентябрь 1947 года стал началом самого позорного периода американской истории. Над Голливудом разразилась гроза.

Временный союз США и России закончился разрывом, и страна содрогнулась от ощущения опасности – «красной угрозы». Амбициозный сенатор Джозеф Маккарти узрел кратчайший путь к славе и известности. В один далеко не прекрасный день он объявил, что в армию пробрались коммунисты. Сотни и тысячи коммунистов.

Заявление потрясло страну, и Маккарти стал появляться на обложках журналов и первых страницах газет.

Вскоре он стал сообщать, что постоянно разоблачает коммунистов на флоте и в оборонной промышленности, и каждый раз, давая интервью прессе, говорил, что количество тайных врагов увеличилось.

Немедленно была создана комиссия по расследованию, в которую вошли Дж. Парнелл Томас и небольшая группа конгрессменов. Она была названа Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности палаты представителей конгресса США.

Первым делом комиссия избрала мишенью для удара группу голливудских сценаристов, обвинив их в принадлежности к коммунистической партии и распространении коммунистической пропаганды в своих сценариях. На слушания в Вашингтон вызывались свидетели.

По мере того как росла слава Маккарти, сам он все больше смелел. Невинные люди по ложному обвинению теряли работу, не имея возможности защитить себя. Комиссия проверяла оборонную промышленность и другие предприятия, но Голливуд был у всех на виду, и многие этим пользовались.

Сценаристам, продюсерам и режиссерам, которых вызывали на заседания комиссии, предоставлялось либо признать, что они коммунисты, и назвать сообщников, либо отрицать всякую связь с коммунистической партией, либо отказаться давать показания и идти в тюрьму. Члены комиссии были абсолютно бескомпромиссны, настаивая на том, что если человек состоит в коммунистической партии, то он должен донести на своих товарищей.

Десять сценаристов, обвиненных в пособничестве красным, отказались отвечать на вопросы и были посланы в тюрьму, триста двадцать четыре человека внесли в черный список, и сотни невинных жизней были разрушены.

Директора студий проводили тайные совещания, чтобы решить, как сделать хорошую мину при плохой игре. Они во всеуслышание объявили, что не станут брать на работу коммунистов. Черные списки велись целых десять лет.

Дор Шари, глава «РКО», поклялся, что уйдет сам, прежде чем уволит сценариста, обвиненного в симпатиях к коммунистам. Вскоре после этого комиссия назвала имя одного из сценаристов «РКО», и Шари его уволил. Члены Гильдии сценаристов возмутились.

Шари попросил разрешения объяснить свою позицию. Зал заполнили сценаристы. Он вышел на сцену.

– Я хочу напомнить всем, – начал Шари, – что я тоже сценарист. И начинал как сценарист. Понимаю, многие ожидали, что я уйду со своего поста, когда меня вынудили уволить одного из вас. Но я не сделал этого, поскольку, оставаясь главой студии, смогу лучше вас защитить.

Но он напрасно рассчитывал на понимание. В ответ на трусливую речь раздались свистки и шиканье. Собравшиеся стали покидать зал.

В разгар всей этой свистопляски Марвин Шенк, один из руководителей студии и родственник Николаса Шенка, вызвал меня к себе. Никому не было в точности известно, каковы обязанности Марвина, но ходили слухи, что ему платят три тысячи долларов в неделю за то, чтобы он сидел у окна и успел поднять тревогу, если на студию надвинется ледник.

Марвин, маленький лысеющий человечек лет пятидесяти с обаянием гробовщика, резко велел мне сесть.

– Вы голосовали за Альберта Мальца на собрании Гильдии писателей прошлой ночью? – начал он тоном обвинителя.

– Да, а что?

– Почему вы это сделали?

– Я только что прочитал его роман «Путешествие Саймона Маккивера». Прекрасная книга, и нам нужны такие писатели в совете гильдии.

– Кто велел вам голосовать за него?

Я начал сердиться:

– Никто не велел. Я уже объяснил, почему голосовал за него.

– Но кто-то же должен был вам приказывать.

– Марвин! – повысил голос я. – Говорю вам, я голосовал за него, потому что он чертовски хороший писатель.

Шенк внимательно изучил какой-то документ, прежде чем поднять глаза.

– Это правда, что последние несколько недель вы ходите по студии, собирая деньги для Голливудской десятки?[17]

И тут я окончательно вышел из себя. Шенк говорил правду: я начал сбор денег для детей, чьи родители сидели в тюрьме.

Я редко теряю самообладание, но, если кому-то удается привести меня в ярость, я взрываюсь, как бомба.

– Да, виновен! Виновен! Мне не следовало этого делать! Нужно было позволить чертовым детишкам голодать! Если их отцы в тюрьме, им не полагается есть! Пусть подыхают! – заорал я.

– Успокойтесь, – уговаривал Марвин, – успокойтесь. Идите домой и попытайтесь вспомнить, кто велел вам голосовать за Мальца. Увидимся утром.

Я вылетел из офиса, чувствуя себя униженным. Меня тошнило от унижения.

Ночью я не сомкнул глаз. Ворочался, метался и наконец принял решение. Ровно в десять я снова пришел в офис Шенка.

– Я увольняюсь. Можете разорвать мой контракт. Не желаю больше работать на этой студии. – Я повернулся и пошел к двери.

– Погодите. Не стоит спешить. Сегодня утром я говорил с Нью-Йорком. Мне сказали, если вы подпишете заявление о том, что не входите и никогда не входили в коммунистическую партию, все будет забыто. – Он протянул мне листок бумаги. – Вы подпишете?

Я просмотрел листок и немного успокоился.

– Подпишу. Потому что я не коммунист и никогда им не был.

Конечно, поведение Шенка было омерзительно, но разве можно сравнить этот случай с тем, что приходилось выносить многим невинным людям?

Я никогда не забуду своих талантливых друзей, которые так больше и не получили работы в Голливуде.

В феврале 1948 года были объявлены лауреаты премии Академии. Я был одним из пяти номинантов, за сценарий «Холостяка и малолетки», и уже начал принимать поздравления от коллег, агента и друзей, но в душе понимал, что не имею ни малейшего шанса получить «Оскара».

Картины моих соперников были чрезвычайно популярны: фильмы Чаплина «Месье Верду», «Двойная жизнь», «Тело и душа» и чрезвычайно сильный зарубежный фильм «Чистильщик обуви» («Шуша»).

Но стать номинантом столь престижной премии было чрезвычайно почетно, и я много раз гадал, кто получит премию.

Как-то мне позвонила Дона Холлоуэй, чтобы поздравить с номинацией. Мы давно стали хорошими друзьями – часто ходили в театр или на концерты, и мне всегда было с ней интересно.

В утро награждения Дона снова позвонила. Недавно она ушла из «Уильям Моррис» и теперь работала на студии «Коламбиа» референтом Гарри Кона, и я считал, что Кону крупно повезло, раз он заполучил такую сотрудницу.

– Готов получить «Оскара»? – спросила она.

– Я не пойду на церемонию.

Дона была явно шокирована:

– То есть как?!

– Дона, у меня нет никаких шансов на выигрыш. Зачем сидеть в зале и позориться?

– Если бы все так считали, – возразила она, – было бы некому получать «Оскара»! Ты должен пойти! Ну, согласен?

Я задумался. В самом деле, почему бы не встретить неудачу лицом к лицу и не поаплодировать победителю?

– А ты пойдешь со мной?

– Еще бы! Я хочу видеть тебя на этой сцене.

Двадцатая церемония награждения премиями Академии киноискусства проходила в «Шрайн-аудиториум». В то время церемонию не показывали по телевидению, зато освещали двести радиостанций Эй-би-си и радиосеть вооруженных сил. В зале было полно народа. Мы с Доной заняли свои места.

– Нервничаешь? – спросила Дона.

Я покачал головой. Этот вечер принадлежал одному из сценаристов, который получит «Оскара». Я же только зритель. У меня нет причин нервничать.

Церемония началась. Лауреаты выходили на сцену, чтобы принять «Оскара». Я спокойно сидел, наслаждаясь красочным зрелищем.

Наконец очередь дошла до наград за лучший оригинальный сценарий. Джордж Мерфи, актер, игравший главные роли во многих киномюзиклах, объявил:

– Номинанты премии: Абрахам Полонски за «Тело и душа»… Рут Гордон и Гарсон Кэнин, «Двойная жизнь»… Сидни Шелдон, «Холостяк и малолетка»… Чарлз Чаплин, «Месье Верду»… и Сержио Амидеи, Адольфо Франси, Чезаре Джулио Виола и Чезаре Дзаваттини за «Чистильщика обуви».

В зале стало тихо. Мерфи распечатал конверт.

– И победитель… Сидни Шелдон! «Холостяк и малолетка»!

Я словно примерз к креслу. Любой номинант, если он не полный идиот, додумался бы приготовить речь на всякий случай. Я же не приготовил ничего. Совсем ничего!

Джордж Мерфи снова назвал мое имя:

– Сидни Шелдон!

– Иди же, – прошипела Дона, толкая меня локтем.

Я словно в тумане поднялся и, спотыкаясь, пошел к сцене под аплодисменты публики. Мерфи пожал мне руку:

– Поздравляю.

– Спасибо, – выдавил я.

– Мистер Шелдон, в интересах науки и вечности не соблаговолите ли рассказать, откуда вы взяли столь оригинальную идею?

Как я мог не приготовить ничего? Хотя бы что-то!!!

– Э… ну… когда-то я жил в Нью-Йорке… и… там… было много… модных девушек. Наблюдая за ними, я и решил сделать картину… и, кажется… получилось…

Я и представить не мог, что способен молоть подобную чушь! Я чувствовал себя дураком!

Все-таки мне удалось настолько взять себя в руки, чтобы поблагодарить актеров и Ирвина Райса. Подумал и о Доре Шари. Стоит ли упоминать его имя? Он вел себя позорно, и я был зол на него. С другой стороны, он был сопродюсером фильма.

– …благодарю Дора Шари, – добавил я, после чего взял своего «Оскара» и почти свалился со сцены.

– Какой ты счастливчик, – прошептала Дона, когда я добрался до своего места. – Как себя чувствуешь?

Как я себя чувствовал? В жизни не испытывал такой депрессии! Казалось, я что-то украл у людей, действительно заслуживших эту награду. Я чувствовал себя самозванцем.

Церемония продолжалась, но для меня происходящее на сцене слилось в одну сплошную массу. Ричард Колман, держа «Оскара», говорил о «Двойной жизни». Лоретта Янг благодарила всех за «Дочь фермера». Все это тянулось бесконечно. Мне не терпелось выбраться из зала. В ночь, которая должна была стать счастливейшей в моей жизни, хотелось покончить с собой.

«Я должен пойти к психиатру. Со мной что-то неладно», – подумал тогда я.

Психиатра звали Джад Мармер. Мармера рекомендовали мне друзья, которые консультировались у него. Я знал, что многие пациенты доктора имели отношение к шоу-бизнесу.

– Чем могу помочь, мистер Шелдон? – спросил Джад Мармер, громоздкий мужчина с серьезным лицом, серебристыми волосами и проницательными голубыми глазами.

Я вспомнил, как убежал от психолога в Северо-Западном университете.

– Не знаю, – честно сказал я.

– Почему вы пришли ко мне?

– У меня проблема, и я не представляю, в чем она

заключается. Работа на «МГМ» мне нравится. Я получаю немало денег. Несколько дней назад получил «Оскара», и все же… – Я пожал плечами. – Я несчастлив. Угнетен. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы прийти сюда, но все же я тут. И… что дальше?

– Понятно. И часто вы страдаете от депрессии?

– Иногда. Как все. Возможно, я зря отнимаю у вас время.

– Ничего. Времени у меня много. Расскажите, что угнетало вас в прошлом.

Я подумал о том, когда вместо радости ощущал тоску, и о том, когда вместо тоски едва не прыгал от радости.

– Видите ли, когда я жил в Нью-Йорке, один песенник, Макс Рич… – начал я.

Я говорил, а он слушал.

– Вам никогда не хотелось покончить с собой?

И ты меня не остановишь. А если и остановишь, я все равно сделаю это завтра…

– Хотелось.

– Чувствуете свою никчемность?

– Да.

– Понижена самооценка?

– Да.

– Считаете, что не заслужили свой успех?

Он читал мои мысли!

– Да.

– Угрызения совести?

– Да.

– Простите… – Он нажал кнопку переговорного устройства. – Мисс Купер, попросите следующего пациента немного подождать.

По моей спине прошел холодный озноб.

Доктор Мармер повернулся ко мне:

– Мистер Шелдон, у вас маниакально-депрессивный психоз.

Меня буквально передернуло.

– И что это означает?

– Отклонения в психике, сочетающие элементы мании и депрессии, когда настроение резко изменяется – от эйфории до отчаяния. Словно между вами и окружающим миром существует тонкий экран. Так что в каком-то смысле вы чужак, пытающийся проникнуть в нашу обычную жизнь.

У меня пересохло во рту.

– И насколько это серьезно?

– Маниакально-депрессивный психоз может производить опустошающее действие на людей. От него страдают не менее двух миллионов американцев. Один на десять семей. По какой-то

причине болезнь чаще всего поражает именно артистические натуры. Примерами могут служить Ван Гог, Герман Мелвилл, Эдгар По, Вирджиния Вулф и многие-многие другие.

Лучше мне от этого не стало. В конце концов, это их проблема!

– И долго придется лечиться? – спросил я.

Доктор помолчал.

– Средств от этого нет, – признался он наконец.

– Что?! – в панике завопил я.

– Самое большее, что мы можем сделать, – попытаться замедлить развитие болезни медикаментами, но… – Он помолчал, потом продолжил: – Беда в том, что иногда возникают крайне неприятные побочные эффекты. Приблизительно один из пяти больных рано или поздно кончает жизнь самоубийством. От двадцати до пятидесяти процентов предпринимают хотя бы одну попытку самоубийства. Из тридцати тысяч самоубийств в год большая часть совершается больными маниакально-депрессивным психозом.

Мне становилось трудно дышать.

– Видите ли, есть различные формы болезни, – продолжал доктор Мармер. – Некоторые люди способны продержаться недели, месяцы и годы без резких перепадов настроения. У них периоды нормального настроения длятся довольно долго. Этот тип болезни называется «эвтимия». По-моему, у вас именно эта форма и есть. К сожалению, как я сказал, полного излечения добиться невозможно.

Теперь то, что со мной творилось, по крайней мере получило название. Доктор выписал мне рецепт, и я вышел из кабинета совершенно потрясенный.

«Он понятия не имеет, о чем говорит, – думал я. – У меня все хорошо. Все хорошо».

Глава 19

Премию Академии всегда окружали мифы и слухи. Стоит однажды получить «Оскара», и во второй раз не захочется. Стоит завоевать его, и ты теряешь вкус к работе.

Через неделю после церемонии награждения ко мне пришел Сэм Вайсборд:

– Еще раз поздравляю. Где собираешься его хранить?

– Пожалуй, постараюсь действовать как можно скромнее. Как насчет крыши моего дома? А если еще подсветить его кинопрожекторами? Представляешь, какой эффект!

– Незабываемое будет зрелище, – рассмеялся он.

– Но должен сказать, награждение стало для меня абсолютной неожиданностью.

– Знаю, – сухо заметил Вайсборд. – Слышал твою речь. Он сел и небрежно добавил: – Кстати я только что от Бенни Тау.

Тау был юристом «МГМ».

– У тебя контракт на семь лет. Нам дали все, о чем мы просили.

Я не верил своим ушам.

– Не может быть!

Вот она, власть «Оскара»!

– Они даже согласились на ежегодный трехмесячный отпуск, когда ты этого захочешь.

– Класс!

Я хотел иметь немного свободного времени, чтобы заняться кое-чем другим.

Я переехал в небольшой гостевой домик в Уэствуде. Дом состоял из маленькой спальни, маленького кабинета, маленькой гостиной, маленькой кухни и двух крохотных ванных комнат. Гараж, примыкавший к одной из стен, был гораздо больше самого дома. Тони Кертис и красавица Дженет Ли, знаменитые и очень талантливые актеры, жили в нескольких кварталах от меня. У них была машина, но не было гаража.

Как-то за ужином Тони спросил, нельзя ли снять мой гараж, поскольку оставлять машину на улице ему не хотелось.

– Снять нельзя, – ответил я, – но пользоваться можно сколько угодно.

Отныне их машина ночевала постоянно в моем гараже.

Домик был слишком мал, чтобы устраивать вечеринки, но я этого не знал, и потому у меня постоянно были гости. Мне повезло найти изумительного повара-филиппинца, который также

выступал в роли бармена и делал уборку. В «МГМ» я встретил много интересных людей. Ко мне часто приходили ужинать Айра Гершвин со своей женой Ли, Керк Дуглас, Сид Сезар и многие другие звезды. Список был длинным и внушительным и включал Жюля Штайна, главу «МКА», самого влиятельного голливудского агентства, и его жену Дорис. Гостям порой приходилось сидеть на полу, потому что не хватало стульев, но никто не жаловался.

Один из самых удивительных людей, с которыми я познакомился в Голливуде, был Роберт Шиффер, начальник гримерного отдела на студии Диснея. Он был англичанином и во время войны служил в авиации. Шиффер владел яхтой и путешествовал по всему миру.

В 1946 году он работал на съемках фильма с Ритой Хейуорт. Рита собиралась начать новый фильм, у Гарри Кона, но внезапно сбежала вместе с Шиффером в Мексику. Съемки отложили, пока они переживали романтический период. Гарри Кон лез на стенку, потому что не мог их найти.

Каждую субботу у меня в доме играли в джин. За столик обычно усаживались Джерри Дэвис, сценарист и продюсер, режиссер Стенли Донен, Боб Шиффер и другие. Элизабет Тейлор, которой в то время было чуть за двадцать, приходила вместе со Стенли и каждую субботу, пока мы играли, готовила нам ленч.

Элизабет, миниатюрная и чувственная, с невероятными фиалковыми глазами, обладала той самой магией, которая позднее сделала ее легендой кино. Теперь трудно поверить, что эта красавица каждую субботу пропадала на кухне, делая сандвичи.

Сид Черисс работала по контракту с «МГМ». Девушка была сексапильной и талантливой. В тринадцать лет она вступила в труппу «Русский балет» и стала великолепной балериной. Мы договорились встретиться в субботу вечером, но она позвонила и отменила свидание.

– Что-то произошло? – спросил я.

– Объясню в понедельник, – уклончиво пробормотала она.

Но объяснять ничего не пришлось. Достаточно было прочесть заголовки. В этот уик-энд она вышла замуж за популярного певца Тони Мартина.

– Полагаю, ты слышал новости? – осведомилась Сид по телефону.

– Слышал. Надеюсь, вы с Тони будете счастливы.

Я пытался забыть ее, с головой погрузившись в работу. И я ждал чего-то нового.

Меня вызвал Кеннет Маккенна, директор сценарного отдела, уже немолодой, тощий седовласый тиран, правивший своими подданными, как крепостными.

Не потрудившись поздороваться, он отрывисто пролаял:

– У меня для тебя задание, Шелдон. «Шоу-пароход».

Задание показалось мне просто сказочным. «Шоу-пароход» был одним из лучших бродвейских мюзиклов: блестящая музыка и чудесное либретто. Мне нравилось это шоу. Но тут была одна проблема.

– Кеннет, я только сейчас сдал две переделки. Хотелось бы поработать над оригинальным сюжетом.

Маккенна угрожающе привстал:

– Будешь работать, над чем приказано! У тебя контракт со студией! Станешь мыть полы, если потребуется!

Я так и не переписал «Шоу-пароход». Слишком был занят мытьем пола следующие несколько недель.

* * *

В свой трехмесячный отпуск я собрался в Европу и с нетерпением ждал путешествия. Заранее забронировал билет на «Либерте», французский корабль, который, как я слышал, был великолепен.

Я позвонил Натали, Марти, Ричарду и Джоан, чтобы попрощаться, и вылетел в Нью-Йорк, где стоял мой корабль.

Среди пассажиров был Чарлз Макартур, с которым я познакомился раньше. Талантливый драматург, он написал в соавторстве с Беном Хектом «Первая полоса», «Джамбо», и «Двадцатый век». С ним была его жена, когда-то известная актриса Хелен Хейс.

Увидев ее впервые на какой-то вечеринке, Чарлз мгновенно влюбился и, взяв чашу с арахисом, предложил ей со словами: «Жаль, что это не бриллианты».

Вскоре они поженились. В день рождения Хелен Чарлз вручил ей маленькую чашечку с бриллиантами и сказал: «Жаль, что это не арахис».

Среди других пассажиров были Розалинд Рассел и ее муж, продюсер Фред Бриссон и Эльза Максвелл, знаменитая устроительница вечеринок.

В первый день путешествия ко мне пришел Чарлз:

– Эльза Максвелл услышала, что вы получили «Оскара». Она хочет пригласить вас сегодня на званый ужин. Я сказал, что вы не любите шумное общество.

– Чарли! Но я хотел бы прийти к ней на ужин!

Он улыбнулся:

– Пусть она думает, будто вас трудно заполучить. Я скажу, что вы подумаете.

Днем Эльза сама подошла ко мне:

– Мистер Шелдон, вечером я даю званый ужин в узком кругу и была бы счастлива, если бы вы согласились прийти.

– Обещаю, мисс Максвелл.

Ужин был восхитительным, и гости весело проводили время. Но когда я поднялся из-за стола, стюард сказал:

– Простите, мистер Шелдон, с вас три доллара.

Я покачал головой:

– Я гость мисс Максвелл!

– Да, сэр. С вас три доллара.

Я был вне себя.

Чарлз пытался меня успокоить.

– Кто же берет с гостей деньги? – кипятился я.

– Сидни, она славится именно тем, что сводит знаменитых людей. Сама же никогда ни за что не платит.

Приехав в Лондон, я остановился в отеле «Савой». Хотя война закончилась, Англия еще переживала ее последствия. Карточки так и не отменили, и буквально все было в дефиците.

Когда утром пришел официант, я заказал грейпфрут, яичницу, бекон и тосты. Официант с расстроенным видом развел руками:

– Мне очень жаль, сэр, но ничего этого нет. У нас только грибы или копченая селедка.

– Вот как?

Я выбрал грибы.

На следующее утро я заказал селедку.

В меню ресторана тоже не было почти ничего съедобного.

Наутро, к моему удивлению, позвонил Тони Мартин:

– Вы не говорили, что приедете в Лондон.

– Я был занят.

– Приходите сегодня на мой концерт.

У меня не было никакого желания знакомиться с человеком, женившимся на женщине, к которой я был неравнодушен.

– Простите, не могу… я…

– Я оставлю для вас билет в кассе, – перебил он. – Приходите за кулисы после концерта.

Но мне был совсем неинтересен концерт. Придется пойти за кулисы, рассыпаться в похвалах и удалиться.

Но я пересилил себя, пошел на концерт и не пожалел. Мартин

был изумителен, и публика сходила с ума. Я пошел за кулисы поздравить его. В гримерной была Сид. Она тепло обняла меня и познакомила с мужем.

– Поужинайте с нами сегодня, – пригласил Тони.

Я покачал головой:

– Спасибо, но мне…

– Идемте.

Тони Мартин оказался одним из самых славных людей, с которыми меня сталкивала жизнь.

Ужинали мы в эксклюзивном частном клубе. Я и не знал, что на частные клубы карточная система не распространялась!

– У нас прекрасные бифштексы сегодня, – сообщил официант.

Мы все заказали это блюдо.

– Хотите бифштекс с яйцом, сэр? – спросил официант.

Это было первое яйцо, которое мне удалось отведать со дня прибытия в Лондон.

С тех пор я проводил каждый вечер с Тони и Сид, наслаждавшихся медовым месяцем. Как-то Мартин объявил:

– Утром мы отправляемся в Париж. Собирайтесь, вы поедете с нами.

Я не стал спорить.

Мы вылетели в Париж. Этот город показался мне сказочным. Тони заказал лимузин, и мы принялись объезжать обычные туристские приманки: Лувр, Триумфальную арку, могилу Наполеона, а также великолепные ресторанчики.

В воскресенье мы собрались на скачки, но, к несчастью, накануне чем-то отравились и были в ужасном состоянии.

Тони позвонил мне и жалобно простонал:

– Мы с Сид кошмарно себя чувствуем и никуда не можем ехать.

– Я тоже, Тони. Придется…

– Внизу тебя ждет лимузин. Поезжай.

– Тони…

– Поезжай. Поставишь и за нас тоже.

Я в полубреду все-таки отправился на скачки. У кассы змеилась огромная очередь. Когда я наконец добрался до окошечка, кассир спросил:

– Oui?

Я не знал французского и поэтому сунул ему деньги и поднял один палец. Он пробормотал что-то и толкнул деньги обратно.

Я попытался снова:

– Номер une.

Он снова отдал мне деньги. Люди, стоявшие за мной, начали терять терпение. Какой-то мужчина вышел из очереди и шагнул

ко мне.

– В чем дело? – спросил он на английском.

– Я пытаюсь поставить деньги на номер первый.

Мужчина поговорил по-французски с кассиром и обернулся ко мне:

– Номер один снят со скачек. Выберите другую лошадь.

Я поднял два пальца, получил несколько билетов и кое-как добрался до трибун.

Номер два выиграл, и мы с Тони и Сид поделили деньги.

Путешествие так мне понравилось, что я решил приезжать в Европу каждый год.

В августе Дор Шари покинул пост главы «РКО», приняв предложение Луиса Б. Мейера стать главой производственного отдела «МГМ». Мой старый босс отныне становился моим новым боссом.

Мне поручили писать сценарий «Нэнси едет в Рио», где главные роли должны были играть Энн Сотерн, Джейн Пауэлл, Барри Салливан, Кармен Миранда и Луис Колхерн.

Продюсером назначили Джо Пастернака, немолодого венгра, говорившего с сильным акцентом. До того как прийти в «МГМ», он ставил короткие картины в «Юниверсал», находившейся на грани банкротства. Молодая актриса Дина Дурбин, от которой отказалась «МГМ», перешла на «Юниверсал», и Джо поручили поставить с ней картину «Три милые девушки».

К изумлению студии, сборы превзошли все ожидания. Дина Дурбин однажды утром проснулась знаменитой, а «Юниверсал» была спасена. Вскоре после этого Джо Пастернак принял предложение стать продюсером «МГМ».

Как-то Шари созвал совещание продюсеров. Когда все расселись, он объявил:

– У нас проблема. Я только что купил пьесу «Чай и симпатия». Это бродвейский хит, но цензоры не позволят нам снимать, потому что один из героев – гомосексуалист. Нужно что-то придумать. Я хочу услышать ваши предложения.

Последовало молчание. Потом кто-то из продюсеров сказал:

– Может, сделать его алкоголиком?

– Или наркоманом? – оживился второй.

– А если превратить его в калеку?

Так продолжалось довольно долго, прежде чем встал Пастернак:

– Все проще простого. Не нужно ничего менять. Он останется гомосексуалистом. – И торжествующе добавил: – Но в конце выяснится, что все происходит во сне.

На этом совещание закончилось.

Одним из преимуществ работы над «Нэнси едет в Рио» было знакомство с Луисом Колхерном. Колхерн начинал в театре и был блестящим актером. Внешность у него была выдающейся: высокий рост, орлиный нос. Он обладал к тому же звучным голосом. За плечами у Луиса было три брака с актрисами, и сейчас он был женат на четвертой. Он отличался безупречным чувством юмора, и находиться в его обществе было настоящим удовольствием. Он только что снялся в «Великолепном янки», истории судьи Оливера Уэнделла Холмса.[18]

Приходя ко мне домой, он, не успев переступить порог, кричал:

– Где еда, черт возьми?!

Однажды я получил телеграмму, гласившую:

> «Насколько я понял, мою жену обманом заставили назначить нашу встречу на вечер четвертого. Увидимся в театре, после того как погаснет свет. Пожалуйста, не рассчитывайте, что я захочу, чтобы кто-то увидел меня в вашем обществе! Колхерн».

Мой агент представил меня красивой молодой шведской актрисе, которую я назову Ингрид. Она приехала в Америку, чтобы пробоваться на роль в «Юниверсал». Я нашел ее очаровательной, и у нас начался роман.

Несколько недель спустя, воскресным утром, когда я еще спал, в дверь позвонили. Я взглянул на часы. Четыре. Но звонки продолжались. Я неохотно встал, накинул халат и открыл дверь. Незнакомец с пистолетом оттолкнул меня и ворвался в комнату.

Мое сердце бешено заколотилось.

– Если это грабеж, берите все…

– Сукин сын! Я тебя прикончу!

Значит, не грабеж.

В такие моменты писатель должен подумать: «Потрясающий материал». Но я думал только о том, что вот-вот распрощаюсь с жизнью.

– Я вас не знаю, – удалось выдавить мне.

– Зато знаешь мою жену! – заорал он. – Ты с ней спишь!

Я понял, что этот человек принял меня за кого-то другого. Я никогда не спал с замужними женщинами.

– Послушайте, я не знаю, о чем вы толкуете. И не знаю вашу жену.

– Ингрид. – Он поднял пистолет.

Значит, это не ошибка!

– Постойте! Ингрид не говорила, что замужем!

– Эта дрянь выскочила за меня, чтобы получить американскую визу!

– Говорю же, я первый раз об этом слышу. Она никогда не носила обручального кольца, никогда не упоминала о муже, так что я не признаю за собой никакой вины. Садитесь, и давайте поговорим.

Поколебавшись, мужчина рухнул в кресло. Оба мы были покрыты потом.

– Я не из таких… но люблю ее, а она меня использовала, – с трудом произнес он.

– Я вас не осуждаю. Думаю, нам обоим неплохо бы выпить.

Я налил в два стакана виски без льда, и скоро он уже рассказывал историю своей жизни. Он был писателем и встретил Ингрид в Европе. И вот теперь никак не мог найти работу в Голливуде.

– Вам нужна работа? Я могу помочь, – обрадовался я. – Поговорю с Кеннетом Маккенной из «МГМ».

Бедняга просиял:

– Правда? Я был бы очень благодарен.

Через пять минут он убрался вместе со своим пистолетом.

Я выключил свет, вернулся в постель, тяжело дыша. Только заснул, как в дверь принялись колотить. Я решил, что он вернулся, чтобы меня убить. Но на пороге стояла зверски избитая Ингрид. Лицо в синяках, под глазами фонари, а из губы сочилась кровь. Я втащил ее в дом.

Она едва могла говорить:

– Я должна рассказать…

– Можешь не рассказывать. Твой муж уже побывал здесь. Ложись. Я вызову доктора.

Мне удалось разбудить доктора, и он согласился приехать, чтобы осмотреть Ингрид. У нее оказалось сломано ребро.

После ухода доктора она снова заплакала:

– Что же мне теперь делать? Утром у меня пробы в «Юниверсал».

Я покачал головой:

– Ничего не выйдет. Ты не можешь идти в таком виде. Я позвоню и отменю пробы.

Так я и сделал.

Вечером Ингрид исчезла.

В 1948 году Сай Фейер и Эрни Мартин, новые продюсеры, явились ко мне на студию.

– Мы ставим на Бродвее мюзикл «Где Чарли?», по классической комедии «Тетушка Чарли», и хотим, чтобы вы написали либретто. Музыку пишет Фрэнк Лоиссер. Главную роль играет Рей Болджер.

Фрэнк Лоиссер был известным композитором, но никогда не работал на Бродвее. Мне нравился сюжет «Тетушки Чарли», и я считал, что пьеса может иметь успех.

– Я бы хотел встретиться с Фрэнком.

– Мы это устроим.

Фрэнк Лоиссер оказался человеком-машиной. Талантливый и амбициозный, он не зря пользовался славой. Это он написал хит военного времени «Восхвали Господа и передай оружие» и несколько других популярных песен: «Луна Манакуры», «Тихоходный пароход до Китая», «Мальчики в задней комнате», «Поцелуй мальчишек на прощание».

– У меня есть пара потрясающих идей! – объявил Фрэнк. – Мы можем создать настоящий шедевр.

– Я тоже так считаю.

– Буду работать над либретто вместе с вами.

– Согласен, но тогда мы вместе примемся и за музыку.

Фрэнк ухмыльнулся:

– Ладно, это я просто так сказал.

Я отправился к Шари.

– Хочу взять свои три месяца отпуска и сделать бродвейское шоу.

– Какое именно?

– «Где Чарли?» По пьесе «Тетушка Чарли».

Дор покачал головой:

– Рискованная затея.

– Знаю, – рассмеялся я. – Я уже это проходил.

– Не думаю, что вам следует этим заниматься.

– Но я уже согласился…

– Давайте заключим сделку. Как насчет того, чтобы написать сценарий «Энни, возьми ружье»?

«Энни, возьми ружье» был самым известным бродвейским мюзиклом. Он шел уже три года, и четыре компании разъезжали с шоу по всей стране.

В 1945-м Герберт и Дороти Филдз пришли к Ричарду Роджерсу и Оскару Хаммерстайну, авторам многих бродвейских шоу, с предложением сделать мюзикл об Энни Оукли, женщине-ковбое, отличавшейся необычайной меткостью стрельбы. Дороти Филдз хотела написать стихи, а Джером Керн согласился писать музыку.

Через три дня после приезда в Нью-Йорк у Керна случился

удар, и спустя пару дней он умер. Роджерс и Хаммерстайн обратились с просьбой к Берлину. В мюзикле было несколько хитов, включая «Нет бизнеса лучше шоу-бизнеса». «МГМ» заплатила шестьсот тысяч долларов за права на «Энни, возьми ружье»: самая высокая цена того времени за мюзикл.

– Ну, что скажете?

Я задумался. Конечно, «Где Чарли?» обязательно будет хитом. Но уж очень хотелось снова поработать с Берлином. Отказаться было невозможно.

– Согласен, – кивнул я и в тот же день позвонил Фейеру, Мартину и Лоиссеру и сказал о своем решении.

– Не сомневаюсь, что у вас получится настоящий шедевр, – заключил я.

И оказался прав.

Глава 20

Я был очень рад снова встретиться с Берлином. Он не потерял ни капельки своей энергии. Впорхнул в мой кабинет, широко улыбнулся и объявил:

– Это будет лучше, чем сама пьеса. Пойдем потолкуем с Артуром.

Артур Фрид молча кивнул нам.

– Это будет сенсацией, – изрек он. – Студия в этом уверена.

– Вы уже определили актерский состав, Артур? – осведомился я.

– Джуди Гарланд будет играть Энни, а талантливый молодой актер и певец Говард Кил – Фрэнка. Луис Колхерн – Буффало Билл. Режиссер – Джордж Сидни.

Я снова буду работать с Джуди и проводить время с Луисом!

– Вылетайте в Нью-Йорк и Чикаго посмотреть пьесу, – распорядился Фрид.

В Нью-Йорке Энни играла Этель Мерман, а в Чикаго – Мэри Мартин.

– Когда я лечу?

– Завтра в девять утра.

«Энни, возьми ружье» оказалась чудесной пьесой. Книга Герберта и Дороти Филдз была динамичной и остроумной. Игра Этель Мерман показалась мне энергичной, яркой и броской. Следующим утром я вылетел в Чикаго, чтобы посмотреть Мэри Мартин.

У нее была совершенно другая трактовка роли. В ее исполнении Энни была застенчивой и очень милой. Я решил, что необходимо соединить в образе лучшие находки обеих актрис.

Работа над таким хитом имела свои недостатки. Я не мог отходить слишком далеко от оригинального сюжета, и все же необходимо было приспособить материал для экрана. Многие эпизоды, выглядевшие выигрышно на сцене, неизбежно кажутся бледными в кино. Нужно было написать новые.

Самой большой проблемой оказался провал между первым и вторым актами. На сцене первый акт кончался отъездом Энни в Европу. Второй начинался с ее возвращения. Необходимо было перекинуть мостик между этими событиями.

Я мог сделать монтаж короткого появления Энни в разных странах или сосредоточиться на одной. Этот интервал должен стать длинным или коротким? От меня решение не зависело, поскольку съемки таких эпизодов потребуют больших денег. Пусть выбор сделает продюсер.

Я позвонил секретарю Фрида и попросил записать меня на прием. Но через час она позвонила и отменила встречу. Я позвонил на следующий день. Повторилось то же самое, как, впрочем, и в третий раз.

В тот же день ко мне заявился Сэмми Вайсборд:

– Я только что от Фрида. Он крайне в тебе разочарован.

Меня охватила паника.

– Почему?

– Артур сказал, что тебе лень перевернуть страницу.

– Но я хотел всего лишь обсудить с ним… – Я осекся, внезапно сообразив, что случилось. Артуру не интересно говорить о сценарии. Его волнуют музыкальные аспекты картины: песни, танцы, девушки. Скорее всего, он вообще не видит, как будут выглядеть сцены на экране!

Я вспомнил, как он отреагировал на сценарий «Пасхального парада». Молчал, пока не узнал, что думают о нем актеры. Дар Фрида заключался в умении выбрать выигрышный материал и лучших людей для обработки и съемок этого материала. Я тяжело вздохнул и, не дождавшись совета и помощи, принялся за сценарий. Работа шла быстро и, как я надеялся, гладко.

Закончив сценарий, я отдал его Фриду и стал ждать. Интересно, кто откликнется первым?

На следующий день ко мне пришел будущий режиссер – Джордж Сидни:

– Хотите, чтобы я вам польстил, или желаете знать правду?

Во рту у меня внезапно пересохло.

– Правду.

Сидни ухмыльнулся и объявил:

– Здорово! Чертовски хороший сценарий – Его глаза сверкали. – Потрясающая будет картина.

После того как остальные актеры тоже высказались по поводу сценария, Артур Фрид заметил:

– Вы идеально уловили общий тон, Сидни.

Джуди записала музыкальные номера, и съемки начались.

Время от времени, в перерывах, она приходила ко мне поболтать.

– Все идет хорошо, Сидни? – нервно спрашивала она.

– Идеально, Джуди.

– Нет, правда?

Я присмотрелся к ней – она казалась зажатой и напряженной. Как же она выглядит без грима?

До меня стали доходить тревожные слухи. Джуди вечно опаздывала и не учила роли. Съемки задерживались. Она могла

позвонить Сидни в два часа ночи и сказать, что не уверена, появится ли на площадке утром.

Наконец съемки приостановили, и продюсер объявил, что Джуди Гарланд должны заменить. Мне стало очень грустно. Я попытался позвонить ей, но она, раздавленная позором, уже улетела в Европу.

Роль Энни была предложена Бетти Гаррет, талантливой молодой актрисе, игравшей главную роль в моей пьесе «Джекпот». Она была замужем за Ларри Парксом, игравшим главную роль в «Истории Джолсона».

Бен Тау встретился с агентом Гаррет и заявил, что желает заключить контракт на следующие три роли Бетти. Но тот покачал головой:

– Только эта картина и ничего больше.

Вот так из-за амбиций агента Бетти Гаррет потеряла роль, которая могла ее прославить. Студия заключила контракт с Бетти Хаттон, и съемки продолжились без особых происшествий.

Однажды Ирвинг Берлин пришел ко мне и спросил:

– Сидни, почему мы так и не сделали шоу на Бродвее?

Мое сердце пропустило удар. Писать мюзикл вместе с Ирвингом Берлином? Это гарантированный успех!

Я попытался не проявлять чрезмерного энтузиазма и лишь сказал:

– Я бы с удовольствием написал такое шоу, Ирвинг.

– Вот и хорошо. У меня появилась идея.

И Берлин, бегая по комнате, принялся объяснять свою идею.

Я украдкой посмотрел на часы:

– Извините, что перебиваю, но у меня назначена встреча за ленчем, в половине первого, и нужно идти. Давайте возобновим этот разговор, когда я вернусь.

– А где у вас ленч?

– В «Браун дерби», на Беверли-Хиллз.

– Я поеду с вами.

Берлин сел в мою машину и отправился в ресторан, попросив своего водителя следовать за нами. Я в жизни не встречал такого энтузиаста.

В тот же день Ирвинг сообщил, что собирается ехать в восточный Лос-Анджелес – послушать молодого певца, который должен исполнять одну из его песен. Таким был Ирвинг Берлин в шестьдесят с лишним лет: энергичный гений в расцвете творческих способностей.

Время не было к нему благосклонно. В девяносто лет он почти потерял рассудок, став настоящим параноиком. Как-то Томми Тюн, талантливый бродвейский продюсер и хореограф,

позвонил и попросил разрешения создать мюзикл на основе его песен.

– Невозможно, – отказал Берлин.

– Но почему? – удивился Томми.

– Слишком многие поют мои песни, – прошептал Ирвинг.

К моему величайшему сожалению, мы так и не написали вместе мюзикл.

Зато, к моему величайшему удовольствию, я встретил на съемках «Энни» Говарда Кила, высокого, угловатого актера с совершенно невероятным голосом. Для съемок одного эпизода Говарду пришлось тренироваться в стрельбе, поэтому мы с ним уходили в тир и там соревновались.

Он всегда побеждал.

Съемки, а вслед за ними и монтаж были закончены. Премьера состоялась в 1950-м, и критики рассыпались в похвалах, называя фильм «лучшим киномюзиклом года».

«„Энни, возьми ружье“ – фильм, который нужно посмотреть каждому!»

«Экранная „Энни“ лучше театральной версии».

«Нужно отдать должное Берлину и Филдзам. Истинный хит!»

Бетти Хаттон получила премию Гильдии актеров, как наиболее популярная актриса года, а я был награжден за свой сценарий премией Гильдии сценаристов американского кино.

В 1950-м «Вэрайети» опубликовала список лучших кассовых фильмов всех времен. В нем были три картины, снятые по моим сценариям: «Холостяк и малолетка», «Пасхальный парад» и «Энни, возьми ружье».

Периоды депрессии прекратились, и я решил, что психиатр ошибся в диагнозе. Я вполне здоров. Мы с Доной Холлоуэй продолжали встречаться, и я всегда был рад видеть ее.

Как-то за ужином Дона спросила, не хочу ли я познакомиться с Мэрилин Монро.

– Еще бы! – воскликнул я.

– Я это устрою, – кивнула Дона.

Мэрилин Монро была секс-символом, суперзвездой. За ее плечами осталась безумная мать, приемные родители, детские дома, неудачный брак и постоянное сражение с алкоголем и таблетками. Но у нее было то, что никто не мог отнять, – несомненный талант.

На следующий день Дона позвонила мне:

– В пятницу ты ужинаешь с Мэрилин Монро. Заедешь за ней.

Она дала мне адрес.

Я с трудом дождался пятницы. Мэрилин Монро уже сыграла в таких хитах, как «Джентльмены предпочитают блондинок», «Как выйти замуж за миллионера» и «Обезьяньи проделки» с Кэри Грантом.

Но вечер, к сожалению, не оправдал моих ожиданий. Я приехал к Мэрилин в назначенное время. Дверь открыла ее компаньонка:

– Мисс Мэрилин выйдет через несколько минут. Она одевается.

«Несколько минут» обернулись сорока пятью.

Зато когда Мэрилин вышла из спальни, вид у нее был ослепительный. Взяв меня за руку, она тихо сказала:

– Счастлива познакомиться с вами, Сидни. Я восхищаюсь вашей работой.

Мы ужинали в ресторане на Беверли-Хиллз.

– Расскажите о себе, – попросил я.

Она начала говорить но, к моему изумлению, темой беседы были Достоевский, Пушкин и другие русские писатели. Все, что она говорила, так не соответствовало образу красивой молодой женщины, что казалось, я обедаю с двумя разными людьми. Чувствовалось, что она не совсем представляет, о чем говорит. Позже я узнал, что в то время она встречалась с Артуром Миллером и Элиа Казаном и оба были ее наставниками. Встреча показалась мне приятной, но больше я ей ни разу не позвонил.

Вскоре после того вечера Мэрилин Монро вышла замуж за Артура Миллера.

Как-то августовским вечером 1962 года я ужинал с Хаем Энджелбергом, моим доктором, у него дома. В разгар ужина его позвали к телефону. Он вернулся и сообщил, что у него срочный вызов.

– Я скоро вернусь. Ужинайте без меня, – попросил он.

Но вернулся он почти через два часа.

– Простите, с моим пациентом плохо, – пояснил он, и поколебавшись, добавил: – Это Мэрилин Монро. Она мертва.

Ей было всего тридцать шесть.

Меня познакомила с Гарри Коном, главой производственного отдела «Коламбиа пикчерз», именно Дона Холлоуэй. Кон имел репутацию самого свирепого директора в Голливуде. Недаром он хвастался, что никогда не заполучит язвы.

– Я сам любого награжу язвой!

Говорили, что по-настоящему он боялся только одного человека, Луиса Б. Мейера. Как-то Мейер позвонил Кону и

объявил:

– Гарри, ты попал в переплет.

Мгновенно струсивший Кон со страхом осведомился:

– В чем проблема, Эл-Би?

– У тебя контракт с актером, который мне необходим.

Кон с облегчением вздохнул:

– Бери его, Эл-Би, бери кого и что хочешь!

Во время Второй мировой войны по Голливуду ходило его высказывание: «Любой сценарист „Коламбиа“, который уволится, чтобы пойти в армию, – подлый трус».

В молодости Гарри Кон жил в Нью-Йорке и работал на трамвае вместе с лучшим другом Гарри Руби. Кон был вагоновожатым, а Руби – кондуктором. Они были неразлучны.

Много лет спустя, уже живя в Голливуде, они отправились на двойное свидание и стали вспоминать о прежних временах. Кон уже управлял студией, а Руби стал известным песенником.

– Трамваи повторили судьбу динозавров, – заметил Руби. – А вот когда мы на них работали, было здорово. – И, обращаясь к девушкам, добавил: – Кстати, Гарри получал восемнадцать долларов в неделю, а я – двадцать.

Лицо Кона налилось краской.

– Это я получал двадцать, а ты восемнадцать! – прорычал он.

Больше они не виделись.

Я встречался с Коном на нескольких званых ужинах. Увидев меня впервые, он стал распространяться о том, какие бездарные ленивые животные эти сценаристы.

– Я заставляю их приходить на студию ровно в девять утра, как секретарей.

– Если воображаете, что таким способом можно получить хорошие сценарии, вам следует заняться другим бизнесом, – парировал я.

– Что вы можете знать об этом, черт возьми?

И тут завязался жаркий спор. При следующей встрече он сам подошел ко мне: очевидно, подобные схватки ему нравились. Он даже пригласил меня на ленч.

– Прежде чем нанять продюсера, – объяснял он, – я всегда спрашиваю про его успехи в гольфе.

– Почему это вас интересует?

– Если он плохо играет в гольф, значит, не нужен мне. Мои продюсеры должны интересоваться только работой на меня.

В другой раз он сказал:

– Знаете, когда я стараюсь подписать контракт с известным режиссером? Когда его последняя картина не удалась. В этом

случае он стоит меньше.

Однажды, когда я был в его офисе, из переговорного устройства прозвучал голос студийного менеджера:

– Гарри, мне позвонила Донна Рид. Полк Тони посылают за океан, и Донна хочет побыть с ним в Сан-Франциско до отплытия.

Тони Оуэн, муж Донны, был продюсером.

– Она никуда не поедет! – отрезал Кон и снова заговорил со мной.

Через минуту послышался тот же голос:

– Гарри, Донна очень расстроена. Возможно, пройдет несколько лет, прежде чем она снова увидится с мужем. А сейчас она все равно ничем не занята.

– Я сказал «нет»!

Но менеджер осмелилась обратиться к нему в третий раз:

– Гарри, Донна в слезах. Она говорит, что все равно полетит.

– Вот и хорошо, – ухмыльнулся Кон. – Приостанови действие ее контракта.

Я ошарашенно уставился на него, гадая, с каким же монстром меня свела судьба.

Я прочел гениальный роман Джорджа Оруэлла «1984», предсказывающий судьбу коммунистической диктатуры в России на тридцать пять лет вперед. Из книги выйдет потрясающий сценарий!

Потом я решил создать бродвейский хит и послал Оруэллу письмо с просьбой продать права на постановку. Он согласился.

Я отправился к Дору Шари и сказал, что собираюсь написать пьесу по «1984». Дор, либерал по убеждениям, сказал:

– Я читал книгу. Мне понравилось, но она антисоветская. Вам не следовало бы этим заниматься.

– Дор, но у нас получился бы поразительный спектакль!

– Почему бы вам не написать Оруэллу, что, по вашему мнению, пьеса должна быть направлена не столько против Советского Союза, сколько против диктатуры вообще? Иными словами, речь может идти о любой стране.

Я немного поразмыслил.

– Знаете, вы правы, я так и сделаю.

Я написал Оруэллу, и он любезно ответил:

> «Дорогой мистер Шелдон!
>
> Огромное спасибо за письмо от 9 августа. Думаю, Ваше истолкование политической направленности книги весьма близко к тому, что хотел сказать я. О коммунизме речь идет скорее потому, что это доминирующая форма

тоталитаризма, но в основном я пытался представить, какие формы принял бы коммунизм, укоренившись в англоязычных странах, а не оставшись в границах Советского Союза. Я совершенно не собирался нападать на английских лейбористов или на плановую экономику как таковую. Не сомневаюсь, Вы это понимаете, но, к сожалению, некоторые американские журналисты использовали книгу как пророчество того, к чему может привести социализм в Англии».

Впоследствии Дор так завалил меня работой, что мне пришлось оставить идею постановки «1984».

Глава 21

Кеннет Маккенна поручил мне написать «Богатый, молодой, красивый», музыкальную комедию, в которой главные роли должны были играть Джейн Пауэлл, Даниель Даррье, Уэнделл Кори и молодой певец Вик Дамоне. Блестящий состав.

В пьесе шла речь о матери и дочери, неосторожно влюбившихся в одного и того же мужчину. Здесь требовались динамичное развитие сюжета и легкость изложения.

* * *

Однажды утром мне позвонил Жюль Штайн:

– Мы с Дорис должны сегодня ужинать у тебя. Не возражаешь, если я приведу кое-кого?

– Конечно, нет!

Поскольку мест все равно не хватало, я согласился с легкостью.

Вечером Жюль и Дорис представили мне красивого молодого человека.

– Знакомьтесь: Фернандо Ламас. Он будет сниматься в вашем кино.

Фернандо говорил с южноамериканским акцентом, а при ближайшем знакомстве оказался не только обаятельным человеком, но и большим интеллектуалом. Как-то его пригласили на «Шоу Джонни Карсона».[19] Карсон начал подшучивать над акцентом Ламаса, но Фернандо сумел достойно ответить:

– Если человек говорит с акцентом, это еще не значит, что он знает язык хуже вас.

Публика в студии зааплодировала.

В первый день съемок «Богатого, молодого, красивого» я пришел на площадку. Сценарий был написан мной в соавторстве с Дороти Купер, прекрасным сценаристом. Это был первый фильм Вика Дамоне, и тот, естественно, нервничал. Режиссером назначили Нормана Таурога, опытного старого профессионала.

– Готово? Начинаем! – крикнул Таурог.

Вик Дамоне растерянно осмотрелся.

– Простите, мистер Таурог, нельзя ли мне глоток воды?

Норман обжег его уничтожающим взглядом.

– Нет. Мотор!

Съемки начались.

Но больших сборов фильм не сделал. В том же году я написал еще одну музыкальную комедию – «Нэнси едет в Рио», где играли Энн Сотерн, Джейн Пауэлл и Барри Салливан.

Моей следующей работой был сценарий «Не задавайте вопросов» с Барри Салливаном, Арлин Дал и Джорджем Мерфи.

Один из директоров студии летел в Нью-Йорк и в самолете увидел заворожившую его стюардессу, Паг Уэллс, жизнерадостную, искрившуюся весельем девушку, и, когда стал расспрашивать о ее жизни, заинтересовался еще больше. Вернувшись домой, он предложил Дору сделать кино с главной героиней, похожей на Паг Уэллс. Так я получил новое задание.

Я работал с Рут Брукс Флиппен, одной из лучших сценаристок студии. Продюсером был Арманд Дейч, которого Дор привез с востока. Арманд, или Арди, как его звали окружающие, не имел никакого продюсерского опыта, но Дора впечатлял его интеллект.

Арди понравился мне с первой встречи. В отличие от большинства продюсеров, сухих и сдержанных, Арди был полон энтузиазма.

Я принялся за сценарий, решив усложнить биографию персонажа Паг Уэллс и ввести в действие не одного мужчину, а троих. Отсюда возникло название «Три парня по имени Майк».

Когда я показал Арди начало сценария, тот буквально запрыгал от восторга, после чего мне не терпелось показать ему новые страницы. Работать с Арди было легко и приятно. Просмотрев готовый сценарий, он объявил:

– Роль словно написана для Джейн Уиман.

– А мужчины?

– Вэн Джонсон, Говард Кил и Барри Салливан. Актерский состав моей мечты.

Арди получил актерский состав своей мечты. Съемки начались весной пятидесятого, и все шло хорошо, но по причинам, которые сейчас уже не припомнить, я решил тоже сыграть и потолковал об этом с Арди.

– Согласен, – кивнул он. – А какую роль?

– Не знаю. Пока еще не написал.

Я знал, как написать роль, которую не вырежут при монтаже. Секрет в том, чтобы сыграть персонажа, который будет рядом со звездой при ее первом появлении. Поскольку никто не может вырезать звезду, не вырежут и мой эпизод. Я написал себе маленькую роль садовника в сцене, где впервые появляется Барри Салливан.

Когда показывали отснятый за день материал, я бы отдал любые деньги, только бы не видеть этого. Я оказался ужасен.

Вскоре мне поручили написать сценарий «Только на этот раз» по великолепной оригинальной идее Макса Трелла о плейбое, проматывающем состояние. Душеприказчик был так обеспокоен, что нанял опекуна, которому поручил контролировать траты молодого человека. Опекун оказался красивой молодой женщиной.

Закончив сценарий, я подумал, что в этой роли Кэри Грант будет просто идеален. Студия послала сценарий Кэри, но тот отказался. Вместо него снялись Питер Лоуфорд, Дженет Ли и Льюис Стоун, игравший судью Харди в знаменитом сериале об Энди Харди.

Год спустя, когда картина вышла на экран, Кэри позвонил мне:

– Сидни, я хотел сказать, что вы были правы. Мне стоило сыграть эту роль.

По сей день «Только на этот раз» остается одной из моих любимых картин.

В феврале 1952 года Кеннет Маккенна вызвал меня к себе.

– Мы только что купили бродвейскую пьесу «Еще посмотрим».

Я читал рецензии. Пьеса, написанная талантливыми драматургами Говардом Линдсеем и Расселом Краузе, стала настоящим бродвейским хитом. По сюжету певица женского оркестра переезжает в многоквартирный дом, когда убивают ее богатого дядю. Вскоре убийца решает расправиться и с ней.

– Я поручаю сценарий вам, – сказал Маккенна.

– Хорошо, Кеннет, – кивнул я. На Кена он определенно не был похож.

– Отправляйтесь в Нью-Йорк посмотреть пьесу и познакомиться с продюсером Лиландом Хейуордом.

Лиланд Хейуорд!

У меня закружилась голова. Когда-то я побывал в его агентстве и видел список клиентов: Бен Хект, Чарлз Макартур, Нанелли Джонсон…

Хейуорд был продюсером таких фильмов, как «Старик и море», «Призрак Сент-Луиса» и «Мистер Робертс».

Я вылетел в Нью-Йорк на следующий день и в пути прочитал пьесу. Восхитительно!

Назавтра я обедал с Лиландом Хейуордом в отеле «Плаза». У него была репутация бонвивана. Он был женат три раза, на Памеле Черчилль, Маргарет Салливан и Нэнси Хокс. Все считались редкими красавицами. Он был обаятельным, седовласым человеком, всегда тщательно причесанным и

элегантно одетым.

Увидев меня, Лиланд поднялся из-за стола и кивнул:

– Рад познакомиться.

Я не видел смысла напоминать ему, что двенадцать лет назад был его клиентом, получавшим не больше семнадцати долларов в неделю.

За обедом мы вели остроумную и интересную беседу. Разговор коснулся пьесы. Хейуорд пообещал, что я сегодня же ее увижу, и сдержал слово.

Состав был превосходным: Джеки Купер, Гарри Шоу Лоу, Маделайн Морка и Дженис Пейдж, а также два пока еще не слишком известных актера – Фрэнк Кампанелла и Осси Дэвис, которые позже сделали блестящую карьеру.

Как я и ожидал, вечер прошел прекрасно.

Я вернулся в Голливуд, через три месяца закончил сценарий и отдал продюсеру Артуру Хорнблоу. Ему сценарий понравился, и он пообещал сразу же запустить его в производство.

– Каких актеров предполагаете снимать? – спросил я.

– Студия заключает контракт с Джун Эллисон и Вэном Джонсоном.

– Прекрасный выбор.

Несколько дней спустя позвонил Дор:

– Роль Бенджамена Гудмена прямо создана для Луиса Колхерна.

– Согласен. Он одаренный актер.

– Только вот одна проблема…

– Какая именно?

– Он отказался. Решил, что роль слишком мала.

Что ж, Луис был прав.

– Вы с ним друзья, – продолжал Дор. – Уговорите его! Мы все выиграем, если сниматься будет он.

Я решил выполнить просьбу Дора и на следующий вечер пригласил Колхерна поужинать в ресторане. Он окинул взглядом зал и заявил:

– Надеюсь, никто не увидит меня в твоем обществе. Это испортило бы мою репутацию. Следовало надеть маску.

– Насколько я понял, ты отказался от роли Бена Гудмена, – без предисловий начал я.

– И ты называешь это ролью? – фыркнул он. – Кстати, твой сценарий мне понравился.

Я решил идти напролом:

– Луис, картина будет иметь большой успех, и я хочу, чтобы ты в ней участвовал. Твой герой очень важен для сюжета. Без тебя

фильм будет не тот. Вот увидишь, это благотворительно скажется на твоей карьере. И тебе это будет полезно.

Следующие полчаса я продолжал играть роль Отто и наконец уломал Колхерна.

– Ладно, ты прав, – согласился он. – Я берусь за эту роль.

К сожалению, фильм не принес особенно высоких сборов, да и рецензии были всего лишь доброжелательными, так что на карьеру Колхерна это не слишком повлияло.

Раз в год международные дистрибьюторы и представители кинотеатров, получивших право проката фильмов «МГМ», приглашались в Калвер-Сити, где им сообщалось о будущих проектах. Для студии это событие всегда было волнующим. Представители более чем двенадцати стран собирались на огромной съемочной площадке, чтобы услышать о новых фильмах.

Перед присутствующими выступил Дор.

– Этот год будет одним из лучших для нас, – пообещал он и после короткой речи стал читать список снимающихся на студии фильмов, называя звезд, режиссеров и сценаристов.

Позже мне рассказывали, что следом он назвал мой фильм:

– «Богатый, молодой, красивый». Сценарий Сидни Шелдона.

Далее перечислялось еще несколько фильмов. Затем:

– «Нэнси едет в Рио», сценарий Сидни Шелдона. «Вопросов больше нет», сценарий Сидни Шелдона. «Три парня по имени Майк», сценарий Сидни Шелдона.

В публике раздались смешки.

Шари поднял глаза от списка:

– Похоже, Шелдон в этом году написал почти все сценарии.

В тот же день он пригласил меня к себе.

– Как насчет того, чтобы стать продюсером? – спросил он.

– Никогда об этом не думал.

– Что ж, пора подумать, потому что с сегодняшнего дня вы продюсер.

– Не знаю, что и сказать, Дор.

– Вы это заслужили. Удачи.

– Спасибо.

Я вернулся в офис. Подумать только, в тридцать четыре года у меня уже «Оскар» и должность продюсера на самой большой студии в мире!

В такой момент я должен был ликовать, но не испытывал ничего, кроме сосущей тоски. Я мало знал о работе продюсера. Дор сделал огромную ошибку. Я не сумею с этим справиться. Нужно позвонить Шари и сказать, что я не смогу принять эту

должность. Он, скорее всего, меня уволит, и придется искать работу.

Ночью я безуспешно пытался уснуть. В полночь пришлось одеться и пройтись. Я думал обо всем, что произошло со мной за эти годы. Вспоминал, как Отто попросил меня погулять с ним. Это он говорил, что каждый день похож на страницу книги, полной удивительных сюрпризов.

Жизнь… полна тайн и неопределенности. Держит в напряжении. И ты никогда не узнаешь, что будет дальше, пока не перевернешь страницу.

Проснувшись утром, я решил по крайней мере попробовать спродюсировать картину. Если ничего не получится, всегда смогу снова стать сценаристом.

Придя на студию, я обнаружил, что меня перевели в офис побольше. И узнал также, что быть продюсером на «МГМ» очень просто. Сценарный отдел, имевший связь со всеми издателями, посылал каждому продюсеру синопсис только что вышедшей книги, а также пьесы и проекты, приходящие прямо на студию. Все, что требуется продюсеру, – выбрать лучший.

Затем продюсерам представляли списки сценаристов, готовых работать для них. Когда сценарии были закончены, начиналась работа отдела кастинга. Он давал продюсерам списки звезд и режиссеров. Продюсеры могли выбирать кого угодно.

Последним этапом был Бенни Тау, который заключал контракты с агентами сценаристов, звезд и режиссеров. Продюсеры «Метро» в буквальном смысле сидели в своих офисах и только нажимали кнопки. Легче легкого!

Я по-прежнему давал званые ужины. Друзья, актеры и режиссеры, с которыми я работал, заполняли мою скромную хижину, и там всегда царило веселье. Как-то раз я решил устроить музыкальный вечер и пригласил самых талантливых музыкантов и композиторов в Голливуде – успешных, состоявшихся и сделавших блестящую карьеру. Среди моих гостей были:

Альфред Ньюмен, которого мы звали Паппи. Коротышка с огромным талантом. Его номинировали на «Оскара» куда чаще, чем других композиторов, и награждали девять раз. Он написал музыку более чем к двумстам кинофильмов, включая «Называйте меня мадам» и «Король и я».

Виктор Янг, которого двадцать два раза номинировали на «Оскара». Он написал музыку к «Волшебнику из страны Оз», «Тихому человеку», «Вокруг света за восемьдесят дней» и

«Шейну».

Дмитрий Темкин, написавший музыку к «Потерянному горизонту», «Этой удивительной жизни», «В самый полдень» и многим другим картинам.

Джонни Грин, автор более чем дюжины песен-хитов, таких как «Из ниоткуда», «Теперь ты моя», «Я хожу по песку». Но он писал и музыку для кинофильмов.

Бронислав Кайпер, написавший музыку к «Трем парням по имени Майк», «Зеленым особнякам», «Баттерфилду, 8» и «Тетушке Мейм».

Андре Превин, композитор, прославившийся как дирижер оркестров, исполнявших музыку к фильмам «Шелковые чулочки», «Целуй меня, Кэт», «Моя прекрасная леди», «Порги и Бесс» и «Жижи».

Состав моих гостей на этот раз был достаточно впечатляющим. Моей девушкой в тот вечер была молодая актриса, жившая в мотеле на другой стороне улицы.

После ужина мы все собрались в гостиной, и я, решив развлечь гостей, уселся за маленький спинет и объявил:

– Я беру уроки музыки, получая указания по почте. Новая система обучения, видите ли. Учат играть по цифрам.

Я начал играть. Все почтительно молчали. Но тут моя девушка неожиданно прошептала:

– Сидни, прости, что прерываю, но завтра с утра у меня съемки.

Я поднялся.

– Провожу тебя до мотеля, Дженет, – кивнул я и, обратившись к гостям, добавил: – Сейчас вернусь.

Дорога до мотеля и обратно заняла не более пяти минут. Вернувшись, я хотел вновь сесть за спинет и закончить песню. Но инструмента уже не было! Мои гости выкатили его в кабинет.

Зависть – ужасное чувство!

Глава 22

Теперь, когда я стал продюсером, в мой офис поступали горы литературного материала: пьесы, сценарии, новеллы и даже синопсисы романов. Но мне все не нравилось. Я твердо решил, что моя первая картина станет чем-то выдающимся.

Через три недели после моего назначения мне позвонила секретарь Шари и сказала, что босс хочет меня видеть.

– Скажите, я сейчас приду.

Через десять минут я уже был в кабинете Шари.

Тот, немного поколебавшись, сообщил:

– Мне звонил Гарри Кон.

– И что?

– Он просил разрешения заключить с вами контракт. Хочет, чтобы вы стали директором производственного отдела «Коламбиа пикчерз».

– Но я понятия не имел, что он… – потрясенно произнес я.

– Я говорил с мистером Мейером, и мы решили отказать Кону по двум причинам. Во-первых, мы очень довольны вашей работой. И во-вторых, мы считаем, что Гарри Кон вас сломает. С ним чрезвычайно сложно работать. Я перезвонил Кону и сказал о нашем решении. – Он выжидающе взглянул на меня: – Последнее слово за вами.

Мне нужно было о многом подумать. Кон предлагал самую престижную работу в Голливуде. С другой стороны, Шари и Мейер, вероятно, были правы относительно работы на него. Я вспомнил сцену в офисе Кона. Тогда Донна Рид пыталась уехать к мужу, которого посылали за океан, а Гарри отказался ее отпустить. Неужели я готов тратить время на стычки с подобным человеком?

Я принял решение:

– Дор, я счастлив работать на вас.

– Вот и хорошо, – улыбнулся он. – Мы не хотим вас терять.

В моем офисе уже ждал Харрис Кэтлмен, сотрудник лучшего голливудского агентства.

– Я слышал, что Гарри Кон приглашает вас управлять «Коламбиа пикчерз».

Ничего не скажешь, новости разносятся молниеносно!

– Так и есть. Дор только сейчас мне сообщил.

– Наше агентство хотело бы представлять вас, Сидни. Мы могли бы составить самый выгодный контракт, и…

Я покачал головой:

– Я ценю ваше предложение, Харрис, но решил отказаться от должности.

Харрис крайне удивился:

– Никогда не слышал, чтобы кто-то отказывался от возможности управлять студией.

– А теперь слышите.

Он долго пытался придумать, что сказать, но так и не нашел слов.

Я не мог не задуматься, какой бы была моя жизнь, прими я предложение Кона. Как же высоко я поднялся!

И тут на память пришел охранник у ворот «Коламбиа».

Я хочу быть сценаристом.

Вам назначено?

Нет, но…

В таком случае не могу вас пропустить.

Но должен же быть кто-то, к кому я…

Только если вам назначено.

…Гарри Кон… Хочет, чтобы вы стали директором… «Коламбиа»…

Вскоре после этого разговора я обедал в столовой студии. За соседний столик сели За-За Габор и прелестная молодая брюнетка. Я познакомился с За-За несколькими месяцами раньше и считал ее весьма забавной особой. Она и ее сестры, Эва и Магда, уже были легендами Голливуда. Приехав из Венгрии, они быстро завоевали репутацию эксцентричных, талантливых женщин. Но в тот момент меня больше интересовала спутница За-За.

Наскоро закончив обед, я подошел к их столику:

– Привет, За-За.

Мы обменялись традиционным поцелуем, чмокнув воздух около щек.

За-За повернулась к молодой женщине:

– Знакомьтесь: Джоджи Картрайт, прекрасная молодая актриса. Это Сидни Шелдон.

– Здравствуйте, – вежливо кивнула Джоджи.

– Садитесь, дорогой.

Я сел и обратился к Джоджи:

– Значит, вы актриса? В каких фильмах снимались?

– В разных, – ушла она от ответа.

Такая реакция поразила меня. Актрисы обычно стремятся показать себя перед продюсерами с лучшей стороны.

Я присмотрелся к девушке. В ней было нечто притягательное.

Красавица с классическими чертами лица и глубокими умными карими глазами. И голос необычный, грудной, чуть хрипловатый.

– Почему бы вам не заглянуть в мой офис после обеда? – предложил я.

– С удовольствием, дорогой.

Джоджи ничего не ответила.

По пути к себе я заглянул к сценаристу Джерри Дэвису, своему близкому другу.

– Джерри, я только что встретил женщину, на которой собираюсь жениться.

– Кто она? Может, познакомишь?

– О нет, не сейчас. Не хватало мне еще соперника!

Минут через пятнадцать пришли обе дамы. Я пригласил их садиться, и мы немного поболтали. Наконец я сказал:

– Джоджи, если вы ни с кем не встречаетесь, не хотите ли как-нибудь поужинать со мной? Давайте я запишу ваш телефон.

– К сожалению, я очень занята! – отрезала она.

За-За в ужасе уставилась на нее:

– Не будь дурой, дорогая! Сидни – продюсер.

– Простите, но меня не интересуют… – начала Джоджи. За-За тут же перебила ее и дала мне номер телефона. Джоджи, явно расстроенная, негодующе уставилась на нее.

– Это всего лишь ужин, – заверил я. – Я вам позвоню.

– Была рада познакомиться, мистер Шелдон, – сухо ответила она, поднимаясь. В комнате словно повеяло холодом.

Похоже, не все мне удается…

Я не поленился узнать, где снималась Джоджи. Список оказался длинным. Она появлялась на телевидении, во многих фильмах и на Бродвее. В то время она только что сыграла роль Стелл в пьесе Теннесси Уильямса «Трамвай „Желание“». Критики были в восторге.

«Нью-Йорк таймс» писала: «Джоджи Картрайт превосходна. Сумев проникнуть в суть роли, она светится теплом, нежностью и пониманием».

Кроме того, она прекрасно сыграла в фильме «Полустанок» и десятке популярных телевизионных фильмов.

Наутро я позвонил Джоджи и пригласил на ужин.

– Простите, я занята, – коротко ответила она.

Следующие четыре дня я продолжал звонить, но результат оставался тем же.

На пятый день я сказал:

– В пятницу я даю званый ужин. Приедут самые известные продюсеры и дирижеры. Думаю, для вашей карьеры будет полезно с ними встретиться.

Последовала долгая, очень долгая пауза.

– Хорошо, – обронила она наконец.

У меня было ощущение, что Джоджи согласилась лишь потому, что мы не будем наедине.

Теперь оставалось устроить ужин с известными продюсерами и режиссерами.

Каким-то образом мне это удалось. Те продюсеры и режиссеры, которые собрались у меня, видели работы Джоджи и рассыпались в похвалах.

В конце вечера я спросил ее:

– Надеюсь, вы хорошо провели время?

– Да. Спасибо.

– Я отвезу вас домой.

Она покачала головой:

– У меня своя машина. Еще раз спасибо за прекрасный вечер. – Она направилась к двери.

– Подождите! – окликнул я. – Может, все-таки поужинаете со мной?

Немного подумав, она кивнула:

– Хорошо.

Особого энтузиазма в ее голосе не слышалось.

Наутро я позвонил ей:

– Надеюсь, вечером вы свободны? Поужинаем вместе.

Она впервые согласилась.

– Я заеду за вами в половине восьмого.

Так все и началось.

Мы обедали в «У Чейзена». По опыту я знал, как скучно беседовать с актрисами. Диалог чаще всего превращался в монолог, состоящий из фраз: «Тогда я сказала режиссеру…», «Я объяснила оператору…», и «Мой партнер…». Словом, сплошной шоу-бизнес. Но с Джоджи все было по-другому. О шоу-бизнесе даже не упоминалось. Она рассказывала о семье и друзьях. Выяснилось, что она родом из маленького городка Мина, штат Арканзас, и у нее там остались корни. Словом, она была полной противоположностью любой моей знакомой актрисе.

Когда ужин подходил к концу, я спросил:

– Джоджи, почему вы так неохотно согласились поужинать со мной?

– Хотите правду? – поколебавшись, спросила она. – У вас репутация большого любителя женщин. Не желаю быть очередным номером в вашем списке.

– Вы вовсе не очередной номер. Почему бы вам не дать мне шанс?

Мы стали встречаться. И чем больше я узнавал ее, тем отчетливее сознавал, что влюблен. У Джоджи было редкостное, отточенное чувство юмора, и мы много смеялись, хотя ее шутки иногда бывали довольно злыми. С каждым днем мы становились все ближе.

На четвертый месяц нашего знакомства я обнял ее и сказал:

– Давай поженимся.

На следующий день мы сбежали в Вегас.

Я попросил Натали и Марти приехать в Голливуд, чтобы познакомиться с Джоджи, и они сразу поладили. Натали засыпала Джоджи вопросами, после чего решила, что безумно рада за меня.

Я собирался повезти Джоджи в свадебное путешествие в Европу, а пока купил небольшой дом в Беверли-Хиллз, около каньона Колдуотер.

Отто и его жена Энн жили в Лос-Анджелесе, и, когда я сообщил новости о своей женитьбе, он хлопнул меня по плечу и воскликнул:

– Наконец-то! Я скажу тебе, что собираюсь делать. В качестве свадебного подарка сделаю обшивку твоего дома.

В последнее время Отто занимался тем, что обшивал дома алюминиевым профилем. Подарок был весьма щедрым, если учитывать дороговизну материала.

– Потрясающе! Большое спасибо, Отто.

Я сказал Кеннету Маккенне, что беру трехмесячный отпуск, и вместе с Джоджи отплыл в Европу. Это был волшебный медовый месяц, включавший поездку в Лондон, Париж, Рим и одно из моих самых любимых на свете мест – Венецию. Я еще никогда не был так счастлив. Темные тучи развеялись.

Наконец наступило время возвращения. В Лос-Анджелесе нас уже ждал Отто.

– Думаю, тебе понравится это, – объявил он, показывая на дом, сиявший великолепной алюминиевой обшивкой. – И я скажу тебе, что собираюсь делать, – великодушно добавил Отто. – Я собираюсь дать тебе хорошую скидку.

Джоджи много снималась на телевидении, переходя из одного популярного сериала в другой. Как-то она увидела во сне, что произносит страстную речь, призванную спасти жизнь человека, которого собирается линчевать толпа. Проснувшись, она села в постели и, вспомнив свою великолепную речь, громко завершила ее.

Поздней весной 1952 года я нашел на «МГМ» сюжет своего будущего фильма. Рассказ Алфреда Левитта назывался «Жена его

мечты». Основной темой была война полов. Речь шла о холостяке, помолвленном с прелестной служащей госдепартамента, которая была настолько занята нефтяным кризисом на Ближнем Востоке, что никак не находила времени выйти замуж. Герой, решив, что с него довольно, собирается жениться на прекрасной молодой принцессе, которую встретил на Ближнем Востоке, но тут по причине мирового нефтяного кризиса и начинаются сложности.

Я попросил начинающего сценариста Герберта Бейкера поработать со мной над сценарием. На главную роль я прочил Кэри Гранта, хотя знал, как тот занят.

Я полностью погрузился в работу над проектом и не замечал, как летит время. Однажды я засиделся на студии и мне в голову пришла блестящая идея. Я поднял трубку и позвонил Бейкеру:

– Немедленно приезжайте. У меня новый поворот сюжета, который вам понравится.

Я повесил трубку и продолжал работать.

Шло время, а Бейкер все не показывался. Я решил снова ему позвонить. Но, потянувшись к трубке, взглянул на часы.

Четыре утра.

Когда сценарий «Жена его мечты» был наконец закончен, я приступил к кастингу.

– Кого вы хотите взять? – спросили меня в отделе кастинга.

Я ни секунды не колебался:

– Мечтаю о Кэри Гранте и Деборе Керр.

– Посмотрим, что можно сделать.

Сценарий был отослан Кэри, и через пять дней я получил ответ:

– Кэри сценарий понравился. Он берется за роль.

Я был счастлив.

– Он дал нам список режиссеров, с которыми хотел бы работать. Я прямо сейчас начну их обзванивать.

Но следующий день принес плохие новости.

– Все режиссеры из списка Кэри заняты на других фильмах. Почему бы вам не поговорить с ним?

Я пригласил Кэри на ленч.

– Кэри, у нас проблема. Режиссеры, которых вы перечислили заняты. Что прикажете делать нам?

Кэри долго думал, прежде чем ответить:

– Я знаю, кто должен ставить картину.

– Кто?

– Вы.

– Я?! – Я покачал головой. – Кэри, я никогда не ставил фильмов!

– Зато я знаю, как у вас мозги работают. Я хочу, чтобы вы ее

ставили.

Ничего не скажешь, для меня этот год наверняка будет лучшим в жизни! Насколько высоко может взлететь лифт?

Я отправился к Шари.

– Дор, Кэри хочет, чтобы я ставил «Жену его мечты».

Шари кивнул:

– Он уже звонил. Если он так пожелал, прекрасно. Вы режиссер.

Для меня это было настоящим чудом. Совсем недавно я был билетером и видел великолепных, недосягаемых звезд только на экране. А сейчас стал сценаристом, продюсером, а теперь еще и режиссером, я соприкасаюсь с их жизнями точно так же, как они соприкасаются с моей.

Я был вне себя от счастья. Наконец-то я войду в круг тех талантливых режиссеров, которые работали с Кэри: Альфреда Хичкока в «Подозрении» и «Дурной славе», Джорджа Кьюкора в «Празднике» и «Филадельфийской истории», Лео Маккэри в «Ужасной правде» и «Однажды в медовый месяц» и Говарда Хоукса в «Воспитании Крошки» и «Его девушке Пятнице».

Я поднялся.

– Минутку, Сидни! – окликнул Дор. – Получается, вы сценарист, продюсер и режиссер этого фильма. Слишком всего много. Вам это совсем ни к чему.

Я с недоумением пожал плечами:

– Что вы имеете в виду?

– Обозначьте продюсером меня. Ну, что скажете?

Мне было совершенно все равно.

– Договорились, – кивнул я.

Это обстоятельство едва не погубило мою карьеру.

Мы начали кастинг. Уолтер Пиджин был назначен на вторую роль, но мы никак не могли найти актрису на роль восточной принцессы. Я услышал о некоей Бетте Сент-Джон, которая сейчас была в Лондоне и играла главную роль в «На юге Тихого океана».

Я вылетел туда, чтобы провести пробы. Бетта идеально подходила для роли, и я подписал с ней контракт. Вернувшись на студию, я нашел записку с сообщением, что звонил Гарри Кон. Я немедленно связался с ним.

– Шелдон, насколько мне известно, вы собираетесь ставить фильм с Кэри Грантом.

– Совершенно верно.

– Будьте осторожны.

– Вы это о чем?

– Кэри Грант – настоящий убийца. Он любит во все

вмешиваться. Как думаете, почему он просил именно вас поставить фильм?

– Потому что считает меня…

– Он вас подставляет. Решил, что с неопытным режиссером можно вытворять все, что в голову взбредет. Помните это, Шелдон: у картины может быть только один режиссер. Скажите это ему.

Я, разумеется, не собирался делать ничего подобного.

– Спасибо, Гарри.

На следующий день Кэри должен был прийти ко мне на ленч. Все это время я обдумывал, что ему сказать: «Я хочу поблагодарить вас за искреннюю дружбу… Я хочу поблагодарить вас за веру в меня… Я хочу поблагодарить вас за предоставленную возможность… Я рассчитываю на вашу помощь… Я знаю, что вы не позволите мне выставить себя дураком… Мне не терпится начать работать с вами…»

В комнату вошел улыбающийся Кэри:

– Говорят, вы нашли нашу принцессу в Лондоне?

– Да. Роль прямо для нее написана.

Кэри сел, и я вдруг услышал собственный голос:

– Я должен поговорить с вами. У картины может быть только один режиссер, и я хочу, чтобы это было ясно с самого начала.

Поверьте, я вовсе не собирался высказывать подобное одной из самых ярких звезд в мире и к тому же своему другу.

Иногда ни с того ни с сего теряешь контроль над своими словами и поступками.

Кэри мог бы за десять секунд убрать меня из картины.

Он долго молча смотрел на меня, прежде чем, к моему величайшему изумлению, ответить:

– Договорились.

Как бы не так!

Неприятности начались еще до съемок.

Как-то Кэри пришел на площадку, остановился перед декорацией и покачал головой:

– Знай я, что это будет так выглядеть, никогда бы не согласился на эту роль.

Когда я вычеркнул из сценария три ненужные реплики, Кэри объявил:

– Знай я, что эти реплики будут вычеркнуты, никогда бы не согласился на эту роль.

Обозрев специально сшитые для него костюмы, он тяжело вздохнул:

– Знай я, что меня заставят носить такое, никогда не согласился бы на эту роль.

В ночь перед началом съемок мне позвонила Дебора Керр:

– Сидни, Кэри сказал, что мы с ним должны объединиться против тебя. Я ответила, что не сделаю этого.

– Спасибо, Дебора.

Во что я впутался?!

Когда начались съемки, Кэри испортил первую сцену.

– Стоп! Дубль второй! – крикнул я.

– Никогда не говори «стоп», пока я не закончил сцену! – набросился на меня Кэри.

Он так кричал, что каждый на площадке мог его слышать. Примерно то же самое продолжалось весь день, и в конце концов я сказал своему помощнику:

– Это последняя сцена. Я отказываюсь снимать. Пусть ищут другого режиссера.

– Невозможно. Наберитесь терпения. Кэри скоро успокоится.

Так и вышло, но каждый день он так или иначе испытывал меня на прочность.

В сцене между Кэри и Деборой ее героиня объясняла, что не может поужинать с женихом, поскольку должна срочно вылететь на Ближний Восток по делам госдепартамента. Дебора проговорила первую реплику и начала смеяться.

– Стоп, – сказал я. – Попробуем еще раз.

Камера заработала.

– Извини, я не смогу с тобой поужинать, – сказала Дебора. – Мне нужно ехать… – Она рассмеялась.

– Стоп.

Я подошел к ним:

– В чем проблема?

– Абсолютно ни в чем, – откликнулся Кэри с невинным видом.

– Ладно. Тогда играем сцену со мной.

Мы начали сцену.

– Прости, что не могу поужинать с тобой, но…

Кэри так пристально смотрел мне в глаза, что я невольно рассмеялся.

– Кэри, перестань. Давайте снимать.

– Хорошо, – кивнул он.

Сцена была сыграна с первого дубля. И вообще я остался доволен результатами этого дня. Дебора была невероятно талантлива, и они с Кэри прекрасно сыгрались.

Кэри был женат на молодой актрисе Бетси Дрейк, с которой снимался в одном фильме. Каждый вечер, покидая площадку, мы знали, что Бетси и Джоджи уже нас ждут. Кэри брал руку Джоджи

и начинал жаловаться на меня. Я брал руку Бетси и принимался жаловаться на Кэри.

Как-то, снимаясь в сцене с Уолтером Пиджином, Кэри стал двигать бровями, как Граучо Маркс.[20]

– Стоп! – крикнул я. – Кэри, что ты делаешь?

– Играю сцену! – притворно удивился он.

– Перестань двигать бровями!

– Хорошо.

– Мотор!

Все началось сначала: и реплики, и брови. Это было так забавно, что меня трясло от смеха. Я стоял за камерой и вовсе не хотел испортить сцену. Пришлось прикусить ладонь, чтобы громко не рассмеяться. Я не издал ни звука, но в середине сцены Кэри, стоявший ко мне спиной, повернулся и сказал:

– Сидни, если будешь так смеяться, я не смогу играть.

В конце концов мы достигли некоторого перемирия. Мы слишком любили друг друга, чтобы враждовать бесконечно.

Однажды на площадке появился Элвис Пресли. Тогда он был на пике популярности, и я не знал, чего ожидать. Но Пресли оказался на удивление вежливым и скромным человеком. Сплошные «мистер Шелдон», «да, сэр» и «нет, сэр». Все были им очарованы.

Дальнейшая его жизнь превратилась в кошмар. Он принимал наркотики, испортил голос и чудовищно растолстел.

Когда он умер, какой-то циник сказал:

– Неплохой карьерный ход.

После окончания съемок мы с Кэри отправились обедать.

– Сидни, – сказал он, – когда захочешь снять меня, только скажи. Я даже не буду читать сценарий.

Мне невероятно польстили эти слова суперпопулярного актера, за которого дрались студии.

Дор и остальные директора увидели фильм и были вне себя от восторга.

– У меня для вас новости, Шелдон, – сообщил Дор. – «Радио-Сити мюзик-холл» согласился показать картину.

Такого я не ожидал! Каждый режиссер мечтал провести премьеру в этом престижном кинотеатре, и моя первая картина будет показана там!

– Я горжусь вами, – добавил Дор. – Прекрасная работа.

– Джентльмены, мы получили хит, – объявил Эдди Манникс.

– Да, и это требует большой рекламной кампании, –

согласился Говард Стриклинг, глава рекламного отдела.

– В таком случае начнем, – улыбнулся Дор.

Лифт был на верхнем этаже. Отныне все пойдет как надо!

Глава 23

Как-то на торжественном ужине меня посадили рядом с Граучо Марксом.

– Я Сидни Шелдон, – кивнув, представился я.

Он ответил негодующим взглядом, буркнул «нет» и принялся за креветочный коктейль.

– Что значит «нет»? – удивился я.

– Вы самозванец. Я знаю Сидни Шелдона. Он выше, красивее вас и к тому же классный жонглер. А вы можете жонглировать?

– Нет.

– Вот видите.

– Мистер Маркс…

– И не называйте меня «мистер Маркс»!

– А как вы хотите, чтобы вас называли?

– Салли. Я читал кое-что из ваших вещей.

– Вот как?

– Да. Постыдились бы! – Он снова окинул меня взглядом. – Вы слишком тощий. Кем бы ни были, вы с женой просто обязаны прийти ко мне на ужин завтра. Восемь часов. И не опаздывайте!

Я познакомил Джоджи с Граучо, и они сразу понравились друг другу. Таким было начало нашей дружбы.

На приемах, устраиваемых Марксом, гости неизменно цитировали остроты хозяина:

«Я нахожу, что телевидение способствует образованию. Каждый раз, когда кто-то включает телевизор, я иду в другую комнату и начинаю читать книгу».

«Брак – прекрасный институт, но кто захочет жить в институте?»

Как-то он пришел к доктору. Красивая молодая медсестра сказала ему:

– Доктор примет вас сейчас. Следуйте за мной.

Граучо посмотрел на ее покачивающиеся бедра и ответил:

– Если я последую за вами, наверняка не попаду к доктору.

Мы часто виделись, и, когда узнали Граучо получше, я осознал, что многие совсем его не понимали. Когда он оскорблял людей, они считали это смешным и гордились, что стали объектами его шуток. Однако им было невдомек, что Граучо вовсе не шутил и действительно говорил, что думает.

У него было тяжелое детство. В семь лет его забрали из школы и с братьями послали на съемочную площадку. Братья Маркс вместе снялись в четырнадцати картинах, а Граучо, кроме того, еще в пяти.

Однажды мы шли по Родео-драйв, и к Граучо подбежал какой-то человек:

– Граучо, вы меня помните?

Маркс с обычным пренебрежительным видом хмыкнул:

– А что вы такого сделали, что я должен вас помнить?

Он вел очень популярное телешоу, продержавшееся на телевидении невероятно долго – одиннадцать лет – и названное «Ставка – жизнь». Каждый выпуск неизменно принимался на ура, причем никто не знал, что скажет ведущий в следующий момент.

Однажды гость программы сказал Граучо, что у него десять детей.

– Почему так много? – спросил тот.

– Я люблю свою жену.

– А я люблю свою сигару, но все же время от времени вынимаю ее изо рта, – нашелся Граучо.

Как-то одноклассница пригласила восьмилетнюю дочь Граучо Мелинду в загородный клуб. Девочки надели купальники и пошли в бассейн. Тут же подбежал управляющий и потребовал, чтобы Мелинда вышла из воды.

– Евреи сюда не допускаются, – добавил он.

Когда Мелинда с плачем прибежала домой, Граучо позвонил управляющему.

– Вы несправедливы, – попенял он. – Моя дочь только наполовину еврейка. Ничего, если она войдет в воду по пояс?

Граучо был женат на Иден Хартфорд, молодой актрисе, и однажды мы с Джоджи должны были с ними ужинать. Но оказалось, что и у Иден, и у Джоджи ранние съемки. Граучо позвонил мне:

– Значит, нас только двое? Как мне одеться?

– Граучо, – урезонил я, – мы идем в приличный ресторан. Не позорь меня.

– Не волнуйся, все будет в порядке.

Когда я заехал за ним и нажал кнопку звонка, дверь сразу распахнулась. На Граучо были юбка, блузка и туфли Иден на высоком каблуке. Я сделал вид, что ничего не замечаю.

– Не выпьешь чего-нибудь? – спросил он. Я кивнул.

Мы отправились в кабинет, где Граучо смешал коктейли. В дверь снова позвонили. К несчастью, он совершенно забыл, что договорился о встрече с каким-то телевизионным начальством. Ему ничего не оставалось, как открыть дверь и пригласить гостей в кабинет. Мы немного поболтали, после чего они ушли.

– Сейчас переоденусь, – проворчал Граучо.

И мы отправились ужинать.

В шоу-бизнесе существовала одна проблема: что говорить другу, если его пьеса или игра вам не понравилась. С годами выработалось несколько решений.

– Ты никогда не играл лучше…

– Вот это пьеса…

– У меня нет слов…

– Твоя фамилия должна красоваться на первых страницах…

– Никогда не видел ничего подобного…

– Все надолго запомнят этот вечер…

«Жена его мечты» должна была выйти на экраны через несколько месяцев, и я решил, что сейчас самое время повезти Джоджи в очередное европейское путешествие.

Джоджи не меньше меня радовалась поездке. Мы долго обсуждали, куда отправимся. Лондон, Париж, Рим…

Но в наши планы ворвался звонок. Это оказался Ладислаус Бус-Фекети, звонивший из Мюнхена. Я ничего не слышал от Лаци с тех пор, как пьесу «Элис сражается» сняли с постановки. За это время Керк Дуглас стал кинозвездой. Я был доволен, что неудача не помешала его карьере.

– Сидни! – воскликнул Лаци все с тем же венгерским акцентом. – Как поживаете? Мы с Марикой скучаем по вас.

– Все хорошо, Лаци. Я тоже скучал.

– Когда будете в Европе?

– Собственно говоря, мы выезжаем на следующей неделе.

– Прекрасно! Вы обязательно должны приехать в Мюнхен и навестить нас. Сумеете?

Я немного подумал.

– Конечно! Я хочу познакомить вас с Джоджи.

– Превосходно! Дайте знать, когда приедете.

– Обязательно.

Я повесил трубку и объяснил Джоджи:

– Это Ладислаус Бус-Фекети.

– «Элис сражается», – понимающе кивнула она.

Я рассмеялся:

– Тебе он понравится. И жена у него прелестная. А Мюнхен – чудесный город.

Прямо перед нашим отъездом позвонил Сэм Шпигель, один из самых красочных голливудских персонажей. Уроженец Австрии, он приехал в Голливуд продавать египетский хлопок. Он отбывал срок за мошенничество в бриктонской тюрьме. В

Голливуде Шпигель решил стать продюсером и изменил имя на Ш.П. Игл, после чего стал посмешищем всего города. Услышав новости, Дэррил Занук заметил:

– Я изменяю имя на З.А. Нук.

Но шуточки быстро прекратились когда Сэм Шпигель стал продюсером длинного списка фильмов-оскароносцев, включавшего «Лоуренс Аравийский», «В порту», и «Африканская королева».

Я встретился с ним на одной из его шикарных вечеринок, и мы быстро подружились.

Сэм пригласил нас поужинать и за столом сказал:

– Я слышал о зарубежном фильме, римейк которого, возможно, стоит сделать. Если будете в Париже, постарайтесь его посмотреть и выскажите мне свое мнение.

Через три дня мы вылетели в Нью-Йорк, чтобы провести там несколько дней, прежде чем подняться на борт «Куин Мэри».

На Бродвее шло несколько интересных пьес: «Суровое испытание», «Чудесный город», «Пикник», «Семилетняя чесотка».

Входя в вестибюли различных театров, я испытывал острое ощущение дежа-вю. Некоторые пьесы шли в театрах, где когда-то ставили наши с Беном Робертсом пьесы. С тех пор произошло так много невероятных событий! И самым невероятным была премьера моей картины с Кэри Грантом в главной роли, в «Радио-Сити мюзик-холл».

Однажды мы пошли на спектакль «Суровое испытание», новую пьесу Артура Миллера, где играли Артур Кеннеди, Е.Г. Маршалл, Беатрис Стрейт и Маделайн Шервуд. Спектакль стал выдающимся событием в театральной жизни. Джоджи была очарована и, когда занавес упал, обратилась ко мне:

– Кто ставил пьесу?

– Джед Харрис. Он ставил «Дядю Ваню», «Кукольный дом», «Наш городок» и «Наследницу».

– Потрясающе! – воскликнула она. – Как бы я хотела работать с ним!

Я взял ее за руку.

– Только если ему так повезет.

Глава 24

На следующее утро мы отплыли в Лондон и пересекли океан без особых трудностей, не пережив ни одной бури. Казалось, это плавание было отражением моей теперешней жизни. Я женат на обожаемой женщине, работаю по контракту с лучшей студией Голливуда, занимаюсь любимым делом.

Когда корабль пришвартовался в порту, мы добрались до Лондона на лодке, провели там несколько дней, а потом отправились в Париж, где остановились в прекрасном отеле «Ланкастер» на рю де Берри. При отеле был живописный сад – туда подавали обеды и напитки.

Первым делом я позвонил в парижский офис «Юнайтед артистс» и поговорил с директором, мистером Бернсом.

– Мистер Шпигель предупредил, что вы позвоните, мистер Шелдон. Когда хотите посмотреть фильм?

– Не важно. В любое время.

– Как насчет завтрашнего утра? Скажем, в десять часов?

– Договорились.

Мы с Джоджи весь день бродили по городу, а вечером пошли ужинать в «Максим».

Утром, пока я одевался, Джоджи продолжала лежать в постели.

– В десять мы должны смотреть фильм, дорогая. Пора вставать.

Но она покачала головой:

– Я немного устала. Иди один. Я останусь в постели и отдохну. Не забывай, сегодня нам еще предстоит ужин и театр.

– Ладно, лежи. Я недолго.

Из «Юнайтед артистс» за мной прислали лимузин. В офисе меня приветствовал мистер Бернс, высокий мужчина с приятным лицом и густыми серебряными волосами.

– Рад познакомиться. Почему бы нам не пойти прямо в кинотеатр?

Мы вошли в большой зал, где, кроме нас, был только один человек, тощий, невзрачный коротышка. Единственной выдающейся чертой его внешности были глаза – блестящие, словно пронизывавшие собеседника. Нас познакомили, но я не расслышал его имени.

Картина началась. Это оказался французский вестерн, к тому же отвратительно поставленный. Я был уверен, что Сэм Шпигель вряд ли им заинтересуется.

Устав смотреть на экран, я отвернулся. Мистер Берн и мой

новый знакомый, сидевшие через проход, были погружены в беседу.

– …и я сказал Зануку: ничего из этого не выйдет, Дэррил… Гарри Уорнер пытался подписать со мной контракт, но он такой ублюдок… а за ужином Дэррил сказал мне… – трещал незнакомец.

Кто он такой, черт возьми?

Я подошел к ним.

– Простите, я не расслышал, как вас зовут.

Он посмотрел на меня и кивнул:

– Харрис. Джед Харрис.

Должно быть, моя улыбка была на удивление широкой.

– Я знаю кое-кого, кто умирает от желания познакомиться с вами.

– Правда?

– Чем вы сейчас заняты?

– Ничем особенным, – пожал он плечами.

– Не согласитесь ли поехать со мной в отель? Я хотел бы познакомить вас с женой.

– Конечно!

Уже через четверть часа мы были в саду «Ланкастера». Я позвонил Джоджи снизу:

– Привет!

– Привет! Вернулся? Как картина?

– Менее чем. Спускайся в сад. Пообедаем.

– Я не одета, дорогой. Может, закажем обед в номер?

– Нет-нет, ты должна спуститься. Я хочу познакомить тебя с одним человеком.

– Но…

– Никаких «но».

Джоджи наконец согласилась, и я торжественно представил ее Джеду:

– Это моя жена Джоджи. – И, взглянув на нее, медленно произнес: – Джоджи, это Джед Харрис.

Она просияла.

Мы уселись. Джоджи была счастлива познакомиться с самим Харрисом, и они битый час болтали о театре, прежде чем заказать ленч. Джед был само очарование. Безупречно вежлив, обаятелен и остроумен! Я чувствовал, что обрел нового друга.

Во время обеда он вдруг сказал:

– Ваша работа мне очень нравится. Как смотрите на то, чтобы написать для меня пьесу?

Писать пьесу, которую позже поставит Джед Харрис, означало, что мне предстояло работать с мастером.

– С удовольствием! – воскликнул я и, поколебавшись добавил: – Только, боюсь, сейчас у меня нет никаких идей.

– Зато есть у меня, – улыбнулся он и принялся рассказывать мне разные сюжеты. Я слушал, но неизменно говорил после каждого:

– Это меня не волнует.

Или:

– Не думаю, что это меня заинтересует.

Или:

– Это уже где-то было.

Наконец после полудюжины вариантов он изложил еще один, который мне понравился. Речь шла о женщине – эксперте по производительности труда, которая едва не разогнала всех служащих фирмы, куда была послана на проверку, но влюбилась и стала человечнее.

– Да, эту тему можно развить, – сказал я Джеду. – Но к сожалению, мы с Джоджи завтра уезжаем. Хотим попутешествовать по Европе.

– Без проблем. Я поеду с вами, и мы сможем работать над пьесой.

Я немного удивился, но все же согласился:

– Прекрасно.

– Куда вы направляетесь?

– В Мюнхен, повидаться с друзьями. Он венгерский драматург по имени…

– Ненавижу венгров. В их пьесах никогда не бывает второго акта, как, впрочем, и в их жизни.

Мы с Джоджи переглянулись.

– В таком случае, Джед, может, лучше…

Он поднял руки:

– Нет-нет, все в порядке. Я хочу сразу же начать работу над пьесой.

Джоджи взглянула на меня и кивнула.

Вот так все уладилось.

Мы разместились в мюнхенском отеле и позвонили Лаци и Марике. Они пообещали приехать, но мне было немного не по себе. Постоянно вспоминалось высказывание Джеда: «Ненавижу венгров. В их пьесах никогда не бывает второго акта, как, впрочем, и в их жизни».

Но оказалось, я зря беспокоился. Джед вел себя безупречно. Увидев Лаци, он вскочил, обнял его и воскликнул:

– Вы настоящий гений! Я считаю вас выше Молнара!

Лаци едва не покраснел.

– Вы оба очень талантливы, – продолжал Джед. – Знакомство с вами дня меня большая честь.

Мы с Джоджи снова переглянулись.

Лаци сиял.

– Я хочу повезти вас в знаменитый ресторан, где подают вина почти всех стран мира.

– Замечательно!

Джед пошел переодеться. А мы тем временем вспоминали былое и рассказывали друг другу о том, что произошло за время нашей разлуки.

Вскоре мы уже входили в элегантно обставленный ресторан на берегу реки Изар. Официант вручил нам меню, где действительно были перечислены вина со всего света.

– Какое вино вам принести? – спросил официант.

Не успели мы ответить, как Джед сказал:

– Мне пива.

Официант покачал головой:

– Прошу прощения, но у нас не подают пива. Только вино.

Джед злобно уставился на него и вскочил:

– Идем отсюда!

Я не верил своим ушам.

– Но, Джед…

– Немедленно уходим! Не желаю ужинать в таком месте, где не подают пива!

Красные от стыда, мы встали и вышли.

– Чертова немчура! – прорычал Джед.

Мы с женой пришли в ужас и, поскорее поймав такси, вернулись в отель, где поужинали.

У Лаци хватило великодушия извиниться перед Джедом:

– Мне очень жаль. Завтра вечером я поведу вас в заведение, где подают прекрасное пиво.

На следующий день мы приступили к работе над новой пьесой, проведя часть времени в саду, а часть – в номере. Я развивал сюжетные линии. Джед вносил предложения.

Вечером за нами заехали супруги Бус-Фекети.

– Вам там понравится, – заверил Лаци Джеда.

В ресторане нас усадили за столик, официант вручил меню.

– С чего собираетесь начать? – спросил он.

– Принесите вина, – потребовал Джед.

– Простите, сэр, мы подаем только пиво. Зато у нас почти все сорта, какие есть на свете…

Джед снова вскочил:

– Немедленно уходим отсюда, черт возьми!

– Джед, но я думал… – растерялся я.

– Пойдем. Я не останусь в убогой забегаловке, где не могу получить то, чего хочу!..

Он направился к двери. Мы пошли следом. Мистер Очарование на глазах превращался в монстра.

Утром, когда мы с Джоджи спускались в ресторан, нас остановил управляющий:

– Мистер Шелдон, не выделите мне минуту для разговора?

– Разумеется.

– Ваш гость очень груб с горничными и коридорными. Они расстраиваются. Не могли бы вы…

– Я поговорю с ним, – пообещал я и сдержал слово. Но Джед только плечами пожал:

– Эти люди слишком чувствительны! Господи помилуй, да это всего лишь горничные и коридорные!

Но Джоджи, как актриса, была заворожена талантом Харриса и продолжала расспрашивать его о театре. Как-то за ужином она сказала:

– Знаете, в «Суровом испытании» есть сцена, когда Маделайн Шервуд удаляется со сцены. Совершенно великолепный уход! Но какова была ее мотивация? О чем вы посоветовали ей думать?

Джед поднял глаза на Джоджи и сухо отрезал:

– О гонораре.

Больше мою жену он по имени не называл.

На следующий день мы уехали в Баден-Баден, дорогой курорт в центре земли Баден-Вюртемберг, на юго-западе Германии.

Джеду городок не понравился с первого взгляда.

Оттуда мы отправились в Шварцвальд, живописный горный массив на юго-западе Германии, протянувшийся на девяносто миль между реками Рейн и Неккар. Горы покрыты темными сосновыми лесами, перерезаны глубокими лощинами и небольшими озерами.

Джед возненавидел горы, как только их увидел.

Наконец мое терпение лопнуло, тем более что работа над пьесой почти не продвигалась. Вместо того, чтобы придумывать сюжетные линии, Харрис целиком сосредоточивался на сцене, которую мы писали, бесконечно придираясь к тому или иному слову.

– Мы возвращаемся в Мюнхен без него, – сказал я Джоджи.

– Ты прав, – вздохнула она.

Я просмотрел заметки к пьесе. Они показались мне весьма банальными.

Когда Джед, как обычно, пришел в мой номер, чтобы

возобновить работу над пьесой, я объявил:

– Джед, нам с Джоджи придется вернуться в Мюнхен. Мы вас покидаем.

– Ладно, – пожал он плечами, – я ведь и не собирался ставить эту пьесу.

Через несколько часов мы с Джоджи уже сидели в поезде, несшемся к Мюнхену.

Когда мы приехали в отель, я потянулся к телефонной трубке, чтобы позвонить Лаци, и позвоночный диск снова сместился. Я упал на пол, не в состоянии шевельнуться, и только стонал от боли.

Джоджи была вне себя от волнения.

– Я немедленно вызову доктора.

– Погоди, – остановил я ее. – Такое уже случалось раньше. Если поможешь мне лечь в постель, через день-другой все пройдет.

Жене удалось втащить меня на кровать.

– Позволь, я позвоню Лаци.

Лаци сразу приехал в отель.

– Простите, у меня были такие грандиозные планы, – расстроился я.

– Я могу вам помочь, – неожиданно сказал он.

– Но как?

– Я знаю одного человека, Пауля Хорна.

– Он доктор?

– Физиотерапевт. И вылечил немало знаменитостей. Они приезжают к нему со всего света. Он поставит вас на ноги.

Следующие два дня я провел в постели, а на третий день Лаци уже вводил меня в офис на Платенштрассе, 5, где работал Пауль Хорн. У него была внешность типичного чудака: высокий, тощий, с копной взъерошенных волос.

– Мистер Бус-Фекети рассказывал о вас. И часто подобное происходит? – спросил он.

Я пожал плечами:

– По-разному. Иногда дважды в неделю, иногда много лет все спокойно.

– Я могу вылечить вас, – кивнул он.

В моей голове зазвучала тревожная сирена. Лучшие американские доктора в дорогих больницах уверяли меня, что это невозможно.

Тяните с операцией, сколько можете. Когда боль станет нестерпимой, придется оперировать.

А ведь этот человек даже не имел диплома доктора!

– Вам придется остаться здесь на три недели, и каждый день я буду вас лечить. Семь дней в неделю.

Меня это не очень обнадежило.

– Н-не знаю, – протянул я. – Может, не стоит? Дома я еще раз пойду к доктору…

Лаци покачал головой:

– Сидни, этот человек исцелил немало сильных мира сего. Даже правителей других стран. Дай ему шанс.

Я оглянулся на Джоджи.

– Посмотрим.

Лечение началось на следующее утро. Я приходил и ложился на стол, под лампу, согревавшую спину в продолжение двух часов. Потом отдыхал и повторял процедуру. Так продолжалось весь день.

На второй день к лечению кое-что добавилось. Пауль Хорн помог мне улечься в гамак, изобретенный им самим и позволявший мышцам спины расслабляться. Я лежал в гамаке пять часов. Процедура повторялась каждый день.

Приемная офиса неизменно была забита людьми со всего света. Некоторые языки я даже не мог определить.

Через три недели, в последний день лечения, Пауль спросил:

– Ну, как вы себя чувствуете?

– Прекрасно.

Но я чувствовал бы себя прекрасно и без всяких процедур!

– Вы полностью излечились! – весело объявил он.

Я был настроен крайне скептически. Но Хорн был прав. За все последующие годы у меня не было ни одного приступа. Пауль Хорн оказался талантливее всех лечивших меня докторов.

Пора было ехать домой.

Я вернулся в «МГМ» как в родной дом.

– У меня для вас подарок, – объявил Дор. – Мы собираемся устроить предварительный показ вашего фильма в кинотеатре «Иджипшн». – Увидев мою широкую улыбку, он добавил: – Это будет наш великий день.

По старому обычаю для журналистов газет «Вэрайети» и «Голливуд рипортер» обязательно устраивались предварительные показы всех фильмов. Мы, затаив дыхание, ждали рецензий. Только они могли спасти или уничтожить картину.

Кинотеатр «Иджипшн» был полон людей, предвкушавших занимательное зрелище. Показ начался, и мы не отводили глаз от экрана, с радостью отмечая смех публики во всех полагающихся местах.

Джоджи сжала мою руку и прошептала:

– Это чудесно!

Когда в зале вспыхнул свет, раздались аплодисменты. Значит, у нас действительно получился хит!

Мы отправились праздновать успех в «Мюссо и Фрэнк» в ожидании появления рецензий в обеих газетах и держали пари, какая будет благосклоннее. Рано утром я вышел и купил газеты. Жена еще не встала, но, увидев, что я принес, заулыбалась.

– Читай вслух. Медленно. Я хочу насладиться обеими, – велела она.

Я протянул ей газеты:

– Читай сама.

Взглянув на мое лицо, она поспешно схватила газеты.

– Сначала «Вэрайети».

Вот выдержка из рецензии:

> «…тщательно продуманная экранная бессмыслица. Талантливые актеры помогли обыграть глупость сценария, придав ему необходимую динамику, но режиссер Сидни Шелдон чересчур часто превращал действие в фарс, и это неумелое руководство иногда отражается на игре актеров, особенно Кэри Гранта…»

> «…„Жена его мечты“ была снята под личным наблюдением Дора Шари, и Кэри Грант сумел сорвать смех и аплодисменты там, где в сценарии нет даже намека на шутку. Беспорядочная смесь утонченного юмора и откровенного фарса не поднимает картину выше довольно забавной комедии.
>
> Сидни Шелдон из кожи вон лез, чтобы создать комические ситуации, но не слишком преуспел в этом».

Критик «Голливуд рипортер» оказался еще безжалостнее – я был раздавлен.

Днем позвонил Говард Стриклинг, глава рекламного отдела «МГМ»:

– Сидни, у меня дурные новости. Мне приказали «убить» картину.

– О чем это ты? – потрясенно спросил я.

– Дор отказался устраивать премьеру в «Мюзик-холле». И никакой рекламной кампании. Пусть тихо скончается сама собой.

– Говард… но почему?

– Потому что в роли продюсера выступает Дор. Как глава студии, он приказывает другим продюсерам, что им снимать и что не снимать. Он не может позволить, чтобы его имя было связано с провалом, и поэтому «Жену его мечты» должны забыть

как можно скорее.

Я взбесился. Значит, ничего не будет: ни премьеры, ни интервью, ни прибылей. Корабль отплыл, и актеры и съемочная бригада утонули в море тщеславия Дора. Именно он предложил включить свое имя в титры и из-за этого теперь погубит картину.

Я позвонил Джоджи и рассказал о случившемся. Она ужасно расстроилась.

– Мне так тебя жаль… какой кошмар… – растерянно произнесла она.

– Джоджи, я не могу работать на подобного человека.

– Но что ты будешь делать?

– Уволюсь. Ты не против?

– Поступай, как считаешь нужным, дорогой. Я на все согласна.

Я отправился к Шари:

– Хочу разорвать контракт.

Человек, который всего несколькими месяцами раньше просил меня не принимать должность руководителя другой студии, спокойно сказал:

– Как угодно. Я поговорю с юристами.

На следующий день меня отпустили с «МГМ».

Я не особенно переживал. В конце концов, у меня уже есть «Оскар» и внушительный список удачных работ. Я был уверен, что любая студия в городе будет счастлива взять меня на работу.

Оказалось, я ошибался.

Лифт упал на дно шахты.

Глава 25

Я снял офис на Беверли-драйв. Узнав об этом, Граучо сострил:

– Ты, никак, собрался стать дантистом?

Я позвонил агенту, сказал, что готов рассмотреть предложения. И стал ждать звонков.

Как выяснилось, ждал я напрасно. В театре о драматурге судят по лучшей пьесе, независимо от того, сколько неудач у него было потом. А вот в Голливуде сценариста оценивают по последнему фильму, и не важно, сколько хитов он написал до этого. Мне вынесли вердикт по «Жене его мечты». К тому же я уволился в самое неподходящее время, когда кинобизнес переживал упадок. Запрет на контракты с «нагрузкой»[21] сильно повредил студиям.

Контракты с «нагрузкой» – практика, которую применяли студии, навязывая картины кинотеатрам. Если студия снимала фильм со звездой, владельцы кинотеатров, чтобы заполучить ленту, были вынуждены приобретать еще четыре фильма, похуже, то есть весь блок состоял обычно из пяти картин. Когда владельцы наконец подали в суд, правительство стало на их сторону.

Существовали и другие проблемы. Люди, истосковавшиеся в трудное военное время по развлечениям, сначала валом валили в кинотеатры. Теперь же, когда война закончилась, все стали более разборчивы. Да и кино постепенно вытеснялось телевидением, популярность которого стоила кинотеатрам огромных денег. Кроме того, если раньше большую часть доходов киношный бизнес получал за счет проката за рубежом, сейчас Англия, Италия и Франция уже снимали собственное кино, что тоже не способствовало улучшению обстановки.

Я впал в глубочайшую депрессию. Джоджи время от времени снималась в телефильмах, но ее гонораров было недостаточно, чтобы покрыть наши расходы. Слишком долго меня не волновали деньги, но теперь я стал семейным человеком, и ситуация в корне изменилась. Чем дольше я был не у дел, тем больше впадал во все более глубокое отчаяние. Шли недели, но мне никто не предлагал работу. Как сказала бы Натали: «Голливуд не способен распознать талант даже у себя под носом».

А вот Уильям Голдмен сказал иначе: «В Голливуде никто ничего не знает».

Кларк Гейбл был отвергнут «МГМ», «Фокс» и «Уорнер бразерс».

Дэррил Занук тогда заявил: «У него слишком большие уши. Похож на дикаря».

Кэри Грант тоже был отвергнут несколькими студиями: «У него чересчур толстая шея».

Директор по кастингу сказал о Фреде Астере: «Он не умеет играть, не умеет петь, умеет разве что немного танцевать».

Дина Дурбин была уволена «МГМ» и перешла на «Юниверсал» в тот же день, когда Джуди Гарланд, выброшенная «Юниверсал», перешла на «МГМ». Каждая актриса принесла своим новым студиям целое состояние.

Когда один из руководителей сети увидел «Звездный путь», единственным замечанием было: «Избавьтесь от этого идиота с острыми ушами».

Руководитель студии пытался продать «Высокую луну», посчитав ее провальной картиной. Никто не хотел ее покупать. Позже фильм стал самым успешным в истории «Юнайтед артистс».

Фрэнк Фримен, глава «Парамаунт», считал, что «Шейн» с Аленом Лэддом – провальная картина, и попытался продать фильм другим студиям. Все единодушно отказались покупать.

Фильм стал классикой кино.

Телефон наконец зазвонил. Это оказалась Джуди Гарланд:

– Сидни, я собираюсь делать римейк «Звезда родилась» и хочу, чтобы вы написали сценарий.

У меня подскочило сердце, но я постарался ничем не выказать волнения.

– Буду очень рад, Джуди. – Поколебавшись немного, я добавил: – Я только что поставил картину с Кэри Грантом и хотел бы поставить эту тоже.

– Интересная мысль, – оживилась Джуди.

Я был на седьмом небе. Вот когда я возьму реванш за кошмар с «Женой его мечты». Я немедленно позвонил агенту:

– Джуди Гарланд хочет, чтобы я написал сценарий и поставил римейк «Звезда родилась». Немедленно составляйте контракт.

– Хорошие новости!

Я принялся набрасывать план сценария. «Звезда родилась» считалась классикой, снятой много лет назад с Фредриком Марчем и Дженет Гейнор.

Подождав два дня, я снова позвонил агенту:

– Вы заключили контракт?

После долгого молчания он выдавил:

– Контракта не будет. Сид Лафт, муж Джуди, только что договорился с Моссом Хартом насчет сценария и с Джорджем

Кьюкором, который и будет ставить фильм.

Сценарист имеет преимущество по сравнению с актером или режиссером. Для того, чтобы актеры и режиссеры работали, нужно кому-то их нанять. А вот сценаристы и писатели могут работать в любое время и где угодно… при одном условии: если он или она уверены, что кто-то намеревается купить сценарий.

Я эту уверенность потерял. В Голливуде было полно штатных и внештатных сценаристов, но я не принадлежал к их числу. Я никому не был нужен.

Джоджи пыталась утешить меня:

– Ты создал и еще создашь много шедевров. Ты прекрасный писатель!

Но веру в себя не дано внушить никому из посторонних. Я был парализован и словно навсегда лишился вдохновения. В Голливуде рассказывали немало историй о людях, в один миг упавших с вершины в пропасть. Эмоционально я зашел в тупик и понятия не имел, сколько еще продержусь.

30 июля 1953 года, через четыре месяца после уничтожающих рецензий «Голливуд рипортер» и «Вэрайети», «Жена его мечты» вышла на экраны, без всякой рекламы, появлений звезд на премьере и попыток найти прокатчиков. Очевидно, ей и в самом деле решили дать тихо скончаться.

Но когда в газетах стали появляться рецензии, я был ошеломлен.

Босли Краутер из «Нью-Йорк таймс»: «Поистине летнее веселье… Прекрасная игра актеров, как раз с нужным процентом явного подмигиванья над диктаторским правлением мистера Шелдона».

Журнал «Тайм»: «Веселый маленький парафраз „Ребра Адама“».

«Сент-Пол Миннеаполис диспетч»: «Абсолютно восхитительная комедия».

«Чикаго трибюн»: «Насыщенный сценарий и хорошая режиссура».

«Лос-Анджелес дейли ньюс»: «Сценарист/режиссер Сидни Шелдон. Его талант к созданию легких комедий пробуждает воспоминания о поздних работах Эрнста Любича…»

«Шоумен трейд ревю»: «Прекрасная картина, которая привлечет публику в любой кинотеатр, независимо от размера и местоположения».

«Жена его мечты» была номинирована на Лавровый венок (премию прокатчиков), но оживлять картину было уже поздно. Все кончено. Дор ее убил.

Что я чувствовал в то время? Я словно выиграл в лотерею, но потерял билет.

Как-то утром зазвонил телефон, и, прежде чем поднять трубку, я стал гадать, какие еще неприятности меня ожидают.

Это оказался мой агент:

– Сидни?

– Да.

– У тебя завтра в десять встреча на «Парамаунт» с Доном Хартманом, главой производственного отдела.

Я сглотнул.

– Договорились.

– Дон очень пунктуален, так что не опаздывай.

– Опаздывать? Я выезжаю прямо сейчас.

Дон Хартман начинал как сценарист, написавший сценарии более чем к дюжине фильмов, включая «дорожные»[22] картины, с Кросби и Хоуп. Фрэнк Фримен, директор «Парамаунт», назначил Дона Хартмана главой производственного отдела несколько лет назад.

Каждая студия обладает особой аурой, а тем более «Парамаунт». Кроме «дорожных» картин, студия выпустила «Сансет-бульвар», «Калькутта» и «Иду своим путем».

Дон, которому в то время едва исполнилось пятьдесят, сердечно приветствовал меня:

– Рад, что вы пришли к нам, Сидни.

Знал бы он, как я был рад оказаться там!

– Вы никогда не видели фильмы с Мартином и Льюисом?

– Нет.

Но я, разумеется, знал о Мартине и Льюисе.

Прежде чем стать комиком, Дино Крочетти был боксером, игроком в блэкджек и певцом. Джозеф Левич исполнял комические куплеты в маленьких ночных клубах по всей стране. Выпускали его обычно для разогрева перед основными номерами. И тот, и другой не смогли сделать карьеру, работая в одиночку. Зато вместе они творили чудеса. Как-то я видел их выступление в выпуске новостей. Улица перед нью-йоркским кинотеатром «Парамаунт» была забита вопящими поклонниками.

– Мы хотим, чтобы вы написали для них сценарий. Пьеса называется «Нельзя быть слишком молодым». Режиссер – Норман Таурог.

Я работал с Норманом над «Богатым, молодым, красивым».

До чего же хорошо снова работать на студии! Теперь у меня опять были причины вставать рано, зная, что ждет любимая

работа.

Когда я в первый вечер вернулся домой, Джоджи ахнула:

– Выглядишь совершенно другим человеком!

Я и чувствовал себя другим человеком. Мужчине вредно слишком долго быть без работы: тоска разъедает душу, словно ржавчина.

На «Парамаунт» царила приятная атмосфера, и мне казалось, что давление здесь гораздо меньше, чем на «МГМ».

«Нельзя быть слишком молодым» – это история молодого ученика парикмахера, вынужденного маскироваться под двенадцатилетнего мальчика после истории с ограблением ювелирного магазина. Собственно говоря, это римейк «Большого и маленького», фильма 1942 года, поставленного Билли Уайлдером, в котором главные роли играли Джинджер Роджерс и Рей Миллер.

Когда сценарий был закончен, мы устроили чтение для актеров, продюсера и режиссера.

Потом я сказал Дину и Джерри:

– Если вам не нравятся какие-то реплики, пожалуйста, дайте мне знать, и я охотно их изменю.

– Классный сценарий, – объявил Дин, поднимаясь. – Я тут сговорился поиграть кое с кем в гольф. Пока.

И исчез.

– У меня пара вопросов, – сказал Джерри. И следующие два часа мы провели в обсуждении декораций, ракурсов съемки, мизансцен и еще тысячи вопросов. Очевидно, у партнеров были разные приоритеты.

Тогда никто не знал, что это был первый признак грядущих разногласий. Несколько лет спустя Джерри и Дин разошлись.

Картина заработала благожелательные рецензии и большие сборы. Чтобы отметить начало новой карьеры, я купил прекрасный дом в Бель-Эйр, с плавательным бассейном и чудесным садом. В мире все было хорошо. И я решил, что нам с Джоджи пора снова отдохнуть в Европе.

Лифт снова пошел наверх.

– Мистер Хартман хочет вас видеть.

– У меня проект, который вам наверняка понравится, – сообщил Дон. – Вы смотрели «Леди Еву»?

Еще бы! Фильм Престона Стерджеса, с Барбарой Стэнвик и Генри Фондой, о карточном шулере и его прелестной дочери, завлекающей наивного миллионера во время трансатлантического круиза. Проблемы начались, когда дочь влюбилась в жертву.

– Мы сделаем римейк с Джорджем Гоубелом, – добавил Дон, – и назовем его «Птицы и пчелы».

Джордж Гоубел был молодым многообещающим комиком, сделавшим блестящую карьеру на телевидении и игравшим в сдержанной скромной манере. Режиссером назначили Нормана Таурога.

Адаптация сценария «Стерджеса» к современным реалиям была закончена быстро. В роли отца выступал Дэвид Нивен, обаятельный остроумный человек, в роли дочери – Митци Гейнор. Картину запустили в производство.

В разгар съемок меня снова вызвал Дон:

– Я только что купил «Все сойдет» и хочу, чтобы вы написали сценарий.

Знаменитый бродвейский мюзикл, музыку и стихи для которого написал Кол Портер, а либретто П.Г. Вудхауз и мой бывший соавтор Гай Болтон!

Как композитор и поэт-лирик Портер превзошел себя. Проблема была в либретто. Речь шла о группе людей, столкнувшихся с врагом народа номер тринадцать,[23] который пробрался на корабль, чтобы ускользнуть от ФБР.

Я посчитал либретто старомодным и чересчур тяжелым для кино. Так и сказал Дону. Тот кивнул:

– Для этого я вас и вызвал. Придумайте что-нибудь.

Я написал новую историю – о партнерах, ставящих пьесу на Бродвее. Они тайно, скрывая это друг от друга, встречаются с актрисой и обещают ей главную роль в постановке.

Когда я прочитал Дону наброски, тот их одобрил:

– Прекрасно. Именно то, что нужно.

– А кто актеры?

– О, разве я вам не сказал? Бинг Кросби, Доналд О'Коннор, Митци Гейнор и прелестная балерина Зизи Жанмер. Она замужем за нашим хореографом Роланом Пети.

Бинг Кросби! Целое поколение выросло на его песнях.

Он начал в хоровом ансамбле, но когда напился так, что не смог вовремя явиться на радиопередачу, его выгнали. Этого было бы достаточно, чтобы уничтожить карьеру любого певца, но Кросби не был «любым певцом». Он обладал некоей магией, притягивавшей слушателей. Получив второй шанс, Кросби взлетел на самый верх. К концу карьеры он продал более четырехсот миллионов пластинок и снялся в ста восьмидесяти трех фильмах.

Я отправился в его гримерную, мечтая познакомиться. Бинг был само очарование: дружелюбный, приветливый, без тени заносчивости.

– Я рад, что мы будем работать вместе, – сказал он.

Я же был вне себя от счастья. Мечты сбываются!

Съемки проходили спокойно. Ролан Пети был знаменитым хореографом, и Зизи Жанмер делала честь его работе. Доналд О'Коннор был невероятно талантлив. Мне казалось, он может все, и они с Кросби прекрасно друг друга дополняли.

Картина имела огромный успех у публики и критиков.

Только много лет спустя обнаружились темные стороны характера Кросби. Его первая жена, Дикси, умиравшая от рака яичников, призналась, что Бинг абсолютно не обращал на нее внимания, мало того – пренебрегал ею. После ее смерти он стал отцом-одиночкой и сторонником строжайшей дисциплины. Двое из его сыновей, Линдси и Деннис, покончили с собой.

Пока я работал над «Все сойдет», Джоджи снималась на киностудии «Двадцатый век – Фокс», с Уильямом Холденом и Дженнифер Джонс в фильме «Любовь – восхитительный дар». Но вскоре после начала съемок она сказала:

– У меня для тебя есть новость!

– Это касается картины?

– Нет. Нас. Я беременна.

Два самых волнующих слова в английском языке.

Я по-идиотски заулыбался, обнял ее, но тут же отстранился, боясь повредить ребенку.

– Но что ты теперь будешь делать с картиной? Съемки в самом разгаре.

– Я говорила с режиссером сегодня утром. Он пообещал сначала снять мои сцены, чтобы не заменять меня.

Никогда еще я не был так счастлив. Хотелось обнять весь мир.

Постепенно Джоджи обставила детскую. Как оказалась, у нее был настоящий талант дизайнера, талант, который пригодился позже, когда мы были вынуждены постоянно путешествовать между Голливудом и Нью-Йорком. Кроме того, она наняла прелестную горничную-афроамериканку, Лору Томас, которой было суждено отныне войти в нашу жизнь.

Как-то, просматривая отснятый материал «Все сойдет», Дон спросил:

– Не хотели бы вы написать еще один сценарий для Дина и Джерри?

– С радостью, Дон.

Мне действительно нравилось работать с ними.

– Мы только что купили для них вестерн «Парднеры».[24] Думаю, он вам понравится.

Немного поколебавшись, я попросил:

– Если не возражаете, я бы взял соавтора.

– Кого? – удивился он.

– Джерри Дэвиса.

Джерри не мог найти работу, и я хотел ему помочь.

– Я знаю Джерри. Если собираетесь взять его, я не против.

– Спасибо, Дон.

Джерри был счастлив снова получить работу, а я – иметь такого соавтора. Он был неизменно энергичен, жизнерадостен и остроумен. Женщины обожали его, и, даже бросив кого-то, он ухитрялся сохранить с ними дружеские отношения.

Как-то его бывшая подружка Дайана позвонила и сказала, что выходит замуж. Джерри, всегда заботившийся о бывших возлюбленных, попросил рассказать о женихе.

– Ну… он писатель. Живет в Нью-Йорке.

– Дайана, успешные писатели не живут в Нью-Йорке. Все самое главное происходит в Голливуде. Должно быть, он какой-то неудачник. Как его зовут?

– Нил Саймон.[25]

Мы с Джерри принялись за сценарий, еще не зная, что этому фильму суждено быть одной из последних совместных работ Мартина и Льюиса. Их разрыв объясняли многими причинами, но правда заключалась в том, что они были очень разными людьми. Обоих осаждали приглашениями на благотворительные мероприятия по всей стране, и Льюис, человек общительный, постоянно соглашался. Но Дину, который всему предпочитал игру в гольф, это не нравилось. Наконец их разногласия привели к окончательному разрыву, но прежде они согласились сниматься в «Парднерах», комедийном вестерне, идеально подходившем для манеры их игры. Фильм ставил Пол Джонс, один из лучших людей в кинобизнесе.

Картина прошла на ура и стала одним из самых кассовых фильмов студии.

14 октября 1955 года на свет появилась наша дочь, Мэри Ровейн Шелдон. Из-за меня Джоджи едва не опоздала в больницу. Я, сам того не желая, превратил знаменательное событие в комедию положений.

Все началось несколько лет назад, когда я позвонил в справочную службу и попросил адрес публичной библиотеки в Беверли-Хиллз.

– Простите, – ответила телефонистка, – но мы не даем адресов.

Я решил, что она шутит.

– Но я же прошу адрес не штаб-квартиры ЦРУ, а публичной библиотеки!

– Простите, но мы не даем адресов.

Я не мог поверить услышанному. Соблазн был слишком велик, чтобы спускать подобное телефонной компании. Любым способом, но я добьюсь, чтобы мне дали адрес.

Выждав несколько минут, я снова набрал номер справочной:

– Мне нужен телефон публичной библиотеки Беверли-Хиллз. Это на Беверли-драйв.

– На Беверли-драйв нет библиотеки. Только на Норт-Кресент-драйв.

– Что-то тут не так, – протянул я. – Какой адрес на Норт-Кресент-драйв?

– Здание муниципалитета. Дом 450.

– Спасибо.

Вот так я получил необходимую информацию.

Отныне, когда мне был нужен адрес, я всегда пользовался этой уловкой и обходил дурацкие правила телефонной компании.

Но в ночь 14 октября мой блестящий план провалился. Я услышал крик Джоджи и ринулся в спальню.

– Началось, – выдавила она. – Скорее.

Ее сумка была собрана и стояла у двери. Я заранее договорился с больницей Святого Иоанна в Санта-Монике. Беда в том, что я не был уверен, на какой улице она находится, и поэтому позвонил в справочную.

– Мне нужен телефон больницы Святого Иоанна на Мейн-стрит.

Я назвал улицу наугад, в надежде, что меня поправят.

Телефонистка назвала номер – и только.

– Я верно сказал? Больница находится на Мейн-стрит?

– Да.

Значит, я угадал!

Посадив Джоджи в машину, я помчался в Санта-Монику. Жена стонала от боли.

– Мы будем там через пару минут, – утешал я. – Держись.

Я свернул на Мейн-стрит, проехал всю улицу от начала до конца, но не нашел никакой больницы. Я запаниковал. В такой поздний час на улицах никого не было. Автозаправочные станции тоже были закрыты. Я понятия не имел, что делать, и поэтому принялся методично объезжать каждую улицу, пока не наткнулся на больницу, на углу Двадцать второй и бульвара Санта-Моника, в двадцати кварталах от Мейн-стрит.

Через два часа на свет появилась Мэри.

У нас родился здоровый, прекрасный ребенок. Радость наша была безмерна. Вскоре мы попросили Граучо быть крестным отцом Мэри, и, к нашему восторгу, он согласился.

Когда через три дня мы привезли Мэри домой, наша горничная Лора взяла ее у Джоджи.

– Я о ней позабочусь, – коротко бросила она.

С этой минуты о малышке заботились все. Мэри могла заплакать среди ночи, и Джоджи мчалась в детскую, где уже сидел я, укачивая дочку. Иногда случалось, что я не поспевал первым и Джоджи уже сидела с Мэри. Та, очутившись в родительских объятиях, мгновенно переставала плакать.

Наконец я сказал жене:

– По-моему, мы ее балуем, дорогая. Слишком щедро дарим нашу любовь. Нужно убавить пыл, хотя бы наполовину.

Джоджи покачала головой:

– Хорошо. Убавляй. Только со своей стороны.

На этом все дискуссии прекратились.

Глава 26

Как-то утром позвонил мой помощник:

– К вам мистер Роберт Смит.

Я никогда не слышал ни о каком Смите.

– Что ему нужно?

– Он писатель. Хочет с вами поговорить.

– Хорошо. Пусть войдет.

Роберт Смит, довольно молодой коротышка, казался нервным и напряженным.

– Чем могу помочь, мистер Смит?

– У меня идея, – объявил он.

В Голливуде у всех имеются идеи, причем большинство из них – настоящий кошмар. Я принял заинтересованный вид:

– Да?

– Почему бы нам не снять фильм о Бастере Китоне?

Я встрепенулся.

Бастер Китон, получивший прозвище Каменное Лицо, был одной из ярчайших звезд немого кино. Его фирменной маркой служили мягкая шляпа с низкой тульей и загнутыми кверху полями, огромные туфли и физиономия истукана. Этот стройный, небольшого роста актер с грустным лицом в свое время был невероятно популярен, его не раз сравнивали с Чаплином.

Бастер Китон пользовался огромным успехом, но когда в кино пришел звук, фортуна ему изменила. Он снялся в нескольких неудачных фильмах, и находить работу ему становилось все труднее. Он принял участие в нескольких ничем не примечательных короткометражках и кончил тем, что стал выполнять трюки за других актеров. Я посчитал, что было бы занимательно показать его историю на экране.

– Мы с вами можем продюсировать фильм, написать сценарий, а вы бы его поставили.

Я отправился к Хартману.

– Что случилось?

– Ко мне пришел некий Боб Смит, называющий себя писателем, и изложил идею, которая мне понравилась. Он предложил нам сделать «Историю Бастера Китона».

– Гениально! – без колебаний воскликнул Хартман. – Почему мы раньше об этом не подумали?

– Мы с Бобом будем продюсерами, и я сам поставлю фильм.

Дон кивнул:

– Я позвоню юристам насчет прав. Кто, по-вашему, должен играть Бастера?

– У меня еще не было времени об этом подумать.

– Ну так я вам скажу. Доналд О'Коннор.

– И в самом деле! – воскликнул я. – Мы вместе работали на «Все пройдет». Большой талант!

Дон поколебался.

– Но тут есть проблема. В начале года О'Коннор должен сниматься в другом фильме. Если мы договоримся с ним, то приступим к работе в течение следующих двух месяцев.

Да, проблема так проблема! А ведь у нас пока не было даже сюжетной линии! Но мне был нужен О'Коннор!

– Как по-вашему, сумеете закончить сценарий вовремя? – спросил Дон.

– Конечно, – заверил я, хотя в душе оставались сомнения. Спешить со сценарием, чтобы не упустить актера, – не самая лучшая тактика. Это всегда сказывается на качестве картины. Публике абсолютно все равно, сколько именно времени уходит на сценарий. Главное – то, что они видят на экране. Я ограничил себя и Боба слишком тесными рамками.

Выяснилось, что получить права на съемки биографии Китона легче легкого.

Мы с Бобом сразу приступили к работе. Материала оказалось очень много, потому что жизнь Бастера была полна бед и неудач. Он рос в неблагополучной семье и прошел через разводы и борьбу с алкоголизмом. Я видел ранние, ставшие классикой фильмы актера – «Генерал» и «Мореплаватель», где было множество опасных трюков, которые он выполнял сам.

Я снова позвонил Хартману:

– Мы с Бобом хотели бы встретиться с Бастером. Вы это устроите?

– Конечно.

Я с нетерпением ждал встречи.

Бастер Китон появился в моем офисе с таким видом, словно только что сошел с экрана. Он совсем не изменился: все тот же маленький грустный человечек, покоривший мир, изображая этакого простачка.

– Мы хотим, чтобы вы были техническим консультантом картины, Бастер, – начал я после того, как мы обменялись рукопожатием. – Что вы на это скажете?

Он едва не нарушил традицию, широко улыбнувшись:

– Думаю, с этим я справлюсь.

– Вот и прекрасно. В фильме будет много ваших трюков. Я поставлю на площадке трейлер для вас и хочу, чтобы вы постоянно присутствовали на съемках.

Мне показалось, он едва сдерживает слезы, но, возможно, это

было только игрой моего воображения.

– Согласен. Спасибо вам.

– Мы с Бобом работаем над сценарием и стремимся, чтобы он был как можно более точным. Не помните ли каких-нибудь анекдотов, которые неплохо бы использовать в картине?

– Не-а.

– Может, какие-то случаи из жизни, которыми, по-вашему, должна заинтересоваться публика?

– Не-а.

– Что-то связанное с вашими браками или романами?

– Не-а.

Встреча продолжалась в таком же духе.

После ухода Китона я сказал Бобу:

– Забыл кое о чем упомянуть. Если хотим заполучить О'Коннора, съемки нужно начинать в течение двух месяцев.

Он ошеломленно уставился на меня:

– Шутите?!

– Никогда не был более серьезным.

Боб вздохнул:

– Посмотрим, насколько быстро сумеем написать сценарий.

Вместе с Бобом мы просмотрели старые фильмы Бастера. Трюки в нем казались совершенно невероятными. Я выбрал те, которые хотел использовать, зная, что Бастер покажет мне, как они делаются.

Узнав о наших планах, ко мне пришел О'Коннор.

– Это потрясающая роль! – объявил он с энтузиазмом. – Бастер Китон – один из моих идолов.

– Мой тоже.

– Великое Каменное Лицо. Это будет поразительный фильм.

Проблема состояла в том, что нам требовалось больше времени для работы над сценарием, но времени-то как раз и не было. Приходилось как можно раньше начинать съемки, поэтому мы работали день и ночь и все же успели к сроку. Пора было запускать фильм в производство.

Мы старались придерживаться всех фактов жизни Бастера Китона, но для пущего драматического эффекта пришлось допустить отступления. Я показал актеру сценарий, а когда он прочел текст, то спросил:

– У вас нет возражений?

– Не-а.

Большего от Китона добиться не удалось.

Зато актерский состав был великолепен. Кроме Доналда, у нас снимались Питер Лорр, Ронда Флеминг, Энн Блит, Джеки

Куган и Ричард Андерсон. Актеры прекрасно сыгрались.

Мы с Бобом написали эпизод, в котором появлялся режиссер немого кино, но пока ничего не сняли. Ко мне подошел помощник режиссера:

– Как насчет того, чтобы эту роль сыграл старик?

– Какой старик? – удивился я.

– Мистер Де Милль.

Сесил Б. Де Милль, несомненно, был одним из самых известных и влиятельных режиссеров в Голливуде. В числе его картин «Самсон и Далила», «Грандиознейшее представление» и «Десять заповедей».

Он был живой легендой, и по городу о нем ходили самые невероятные слухи. Он считался безжалостным и требовательным режиссером, терроризировавшим актеров. Как-то он снимал сцену, стоя на высокой платформе, глядя вниз на многочисленную массовку, и увидел, как две молодые женщины переговариваются. Он дал команду выключить мотор.

– Эй, вы, обе! Немедленно сюда!

Женщины в ужасе переглянулись:

– Мы?

– Именно. Подойдите!

Они нерешительно приблизились.

– А теперь, – прогремел Де Милль, – поскольку вы, очевидно, считаете, что ваша болтовня важнее моих указаний, поделитесь с нами, о чем шла речь. Я жду!

Женщины были смущены и перепуганы.

– Мистер Де Милль… мы ничего не говорили.

– Говорили. И я хочу, чтобы все услышали о чем.

Наконец одна из девушек, не выдержав, вызывающе бросила:

– Ладно! Я спрашивала: «Когда этот сукин сын отпустит нас на обед?!»

Присутствующие ошеломленно молчали.

Де Милль долго смотрел на нее, прежде чем сказать:

– Обед.

– Вы спятили! – бросил я помощнику. – Де Милль ни за что не согласится. Вся роль – четыре реплики.

– Хотите, поговорю с ним?

– Попытайтесь.

Шансов все равно не было.

К вечеру помощник режиссера снова подошел ко мне:

– Завтра снимаем сцену. Он там будет.

– Он согласился? – растерялся я.

– Да.

– Я… я буду ставить фильм с Сесилом Б. Де Миллем?!

– Совершенно верно.

На следующий день я снимал главную сцену с Доналдом и Энн Блит. Оставалось доснять крупный план. И тут снова возник помощник режиссера:

– На площадку идет Де Милль. Давайте перейдем на другую сторону, где будет сниматься эпизод.

– Не могу. Мне нужно доснять крупный план.

Помощник вскинул брови:

– Повторяю: на площадку идет Де Милль. Предлагаю перейти на другую сторону и снять его эпизод.

До меня наконец дошло.

– Переходим на другую сторону! – крикнул я.

Через несколько минут появился Сесил Б. Де Милль с сопровождением. Подойдя ко мне, он протянул руку:

– Я Сесил Б. Де Милль.

Он оказался выше, чем я думал, шире в плечах, чем я представлял, и обладал куда большей харизмой, чем я ожидал.

– Я Сидни Шелдон.

– Если покажете мне, что делать…

Я должен показывать Сесилу Б. Де Миллю, что делать?

– Да, сэр. Речь идет…

– Знаю. Я выучил роль.

– Прекрасно.

Я выстроил мизансцену и сказал:

– Внимание! Мотор… начали!

Сцена была снята, но я чувствовал, что можно сделать лучше. Как сказать самому Де Миллю, что нужен второй дубль?

Он шагнул ко мне:

– Хотите снять эпизод еще раз?

Я с благодарностью кивнул:

– Это было бы здорово.

– Почему бы мне не сбросить пиджак?

– Хорошая мысль.

– И быть несколько напористее?

– Отличная мысль.

Мы сняли второй дубль, и на этот раз придраться было не к чему. Однако я так и остался в недоумении, кто кем руководил: я Сесилом Б. Де Миллем или Сесил Б. Де Милль – мной?

Я уже говорил, что трюки, выполненные Бастером Китоном в немых фильмах, казались совершенно поразительными, особенно один, где он, преследуемый полицией, бежал вдоль деревянного забора. Спиной к забору стояла грузная особа в очень широкой

юбке. Бастер останавливался перед ней, видел мчавшихся на него полицейских и нырял к забору между ногами женщины. Та мгновенно отодвигалась. У забора никого не было.

Эффект был поистине фантастическим.

– Как, черт возьми, вам это удалось? – допрашивал я.

Бастер почти улыбнулся:

– Сейчас покажу.

Секрет был на удивление прост. Прямо за спиной женщины несколько досок держались на одном гвозде, и достаточно было отодвинуть их, чтобы оказаться за забором. Стоило Бастеру подбежать к женщине, как двое членов съемочной бригады быстро отодвигали доски, скрытые ее юбкой. Бастер просто нырял под юбку и пробирался в дырку, после чего мужчины быстро опускали доски, и женщина поспешно отходила, показывая зрителям, что забор абсолютно цел, а вот Бастер исчез. Все происходило за доли секунды, и самым главным была слаженность действий.

Доналд идеально проделал трюк.

Еще один эпизод тоже был взят из фильма Китона. Действие происходило на верфях, и нам пришлось отправиться на берег океана, чтобы снять сцену. На воду спускали корабль, и Доналд гордо стоял на носу, пока корабль скользил со стапелей.

Нос судна медленно опускался под воду, уходя все глубже, но Доналд с бесстрастным видом продолжал стоять, пока не исчез. По волнам одиноко поплыла шляпа.

Во время съемок становилось ясно, насколько Бастер застенчив. Мы пригласили его с женой Элинор на ужин. Среди гостей были глава студии, режиссеры, известные актеры и актрисы.

Я знал, что Бастер приехал, но никак не мог разыскать его. Наконец я случайно вошел в кабинет. Там и увидел читавшего газету Бастера.

– С вами все в порядке, Бастер?

Он нехотя поднял голову:

– В полном.

И продолжил читать газету.

Когда съемки закончились, Бастер сказал:

– Я хочу поблагодарить вас.

– За что?

– Я смог купить дом.

На студии царила самая радостная атмосфера. «История Бастера Китона» была последней картиной по моему контракту с

«Парамаунт», но студия уже вела переговоры с моим агентом о новом контракте. Моя жизнь никогда не была столь полной.

Я обсудил с Доном Хартманом идею фильма ужасов «Зона террора», который должен был сниматься в Европе.

В апреле 1957-го в «Дейли вэрайети» появилась статья:

> «Куда поехать в апреле? Такая проблема стоит перед Сидни Шелдоном.
>
> „Бастер Китон“, соавтором сценария, режиссером и продюсером которого он является, выйдет на экраны в следующем месяце. 27 апреля его пьеса „Элис сражается“ впервые пойдет в Вене. Примерно в то же время начинаются репетиции его варианта „Веселой вдовы“ с Яном Кипурой, премьера которой состоится в начале мая. И сейчас Шелдон работает над новым проектом „Зона террора“ – съемки начнутся в будущем году в Германии».

Но я знал, где проведу апрель. Повезу Джоджи и Мэри в Европу – отпраздновать новый контракт.

«История Бастера Китона» вышла на экраны. Критики благожелательно отзывались об игре Доналда О'Коннора, Энн Блит, Питера Лорра и остальных актеров. А вот сценарию не слишком повезло. Большинство рецензий были довольно резкими. Критики сходились в одном: в фильме следовало дать побольше трюков Бастера и поменьше вымышленных фактов.

«Сценарий напоминает перепев старых голливудских фильмов…»

Журналисты были правы. Мы писали сценарий в большой спешке. Сборы оказались немалыми, потому что публику привлекло имя Бастера Китона. Но слухи о моей неудаче быстро распространились по городу, и картину вскоре забыли.

Мне позвонил агент:

– Я только что говорил с Доном Хартманом. Студия не собирается возобновлять ваш контракт.

Теперь я знал, где репортер из «Вэрайети» сможет найти меня в апреле. В очереди безработных.

Волей-неволей я отменил заказ на билеты в Европу. Звонил агенту раз в неделю и старался изобразить жизнерадостный тон:

– Ну, что там на поле битвы?

– Не слишком много. Работы почти нет, Сидни.

Он старался смягчить очередной удар. Работа всегда была, но не для меня. Меня снова судили. Судили несправедливо. Преждевременно. И меня снова терзала мысль о том, что больше я ничего не смогу написать. Время от времени ко мне приходили

друзья, и чаще всех – Граучо, у которого всегда находились для меня добродушная шутка и искреннее утешение.

Я безуспешно ждал звонка. Шли недели, месяцы… денег становилось все меньше.

Я никогда не ограничивал расходы. Деньги как таковые меня не интересовали. Моя философия трат представляла странную мешанину из мотовства Отто и бережливости Натали. Мне было жалко расходовать деньги на себя, но я охотно помогал окружающим и в результате не делал накоплений.

Я должен был выплачивать кредит за покупку дома, выдавать жалованье садовнику, парню, чистившему бассейн, и Лоре. Наше положение ухудшалось с угрожающей скоростью.

– Что нам делать? – забеспокоилась Джоджи.

– Придется начать экономить, – пробормотал я и, тяжело вздохнув, добавил: – И для начала уволить Лору. Горничная нам больше не по карману.

Для нас обоих это была ужасная минута.

– Скажи ей сам, – попросила жена. – Я не могу.

Лора была для нас членом семьи. Всегда заботливая, жизнерадостная, всегда готовая помочь… Она обожала Мэри, и дочь платила ей тем же.

– Это будет очень трудно… – признался я, но все же позвал Лору в библиотеку. – Лора, боюсь, у меня неважные новости.

– Что случилось? – встревожилась она. – Кто-то заболел?

– Дело не в этом. Просто… нам придется отпустить вас.

– То есть как?

– Мы больше не можем позволить себе иметь горничную.

– Хотите сказать, что увольняете меня? – растерялась она.

– Мне очень жаль.

Лора покачала головой:

– Вы не можете этого сделать!

– Но вы не понимаете. Я не в состоянии платить вам.

– Я остаюсь.

– Лора…

– Я остаюсь.

И она вышла из комнаты.

Теперь мы почти никуда не выходили: не было денег. Очень хотелось посмотреть кое-какие пьесы, но билеты стали для нас чересчур дорогими. Лора, естественно, слышала наши с Джоджи разговоры. Мы довольно часто обсуждали возможность очередного похода в театр, но почти всегда отказывались от этой мысли.

Как-то во время очередного спора Лора отозвала меня в

сторону.

– Возьмите, – шепнула она, протягивая мне двадцать долларов.

– Я не могу это взять, – отказался я.

– Но вы же вернете, – возразила она.

Я едва не заплакал. Она работала с утра до вечера, не получая жалованья, да еще давала мне деньги!

Настал день, когда я не смог сделать очередную выплату по кредиту.

– Мы потеряли дом, – сказал я Джоджи.

Видя мою боль, она стала меня утешать:

– Не волнуйся, дорогой. Все будет хорошо. Ты не раз создавал хиты и снова создашь!

Она ничего не понимала.

– Больше я не смогу писать. Все кончено.

Я вспомнил тот дом, на Мерион-стрит, в Денвере, который снимала моя семья. Как я мечтал, что когда-нибудь женюсь и мои дети вырастут в том доме! К этому времени, если считать дома, квартиры и отели, я переезжал тринадцать раз!

На следующей неделе нам пришлось покинуть дом с бассейном и чудесным садом и перебраться в квартиру. Теперь я вел жизнь Отто, мчался, как на американских горках, от процветания к бедности и снова к процветанию в некоем бесконечном цикле. Меня снова преследовали мысли о самоубийстве. Из последних денег я продолжал выплачивать страховку. После моей смерти деньги перейдут к Джоджи и Мэри. «Без меня им будет лучше», – решил я и стал обдумывать план.

Я знал, что прошлое никогда не вернется. Больше не будет Европы, шумных вечеринок, успеха… Мне будет недоставать всего этого, и я задавался вопросом, что лучше: иметь и потерять или никогда не знать вкуса успеха и не терзаться сожалениями? Я находился в глубокой депрессии, и самоубийство казалось единственным выходом.

Я постоянно вспоминал слова доктора: «У вас маниакально-депрессивный психоз… От него страдают не менее двух миллионов американцев… Приблизительно один из пяти больных рано или поздно кончает жизнь самоубийством».

Я жил в кошмаре, который, как чувствовал, никогда не закончится. Действительно ли я хотел покончить с собой?

Я пытался думать не о неудачах, а о достижениях, но ничто не помогало. Таинственные, зловещие процессы в моем мозгу этого не позволяли. Я не мог контролировать собственные эмоции.

Но чем больше я думал о самоубийстве, тем яснее сознавал, что не смогу покинуть жену и дочь.

И тут мне в голову пришла мысль что-нибудь написать. Киностудиям я, очевидно, не нужен. А как насчет телевидения?

Моим любимым шоу было «Я люблю Люси»: блестящая комедия, которую Люсилль Болл и ее муж, продюсер Дези Арназ, давали каждую неделю. На телевидении не было более популярного шоу. Может, следует написать нечто такое, что заинтересует Дези?

Я обдумал название и идею. «Приключения модели»! Это будет романтическая комедия с забавными ситуациями, в которые попадает прелестная модель.

Я написал пилотный сценарий за неделю и договорился о встрече с Дези Арназом.

– Рад познакомиться, – приветствовал он. – Я много слышал о вас.

– Я принес пилотный сценарий, мистер Арназ, – сообщил я, протягивая ему папку.

Дези взглянул на заглавие и просиял:

– «Приключения модели»? Звучит неплохо.

Я встал.

– Если будет время, прочитайте. И я буду очень благодарен, если согласитесь мне позвонить.

– Нет-нет, садитесь, – попросил он. – Я прямо сейчас его прочитаю.

Я внимательно следил за ним. С его лица не сходила улыбка.

Что ж, это хороший знак.

Я затаил дыхание.

Он пробежал глазами последнюю страницу.

– Чудесно! Мы будем это делать!

Я снова обрел способность дышать. С плеч словно сняли огромный груз.

– В самом деле?

– Это будет сенсация. Ничего подобного на телевидении не было. Может, мы успеем запустить шоу в этом сезоне. На Си-би-эс еще осталось время для одного шоу. Посмотрим, сумеем ли мы его заполучить.

Глава 27

Для возвращения домой мне не нужна была машина. Я буквально летел. Джоджи ждала у двери и, взглянув на мое лицо, спросила:

– Хорошие новости?

– Потрясающие! Дези Арназ собирается ставить «Приключения модели».

Жена обняла меня:

– Я так рада!

– Понимаешь, что это такое – сделать успешное шоу на телевидении? Оно может идти годами!

– Когда ты будешь знать наверняка?

– Через день-другой.

И Дези действительно позвонил.

– Удалось! – сообщил он. – Си-би-эс отдала время нам.

– Сегодня у нас праздник, – объявил я Джоджи.

Лора сияла от радости.

– Идите повеселитесь, – кивнула она, вручив мне очередную двадцатку.

– Но я не могу. Вы и так…

– Можете.

Я обнял ее:

– Спасибо.

– Я знала, что вы добьетесь многого, если захотите.

Мы с Джоджи отправились в итальянский ресторан и чудесно поужинали.

– Поверить не могу! – восклицал я. – Мы на Си-би-эс! И я буду писать сценарии шоу!

По пути домой Джоджи шепнула:

– Я так горжусь тобой, милый! Знаю, тебе пришлось пережить немало и было тяжело, но теперь все позади.

Наутро мне позвонил Дези:

– Не сможете приехать ко мне в офис?

– Разумеется, – ухмыльнулся я и через полчаса уже был у него.

– Садитесь, – пригласил он.

Я уселся.

– Когда мы начинаем?

Он пристально посмотрел на меня:

– Сидни, Си-би-эс отдала нам единственный временной промежуток, который у них был. Они сняли «Шоу Дика Ван Дайка» и поставили нас в репертуарную таблицу. Но Дэнни

Томас, который владеет «Шоу Дика Ван Дайка» и еще несколькими шоу на Си-би-эс, надавил на руководство и настоял, чтобы ему дали еще год. Руководство наконец согласилось и поставило шоу на прежнее время. Мы вылетели.

Я продолжал сидеть, не в силах пошевелиться, сказать хоть что-то.

– Мне очень жаль, – добавил Дези. – Может, в следующем сезоне.

Передо мной опять встал выбор: сдаться или попробовать снова? Но будь я проклят, если сдамся!

Мне требовался другой проект, и я уселся за работу. Провел в кабинете неделю, отвергая одну идею за другой. На Бродвее не было ни одного спектакля о цыганах. У меня было название: «Король Нью-Йорка». Пьеса будет о том, как дочь цыгана полюбила гаджо[26] и что из этого вышло.

Я ничего не знал о цыганах, поэтому решил сначала собрать материал. Где можно почерпнуть сведения о них?

Немного подумав, позвонил в полицейский участок и попросил разрешения поговорить с детективом.

– В чем дело? – спросил тот.

– Я бы хотел поговорить с цыганами. Не знаете, где их найти?

Детектив рассмеялся:

– Да обычно кто-то из них непременно сидит у нас за решеткой. Но сейчас никого нет. Зато могу дать вам имя одного из них. Сам он называет себя Королем.

– Буду очень благодарен.

Фамилия Короля была Адамс, и детектив объяснил, как его найти. Я позвонил Адамсу, сообщил, что мне надо, и пригласил его к себе. Король оказался высоким грузным мужчиной с черными как смоль волосами и низким, почти трубным голосом.

– Я бы хотел поговорить о цыганских обычаях. О том, как вы живете, – сказал я.

Он молча слушал.

– Я заплачу. Если поговорите со мной и расскажете все, что я хочу узнать, то получите… – я поколебался, – сто долларов.

Он мигом оживился:

– Договорились. Даете мне деньги и…

И я сразу понял, что больше никогда его не увижу.

– О нет. Будете приходить раз в неделю, мы поговорим, и я стану отдавать вам деньги частями.

Он равнодушно пожал плечами:

– По рукам.

– А теперь начинайте.

Он говорил, а я делал заметки. Мне хотелось узнать о цыганах все: как они живут, одеваются, о чем думают и говорят.

В конце третьей недели я узнал об этом народе достаточно, чтобы начать пьесу.

Закончив работу, я показал ее жене.

– Мне нравится! – похвалила она. – Но кому ты ее отнесешь?

Я уже успел над этим подумать.

– Гоуэру Чемпьону. Он ставил бродвейский хит «Прощай, Птичка».

Я отправился к Гоуэру. Раньше он был звездой мюзиклов на «МГМ», но потом уехал в Нью-Йорк, стал режиссером на Бродвее и добился больших успехов.

– У меня для вас пьеса, – объявил я.

– Прекрасно. Сегодня я вылетаю в Нью-Йорк. Возьму ее с собой и прочитаю в самолете.

А я как глупец надеялся, что он, как Дези Арназ, прочтет ее немедленно!

Когда я вернулся домой, Джоджи спросила:

– Ну, что он сказал?

– Пообещал прочитать. Проблема в том, что, как я слышал, у него в работе не один проект. Даже если ему понравится, неизвестно, когда до нас дойдет очередь.

Гоуэр позвонил на следующее утро.

– Сидни, по-моему, это здорово! Должен получиться потрясающий мюзикл! На Бродвее еще не было ничего подобного. Я позвоню Чарлзу Страузу и Ли Адамсу, которые написали музыку для «Прощай, Птичка», и вызову их на совет.

По какой-то причине, вероятно, потому, что я уже пережил немало разочарований, радости не было. Я едва сумел выдавить стандартное «отлично, Гоуэр», перед тем как повесить трубку.

Я стал ждать звонка, и дней через пять Чемпьон действительно позвонил. На этот раз он был явно рассержен.

– Все в порядке? – робко осведомился я.

– Нет. Я сказал Страузу и Адамсу, что нужно написать музыку для этого шоу, а они запросили слишком большой гонорар. Я отказался. Неблагодарные ублюдки!

– Но кому мы…

– Я не буду ставить эту пьесу.

Год спустя кто-то поставил на Бродвее шоу «Бажур» о нью-йоркских цыганах.

Но, как ни странно, депрессия исчезла. Я ощущал необычайный подъем сил. В точности как говорил доктор Мармер. Подъемы сменяются спадами, резкие перепады

настроения от эйфории к отчаянию… из тридцати тысяч самоубийств в год большая часть приходится на страдающих маниакально-депрессивным психозом…

Вероятно, сейчас у меня был период эйфории. Я чувствовал, что должно произойти нечто чудесное.

И нечто чудесное случилось. Мне позвонили!

– Сидни Шелдона, пожалуйста.

– У телефона…

– Это Роберт Фрайер.

Преуспевающий бродвейский продюсер!

– Да, мистер Фрайер?

– Дороти и Герберт Филдз просили позвонить вам. Они пишут для меня мюзикл «Рыжая» и хотят узнать, не согласитесь ли поработать с ними. Что скажете?

Не соглашусь ли я снова поработать с Дороти и Гербертом Филдз?

Я старался не продемонстрировать чересчур явного энтузиазма.

– Был бы очень рад снова встретиться с ними.

– Прекрасно! Когда сможете вылететь в Нью-Йорк? Мы хотели бы начать как можно скорее.

Через две недели мы с женой и дочерью перебрались в снятую на Манхэттене квартиру. Единственным разочарованием был отказ Лоры поехать с нами. Я заплатил ей все, что был должен, плюс большой бонус. Прощание было трогательным.

– Я не смогу оставить семью, мистер Шелдон. Но буду скучать по вас и молиться.

В этом была вся Лора.

Роберт Фрайер оказался довольно молодым, красивым, элегантным мужчиной, питавшим истинную страсть к театру. Мы встретились с ним в его офисе на Сорок пятой улице.

– «Рыжую» ждет несомненный успех! – оживленно восклицал он. – Я рад, что вы будете работать с нами.

– Я тоже рад. Расскажите мне о шоу немного подробнее.

– Стихи пишет Дороти, а музыку – Альберт Хейг. Вы с Гербертом напишете либретто. Действие пьесы происходит в Лондоне конца девятнадцатого века. Главная героиня – молодая женщина, которая лепит персонажи, выставляемые в камере ужасов музея восковых фигур. В городе действует серийный маньяк-убийца, не оставляющий следов. Когда он убивает последнюю жертву, наша героиня случайно видит его и воспроизводит его восковой портрет. Смесь детектива и ужастика, с музыкой и песнями.

– Волнующее сочетание.

Мы вдвоем поехали к Дороти и едва обменялись приветствиями, как Дороти предложила:

– Давайте работать.

Дороти и Герберт сочинили не сюжет, а мечту. Я не видел их после работы над «Энн сражается» и посчитал за счастье снова сотрудничать с ними.

Филдзы познакомили меня с Альбертом Хейгом – композитором, написавшим музыку к полудюжине бродвейских шоу. Блестящий музыкант, он позже снискал славу в роли Бенджамена Шорофски в телесериале «Слава».

Идея Филдзов была настолько нова и необычна, что либретто продвигалось легко и быстро. Герберт и Дороти были профессионалами, работавшими семь дней в неделю. Мы трудились с девяти до шести, после чего расходились по домам. Я невольно вспоминал те сумасшедшие дни, когда мы с Беном Робертсом работали одновременно над несколькими шоу, засиживаясь почти до утра.

Мы с Джоджи нашли няню для Мэри, и, когда я не работал, мы бродили по Нью-Йорку. Ходили в театры и музеи, наслаждались вкусной едой в ресторанах. Первым делом я повел Джоджи в «Сарди» и познакомил с приветливым и добрым, как всегда, владельцем. Мы прекрасно поужинали, и Винсент Сарди прислал нам бутылку шампанского за счет заведения.

Мы с Гербертом дописали первый вариант либретто примерно в то же время, когда Дороти и Альберт – музыкальные номера.

Когда все было готово, мы собрались в офисе Роберта Фрайера и показали сделанное.

– Фантастика! – объявил Фрайер. – Все, как я рассчитывал! Ну а теперь поговорим о составе. Кто сыграет главную роль?

Нам была нужна хорошенькая обаятельная актриса с опытом работы в мюзиклах. Непростое сочетание. Перебирая список актрис, мы наконец остановились на имени, которое устроило всех: Беа Лилли, английская звезда театра, которая не только играла в комедиях, но еще и пела и танцевала.

– Идеальный вариант! Я прямо сейчас пошлю ей либретто и музыку! – пообещал Фрайер. – Нам останется только молиться.

Через пять дней мы снова встретились в офисе Фрайера. Он улыбался:

– Беа Лилли согласна играть.

– Какое счастье!

– Надо найти хореографа, и мы в бизнесе.

Но все сорвалось – Беа Лилли пожелала, чтобы шоу ставил ее бойфренд.

Мы снова перебрали имена подходящих актрис.

– Погодите! – вдруг вспомнила Дороти. – Как насчет Гвен Вердон?

Все мгновенно оживились.

– Почему мы не подумали о ней раньше? Прекрасная кандидатура! Красива, талантлива, звезда мюзиклов и к тому же рыжая. Сегодня днем отправлю ей либретто.

На этот раз ждать пришлось только два дня.

– Она будет играть, – сообщил Фрайер и со вздохом добавил: – Но и тут небольшая загвоздка.

Мы уставились на него.

– Она хочет, чтобы шоу ставил ее бойфренд.

– А кто ее бойфренд?

– Боб Фосс.

Боб Фосс считался гениальным хореографом. Он только что поставил два хита: «Пижамная игра» и «Проклятые янки».

– Он когда-нибудь что-то ставил? – спросил я.

– Нет, но он чертовски талантлив. Если вы согласны, я готов дать ему шанс.

– Ужасно не хотелось бы терять Гвен Вердон, – заметил я.

– Значит, не потеряем, – решила Дороти. – Роберт, поговорите с Фоссом.

Бобу Фоссу к тому времени было едва за тридцать. Маленький целеустремленный человечек, актер и танцор, он уже успел появиться в нескольких голливудских фильмах, после чего сделал прекрасную карьеру хореографа и постановщика. У него был собственный, весьма своеобразный стиль: танцуя, он всегда надевал шляпу и перчатки. Шляпу Боб вообще не снимал, очевидно, желая скрыть намечавшуюся лысину. По слухам, перчатки он носил, поскольку ему не нравились собственные руки.

Мы встретились в репетиционном зале, неподалеку от Бродвея. Оказалось, Боб Фосс точно знает, как поставить шоу. Он фонтанировал поразительными идеями, и к тому времени как совещание закончилось, мы были счастливы, что заполучили такого режиссера. Кроме того, в его лице мы приобретали и хореографа.

На мужские роли мы взяли Ричарда Кайли и Леонарда Стоуна, и репетиции начались. А вместе с ними и проблемы.

Боб Фосс, как все хорошие хореографы, был настоящим диктатором. У него имелось свое видение спектакля.

Либретто написано, декорации изготовлены, костюмы заказаны, но Фоссу все не нравилось. Он был одержим, узколоб и упрям и постоянно трепал нам нервы. Мы терпели это по одной простой причине: он был гением. Его хореография оказалась блестящей, она озаряла шоу. Но когда Фосс попытался переписать сценарий, я взбунтовался. Герберт меня поддержал. Мы решили позволить Фоссу ввести третьего соавтора, Дэвида Шоу.

На репетициях все казалось идеальным. Гвен была замечательной актрисой. Танцы поражали яркостью красок, а либретто представлялось просто волшебным. Оставалось молиться, чтобы все и дальше шло так же. Я боялся дышать, гадая, когда начнутся неприятности.

Натали и Марти приехали в Нью-Йорк на премьеру. Прилетел и Ричард с женой Джоан. Мы всей семьей сидели в зале. На этот раз никто не был разочарован.

Премьера состоялась в театре на Сорок шестой улице 5 февраля 1959 года, и критики были единодушны в похвалах. Превозносили Гвен, песни и танцы, восхищались либретто.

«Лучшая музыкальная комедия сезона…» – Уоттс, «Нью-Йорк пост».

«Музыкальный триумф года, возможно, нескольких лет…» – Астон, «Нью-Йорк телеграм» и «Сан».

«Лучший мюзикл сезона…» – Макклейн, «Нью-Йорк джорнал американ».

«Тип-топ-мюзикл…» – Чапмен, «Нью-Йорк ньюс».

«Хит с пылу с жару…» – Уинчелл.

«Настоящий фейерверк…» – Керр, «Нью-Йорк геральд трибюн».

«Рыжая» была выдвинута на «Тони» по семи номинациям и получила пять премий. Нечего и говорить, что мы были на седьмом небе!

Три месяца спустя Гвен Вердон и Боб Фосс поженились.

Лифт снова пошел наверх, и я решил, что пора опять перебираться в Голливуд. Нечего ждать, пока какой-то студии вздумается меня нанять! Я сам напишу пьесу, за которую будут драться студии!

Я всегда считал, что бродвейский хит сделать очень легко. Меня интересовала экстрасенсорика. На эту тему написано много пьес и киносценариев, неизменно серьезных. Мне показалось, что будет забавно написать романтическую комедию о красивой молодой женщине-экстрасенсе.

Я написал пьесу и назвал ее «Римская свеча». Мой агент послал ее студиям и бродвейским продюсерам, и меня поразила

суматоха, начавшаяся после ее прочтения. Четыре бродвейских продюсера предложили ее купить.

Мосс Харт, один из лучших бродвейских драматургов и режиссеров, захотел ее поставить. Он только сейчас выпустил легендарный мюзикл «Моя прекрасная леди» и теперь хотел, чтобы продюсер Герман Левин, с которым он работал, спродюсировал «Римскую свечу». Но Сэм Шпигель тоже хотел стать продюсером.

Моим агентом в то время была Одри Вуд, миниатюрная энергичная женщина, выдающийся бродвейский агент. Она работала с мужем, Биллом Либлингом, и они представляли лучших американских драматургов, включая Теннесси Уильямса и Уильяма Инге.

– Спектакль будет из ряда вон выходящим, – предрекала Одри. – Сэм снова звонил. Он готов заключить контракт. Он друг Мосса Харта, и Мосс поставит для него пьесу.

Что может быть лучше!

Но на этом дело не кончилось.

Одри снова мне позвонила:

– У меня новости. Уильям Уайлер прочитал вашу пьесу и хочет ставить фильм.

Уильям Уайлер был одним из самых известных голливудских режиссеров, ставивших такие фильмы, как «Миссис Минивер», «Бен-Гур», «Лучшие годы нашей жизни», «Римские каникулы», «Как украсть миллион», «Смешная девчонка». Он работал в «Майриш компани» и не только собирался ставить картину, но и вложить деньги в бродвейское шоу. Теперь мне предстояло выбрать: Сэм Шпигель и Мосс Харт или Уильям Уайлер и «Майриш компани».

– Раз Мосс хочет ставить пьесу, – сказал я Одри, – пусть так и делает. Сэм Шпигель будет продюсером, а кино снимут Уильям Уайлер и «Майриш компани».

Одри покачала головой:

– Сомневаюсь, что Сэм за это возьмется, если не будет иметь прав на киноверсию.

– А вы спросите, – не унимался я.

Назавтра она сказала:

– Я не ошиблась. Шпигель хочет права на кинопостановку. Но у меня есть прекрасный продюсер, который поставит пьесу. Она только что выпустила на сцену настоящую сенсацию. «Кандид». Ее зовут Этель Линдер Райнер.

Я встретился с Этель, пятидесятилетней, седовласой и очень агрессивной особой.

– Мне понравилась ваша пьеса. Вот увидите, мы сделаем

потрясающий хит!

Я прослышал, что Алан Лернер и Фредерик Лоуи написали пьесу об эстрасенсе, но пока придерживают ее из-за «Римской свечи». В кино или на телевидении успех быстро рождает имитаторов, но на Бродвее главное – быть первым. Лернер и Лоуи не хотели выпускать спектакль об экстрасенсе после того, как заявку сделал кто-то другой. Они ждали, как обернется дело с «Римской свечой».

Мы с Аланом вместе работали на «МГМ», и он мне нравился. Он и Фредерик были невероятно одаренными людьми, и я невольно жалел, что они тратят время и талант на шоу, которому не суждено попасть на сцену.

Все твердили, что наш спектакль станет сенсацией, тем более что сам Мосс Харт согласился его ставить.

– Позвоните Моссу и скажите, что мы согласны начать репетиции, – решил я.

– Немедленно звоню. Чем скорее мы начнем, тем лучше.

На следующий день я встречался с Одри и Этель.

– Пришла телеграмма от Мосса, – сообщила Одри и стала читать: – «Дорогая Одри, я получил ваш ультиматум, но пока занят собственной автобиографией, названной „Акт первый“, и смогу приступить к постановке пьесы Сидни не раньше чем через полгода»… Ничего, – утешила меня Одри. – Мы найдем нового режиссера.

Тут мне бы следовало возразить. Напомнить, что на Бродвее нет режиссера лучше, чем Мосс Харт, а также, что нет никакой необходимости спешить. Следовало подождать его.

Но я ненавидел конфронтации. Ненавидел с самого детства, когда то и дело становился свидетелем громких скандалов между Отто и Натали. Поэтому я только кивнул:

– Как скажете.

Это стало одной из величайших ошибок в моей жизни. Этель Линдер Райнер оказалась дилетанткой, не понимавшей специфики Бродвея и Голливуда. Когда я познакомил ее с Уильямом Уайлером, который собирался ставить фильм, она ляпнула, что любит «Сансет-бульвар», поставленный, как известно, Билли Уайлдером.

Мы стали набирать актеров для пьесы. Она выбрала Ингер Стивенс, прелестную молодую актрису, игравшую в телефильмах, Роберта Стерлинга и Джулию Мид. Режиссером стал Дэвид Прессман, имевший крайне небольшой опыт постановщика. Как драматург, я имел право одобрить или не одобрить актерский состав и режиссера, но мне не хотелось неприятностей. Ингер Стивенс и Роберт Стерлинг вылетели в Нью-Йорк, и репетиции

начались.

Как-то мне позвонил Уильям Уайлер и встревоженно объявил:

– Сидни, у нас проблема.

Я тяжело вздохнул:

– Что еще случилось?

– Одри Хепберн и Ширли Маклейн прочитали вашу пьесу, и обе хотят играть в картине.

– Ах, Билли, пусть у нас всегда будут такие проблемы! – отмахнулся я.

Пьеса начиналась с того, что красивая молодая женщина-экстрасенс приезжает в Нью-Йорк, потому что увидела на обложке журнала «Тайм» снимок мужчины, за которого, как она знает, ей суждено выйти замуж. Оказывается, он ученый, помолвленный с дочерью сенатора. С этого момента и начинаются проблемы. Армейское руководство не слишком обрадовано известием о романе одного из своих сотрудников с женщиной, возомнившей себя экстрасенсом.

Репетиции были закончены, и премьера состоялась в провинции. Рецензии вполне могли бы быть написаны Натали.

Филадельфия: «Веселые розыгрыши Сидни Шелдона – источник постоянного наслаждения. Невероятно смешно…»

Нью-Хейвен: «„Римская свеча“ Сидни Шелдона прошлой ночью вызвала много смеха в театре „Шуберт“».

«Джорнал ивнинг», Уилмингтон, штат Делавэр: «„Римская свеча“ – великолепная комедия, с „участием“ армии, подобной которой мы не видели с выхода „Нет времени для сержантов“…»

Джон Чапмен: «„Римская свеча“ – веселый, изобилующий шутками фарс о наших вооруженных силах и прелестной даме-экстрасенсе».

В каждом театре, где шла пьеса, зал сотрясался от смеха зрителей.

– По-моему, эта пьеса будет идти вечно, – твердила Одри.

Я старался не слишком радоваться, хотя рецензии были неизменно хвалебными. Но я продолжал работать над пьесой, оттачивая реплики, совершенствуя текст. Все шло так хорошо, что мы решили вернуться в Нью-Йорк. Все пылали энтузиазмом, и не без причины. Зрителям нравилась пьеса.

Пришла пора показать ее на Манхэттене. Мы арендовали театр «Корт», идеальное место для премьеры. Показам предшествовали лестные рецензии. Страницы газет и журналов, посвященные шоу-бизнесу, пестрели снимками и статьями, объявляющими о новом хите. От родных и друзей на Бродвее и в Голливуде потоком шли поздравительные телеграммы. Всех нас

охватило невероятное возбуждение. Мы начали делать ставки.

– Бьюсь об заклад, она продержится два года, – твердила продюсер.

– Вместе с гастрольными спектаклями – три, а то и четыре года, – возражала Одри Вуд.

Обе повернулись ко мне. Но я уже успел усвоить горькие жизненные уроки.

– Я много лет назад зарекся что-то предсказывать, когда речь идет о театре.

Премьера прошла прекрасно. Зрители хохотали. К ночи стали поступать первые рецензии.

«Нью-Йорк таймс»: «Скучнее, чем шестидневная велосипедная гонка».

«Вэрайети»: «Персонажи на удивление бесцветны».

«Нью-Йорк геральд трибюн»: «Я никоим образом не желаю дать вам понять, что постановка провалилась. „Римская свеча“ – милое, скромное, средненькое шоу».

«Q-мэгазин»: «Актеры оживили сцену театра „Корт“ куда больше, чем позволяет сценарий».

Какой-то ученый муж сказал, что критик – это тот, кто ждет премьеры шоу, судьба которого не слишком ясна, чтобы потом ворваться и пристрелить раненых.

«Римская свеча» закрылась после пяти спектаклей.

Вскоре Лернер и Лоуи поставили свою пьесу об экстрасенсе. Она называлась «В ясный день можно увидеть вечность».

Пьеса имела огромный успех.

* * *

Из Голливуда позвонила мой агент:

– Мне очень жаль, что с пьесой все так плохо.

– Мне тоже.

– Боюсь, у меня плохие новости.

– Мне казалось, я уже узнал все плохие новости.

– Не все. Уильям Уайлер решил не браться за фильм.

Это оказался последний удар.

До чего же легко *почти* стать автором бродвейского хита!

Глава 28

Однажды в каньоне, на краю которого стоял наш дом, начался пожар. Если бы огонь вышел за пределы каньона, десятки домов были бы уничтожены. К нам постучал пожарный:

– Огонь распространяется слишком быстро. Собирайте все, что можете, и уходите.

Джоджи поспешно сунула в сумку кое-какие вещи. Я схватил за руку пятилетнюю Мэри и потащил к машине. Следовало в считанные минуты решить, что взять с собой. Усадив Мэри, я помчался в кабинет, где стояли мои награды и целая полка была уставлена первыми изданиями, где находились все документы, спортивные костюмы и мои любимые клюшки для гольфа. Но было кое-что поважнее – я сунул в карман горсть ручек и с полдюжины блокнотов, которые мог бы купить в любой мелочной лавчонке. И все потому, что в глубине души сознавал: если придется провести в отеле несколько недель, нельзя прерывать работу. Нужно писать дальше.

Это все, что я захватил из дома.

– Я готов.

К счастью, пожарные смогли совладать с огнем и наш дом остался невредим.

В трубке звучал знакомый голос:

– Критики просто спятили. Я читал сценарий «Римской свечи» и должен сказать, что это шедевр.

Это был Дон Хартман!

– Спасибо, Дон, я ценю ваше мнение.

Только цветов не посылай!

– Я хочу, чтобы вы написали вариант сценария. Он называется «Все за одну ночь». Главные роли играют Дин Мартин и Ширли Маклейн. Продюсер – Хэл Уоллис. Оригинальный сценарий совсем неплох, но его следует переписать под наших звезд.

– Буду счастлив работать с Дином.

– Прекрасно. Когда сможете начать?

– Боюсь, не сейчас. Мне нужно минут пятнадцать, не меньше.

Дон рассмеялся:

– Я позвоню вашему агенту.

До чего же хорошо снова вернуться на «Парамаунт»! С этой студией связано столько прекрасных воспоминаний. И столько знакомых лиц: продюсеры, режиссеры, сценаристы, секретарши. Словно я опять оказался дома!

У меня была назначена встреча с Хэлом Уоллисом. Несколько раз мы пересекались на вечеринках и в официальной обстановке, но никогда не работали вместе. Он был продюсером таких известных фильмов, как «Маленький Цезарь», «Насылающий дождь», «Я сбежал от технарей» и «Татуированная роза». Даже в семьдесят лет он сохранил силы, энергию и жажду деятельности.

Когда я вошел в его офис, он поднялся.

– Я просил, чтобы именно вы писали сценарий, поскольку считаю, что эта картина в вашем стиле.

– С нетерпением жду начала работы.

Мы обсудили фильм, и он долго говорил о своем видении постановки. Когда я собрался уходить, он добавил:

– Кстати я читал «Римскую свечу». Великолепная пьеса.

Слишком поздно, Хэл.

– Спасибо.

Пора приступать к работе.

Эдмунд Белоин и Морис Рихлин написали превосходный сценарий. Но Дон был прав. Его следовало перекроить для Дина и Ширли. Оба были такими своеобразными личностями, что я посчитал задачу несложной.

Как-то, когда я вернулся домой со студии, Джоджи ждала меня с большим букетом цветов. Лицо ее сияло.

– С Днем отца тебя.

Я удивленно уставился на нее:

– Но сейчас не июль…

И тут до меня дошло. Я схватил ее в объятия и стал целовать.

– Хочешь девочку или мальчика?

– Обоих сразу. И можно два комплекта.

– Тебе легко говорить!

Я прижал ее к себе еще крепче.

– Не имеет значения, дорогая. Будем надеяться, что малыш окажется таким же чудесным, как Мэри.

Дочке уже исполнилось пять. Что скажет она, узнав, что у нее скоро появится брат или сестренка?

– Ты сама объяснишь Мэри? Или это сделаю я?

– Я уже все объяснила.

– И как она отреагировала?

– Заявила, что очень счастлива, но через несколько минут я увидела, как она считает, сколько шагов от нашей спальни до ее комнаты. И от нашей спальни до детской.

– Ей понравится быть старшей сестрой, – заверил я смеясь. – Как мы назовем ребенка?

– Если будет девочка, назовем Александрой.

– Согласен. Красивое имя. Если же появится мальчик, давай

назовем его Александром. Это означает защитник человечества.

– Звучит хорошо, – улыбнулась жена.

Мы всю ночь проговорили о наших планах на будущее для Мэри и малыша. К утру я устал, но был счастлив. Невероятно счастлив.

Сценарий «Все за одну ночь» продвигался довольно быстро. Время от времени я советовался с Хэлом Уоллисом, и его замечания всегда оказывались весьма полезными. Декорации уже были изготовлены, и на борт поднялся режиссер Джозеф Энтони.

К актерскому составу прибавились Клифф Робертсон и Чарлз Рагглс. Хотя я уже работал с Дином раньше, никогда не встречал Ширли Маклейн и знал только, что она очень талантлива и верит в то, что прожила уже много жизней. Может, так и есть. Но в нынешней жизни она оказалась живой рыжеволосой особой, бурлившей энергией.

– Сидни Шелдон.

Она посмотрела на меня.

– Ширли Маклейн. Рада познакомиться.

Интересно, встречались ли мы в прошлой жизни?

Увидев меня, Дин улыбнулся:

– Я тебе еще не надоел?

– Никогда.

Дин совсем не изменился: все тот же веселый, общительный, спокойный человек, которого я давно знал и на которого нисколько не повлияла его звездная слава.

После разрыва с Джерри последний снялся еще в сорока фильмах и посвятил себя сбору денег для детей, страдавших мышечной дистрофией. Дин продолжал сниматься в кино и телешоу, имевших большой успех.

Телевидение идеально соответствовало образу жизни Дина. В его контракте предусматривалось отсутствие репетиций. Он приходил, проводил шоу и откланивался. И шоу всегда были великолепны.

Мы с Джоджи давали званые ужины и сами ходили в гости. Но, чтобы не походить на Отто, вечно использовавшего своих друзей, я заходил в своем рвении чересчур далеко и ненамеренно обижал прекрасных людей. Эдди Ласкер был наследником знаменитого рекламного агентства «Лорд и Томас». Его жена Джейн Грир была красивой и преуспевающей актрисой. Они часто приглашали нас в свой дом и давали роскошные праздники. Мы с Джоджи очень любили бывать в их обществе.

Как-то Эдди сказал:

– Нам так хорошо вместе. Почему бы не встречаться раз в неделю?

Но я подумал, что не могу развлекать друзей с таким же размахом, как Эдди, и, значит, в какой-то мере воспользуюсь его деньгами и положением. И поэтому сказал:

– Эдди, давай будем видеться, когда сможем.

И увидел в его глазах боль.

Нашими друзьями были также Артур Хорнблоу и его жена Ленора. Артур был известным продюсером.

– У меня есть проект, созданный прямо для тебя, – заметил он однажды.

Он человек преуспевающий, а мне нужна была работа, но не хотелось пользоваться его влиянием…

И я сказал:

– Не стоит, Артур. Я не хочу ни от кого зависеть.

Так я потерял друга.

Сценарий «Все за одну ночь» был закончен, а вскоре Джоджи пришло время рожать. На этот раз я был готов. Знал, где находится больница, и выехал заранее, чтобы не торопиться. Нам дали отдельную палату, и оставалось только ждать появления нашего… Мальчика? Девочки? Мне действительно было все равно.

Наш акушер, доктор Блейк Уотсон, уже прибыл в больницу.

Александра появилась в час ночи. Я ждал за дверями родильной палаты, когда оттуда выбежали доктор Уотсон и две медсестры. Доктор нес завернутую в одеяло малышку.

– Доктор, как…

Он метнулся мимо. Я запаниковал. И тут сестра выкатила кресло с Джоджи. Она была очень бледна.

– Все в порядке? – встревоженно спросила жена.

Я взял ее за руку.

– Ну конечно. Не о чем волноваться. Я сейчас приду.

Как только они скрылись из виду, я пошел искать доктора Уотсона. Проходя мимо блока интенсивной терапии новорожденных, я увидел его сквозь стекло. Он о чем-то спорил с двумя другими докторами. Сердце у меня заколотилось. Я хотел ворваться в комнату, но заставил себя подождать. Доктор Уотсон, подняв голову, увидел меня и что-то сказал остальным. Все повернулись ко мне, и у меня перехватило дыхание. Уотсон вышел в коридор.

– Что случилось? Что… что-то неладно? – едва выговорил я.

– Боюсь, у меня плохие новости, мистер Шелдон.

– Девочка мертва?!

– Нет. Но… – Он замялся, явно пытаясь подобрать слова: – Ваш ребенок родился с пороком развития позвоночника.

Мне хотелось хорошенько тряхнуть его.

– Что это?.. Не можете объяснить простым английским языком?

– Это врожденный дефект. Во время первых нескольких месяцев беременности позвоночник развивался неправильно. У новорожденного как бы расщеплен позвоночник, и позвоночный канал закрыт не полностью. Это один из наиболее…

– В таком случае, ради Бога, сделайте что-нибудь! – истерически крикнул я.

– Это не так просто. Нужен опытный…

– В таком случае созовите специалистов! Слышите? Немедленно! Кого угодно, только скорее! – вопил я, окончательно потеряв самообладание.

Доктор взглянул на меня, кивнул и поспешил прочь.

Я вспомнил, что придется обо всем рассказать жене. Эта минута без преувеличения была одной из самых тяжелых в моей жизни.

Когда я вошел, она встрепенулась:

– Что случилось?

– Все будет хорошо, – заверил я. – У Александры… небольшая проблема. Но доктора обязательно все исправят. Вот увидишь, все обойдется.

В четыре часа утра пришли еще два врача, и Уотсон отвел их в блок интенсивной терапии новорожденных. Я постоял у стеклянной перегородки, мысленно умоляя их кивнуть, ободряюще улыбнуться. Но, поняв, что не в силах это вынести, вернулся к Джоджи и сел рядом с ее кроватью.

Через полчаса пришел доктор Уотсон:

– Два специалиста, занимающиеся этим пороком развития, осмотрели вашего ребенка. Оба считают, что у нее почти нет шансов выжить. Но если она и выживет, у нее скорее всего начнется гидроцефалия, иначе говоря, скопление жидкости в мозгу.

Каждое слово было словно удар.

– Кроме того, у девочки начнутся сложности с почками и мочевым пузырем. Лечения от этого врожденного дефекта нет.

– Но возможно ли, что она будет жить? – спросил я.

– Да, но…

– Тогда мы возьмем ее домой. Наймем сиделок, купим специальное оборудование…

– О нет, мистер Шелдон. Ее поместят в специализированный детский центр, где привыкли иметь дело с подобными

проблемами. Недалеко от Помоны есть такой дом, где ей будет обеспечен надлежащий уход…

Мы с женой переглянулись.

– Значит, мы будем ее навещать, – кивнула Джоджи.

– Лучше не надо.

Я не сразу понял истинный смысл этих слов:

– Хотите сказать…

– Она умрет. Мне очень жаль. Вы можете только молиться за нее.

Как можно молиться, чтобы твой ребенок умер?!

Я прочитал все, что мог найти в медицинских журналах об этом пороке развития позвоночника. Прогнозы были самые скверные. Когда Мэри спросила, где Александра, мы объяснили, что малышка больна и не скоро приедет домой.

Я почти не спал. Перед глазами стояла кричащая от боли девочка, колыбель которой находилась в незнакомом месте, среди чужих людей, где никто не возьмет ее на руки, не будет любить. Иногда я просыпался среди ночи и находил плачущую жену в пустой детской. Но надежда продолжала жить. В некоторых случаях такие дети доживали до старости. Александре потребуется специальный уход, но мы могли обеспечить его ей. Мы не остановимся ни перед чем. Доктор Уотсон ошибался. Чудеса в медицине тоже бывают!

Когда я видел статью о новом лекарстве, призванном спасти десятки жизней, то показывал ее жене:

– Смотри. Такого еще вчера не было. А теперь люди выживут благодаря этому средству.

Джоджи предпочитала статьи о новых открытиях в медицине в надежде, что врачи найдут способ спасти нашу девочку.

– Я уверен, что это будет скоро, – поддерживал ее я. – В ней наши гены. Она борец. Все, что от нее требуется, – немного продержаться. – И, поколебавшись, добавил: – Думаю, нам следует привезти ее домой.

Глаза Джоджи были полны слез.

– Ты прав.

– Утром я позвоню доктору Уотсону.

Мне удалось застать доктора в его офисе:

– Доктор, я хочу поговорить с вами насчет Александры. Мы с Джоджи считаем…

– Я как раз собирался вам звонить, мистер Шелдон. Александра скончалась этой ночью.

Если и есть ад на земле, то существует он для родителей,

потерявших свое дитя. И эта невыносимая скорбь навсегда остается с тобой. Мы не могли не представлять, как Мэри и Александра играют вместе, наслаждаются чудесной, счастливой жизнью, окруженные нашей любовью.

Но Александра никогда не увидит заката. Никогда не пройдет по прекрасному саду. Никогда не залюбуется полетом птиц. Не ощутит теплого летнего ветерка. Никогда не попробует мороженого, не восхитится фильмом или пьесой. Никогда не наденет модного платья. Не сядет в машину. Не узнает радости любви и не возьмет на руки своего ребенка. Никогда, никогда, никогда…

Многие считают, что боль со временем уменьшается. Наша боль становилась только сильнее. Жизнь словно замерла. Единственным утешением была Мэри, и мы буквально над ней тряслись.

И все-таки однажды я спросил Джоджи:

– Ты не хотела бы усыновить ребенка?

– Нет. Слишком рано.

Но через несколько дней она сама пришла ко мне и сказала:

– Может, ты прав. Мэри следует иметь брата или сестру.

Мы поговорили с доктором Уотсоном. Оказалось, на днях к нему приходила студентка колледжа, только что порвавшая со своим бойфрендом. Девушка была уже на сносях и хотела отдать ребенка на усыновление.

– Мать ребенка умна, привлекательна и происходит из хорошей семьи, – сообщил Уотсон. – Думаю, лучшего и желать не надо.

Мы с женой и шестилетней дочерью собрались на семейный совет.

– У тебя решающий голос, – сказали мы Мэри. – Хочешь иметь маленького брата или сестренку?

Малышка немного подумала:

– Он ведь не умрет, верно?

Мы переглянулись.

– Нет, – заверил я, – не умрет.

– Хорошо, – кивнула дочь.

Решение было принято, и я заплатил за предстоящие роды.

Через три недели, в полночь, позвонил доктор Уотсон:

– У вас родилась здоровая дочь.

Мы назвали ее Элизабет Эйприл, и это имя очень ей шло. Она была красивым, здоровым кареглазым ребенком. Мне казалось, что у нее губительная для всех мужчин улыбка, но Джоджи уверяла, что это, возможно, просто газы.

Мы взяли Элизабет Эйприл домой, как только разрешили

врачи, и жизнь началась снова. Мы мечтали для нее о том будущем, которое раньше предназначалось Александре. Элизабет Эйприл стала нашей плотью и кровью, частью нашей семьи. Мы пошлем ее в лучшие школы и позволим делать карьеру. К нашей радости, оказалось, что Мэри ее обожает. Мы одевали девочку в прелестные костюмчики, которые выбирали для Александры. Купили ей краски и палитру, на случай если у нее вдруг проявятся способности художника. Собирались через несколько лет обучать ее игре на пианино.

Со временем выяснилось, что Элизабет Эйприл очень привязалась к старшей сестре. Стоило Мэри подойти к ее колыбельке, как девочка начинала смеяться. Мы были уверены, что они и дальше будут опорой и поддержкой друг друга.

Но когда до полугода Элизабет Эйприл осталась всего неделя, позвонил доктор Уотсон.

– Мы вам так благодарны, доктор, – сказал я. – На редкость здоровая и веселая малышка. Вы сделали прекрасный выбор.

Ответом мне было долгое молчание.

– Мистер Шелдон, – начал он наконец, – мне только что звонила мать девочки. Она хочет вернуть своего ребенка.

Я похолодел.

– О чем вы толкуете, черт побери? Мы удочерили Элизабет Эйприл и…

– К сожалению, в нашем штате есть закон, по которому мать, отдавшая ребенка на усыновление, может передумать в течение первых шести месяцев. Мать и отец девочки решили пожениться и взять ее себе.

Когда я рассказал Джоджи об этом разговоре, она так побледнела, что казалось, вот-вот лишится чувств.

– Никто не имеет права забирать у нас девочку.

Но у власти были все права.

На следующий день Элизабет Эйприл увезли. Мы с Джоджи не могли поверить происходившему.

Мэри, всхлипывая, пробормотала сквозь слезы:

– До чего же все было классно, а теперь…

Не помню, как нам удалось пережить пытку следующих месяцев, но мы каким-то образом выжили. И нашли утешение в Церкви религиозной науки, представляющей собой рациональное сочетание науки и религии. Ее философия мира и доброты оказалась именно тем, в чем так нуждались я и Джоджи. Год мы ходили на курсы практических занятий и еще год – на проповеди. Если исцеление было и не полным, то прогресс все-таки ощущался. В наших жизнях по-прежнему оставалась пустота, но независимо от этого следовало идти дальше.

Глава 29

Сэмми Кана, знаменитого поэта-песенника, однажды спросили:

– Что важнее: музыка или стихи?

– Ни то ни другое, – ответил он. – На первом месте – телефонный звонок.

Телефонный звонок на этот раз был от Джо Пастернака:

– Сидни, «МГМ» только что купила для меня «Джамбо». Мы хотим, чтобы вы написали сценарий. Вы сейчас свободны?

Я был свободен.

«Джамбо» Билли Роуза впервые прошел на Бродвее в 1935-м. Билли Роуз, один из влиятельных бродвейских продюсеров, был из тех людей, которые все делают с большим размахом. Он купил гигантский театр «Ипподром» на Сорок третьей улице и перестроил его в виде циркового шатра, так что публика смотрела на «арену». В спектакле участвовали Джимми Дюран и Пол Уитмен. Сценарий написали Бен Хект и Чарли Макартур, музыку – Роджерс и Харт, а режиссером был Джордж Эббот. Можно сказать, цвет театрального общества. Элита.

Рецензии на спектакль были восторженными, но беда в том, что постановка оказалась слишком дорогой и устроители даже не смогли оправдать расходы, не говоря уж о каких-то прибылях. Шоу закрылось через шесть месяцев.

Прошло почти десять лет с тех пор, как я в последний раз был на территории «МГМ». На первый взгляд все казалось прежним. Впрочем, скоро я понял, что ошибался.

Зато Джо Пастернак совершенно не изменился. Все тот же веселый, энергичный, брызжущий остроумием человек.

– Я уже подписал контракт с Дорис Дэй, Мартой Рей и Джимми Дюраном. Для того чтобы заполучить Дорис, пришлось сделать ее мужа Марти Мелчера сопродюсером. Режиссер – ваш старый друг Чак Уолтерс.

А вот это прекрасные новости! Я не видел Чака после работы над «Пасхальным парадом».

– А кто будет играть главного героя?

Пастернак нерешительно пожал плечами:

– Пока еще неизвестно, но есть один актер, играющий в «Камелоте» на Бродвее, который, вероятно, может подойти.

– Как его зовут?

– Ричард Бартон. Я попрошу вас вылететь вместе с Уолтерсом в Нью-Йорк и взглянуть на него.

– С радостью.

Впервые за этот день я испытал настоящий шок, придя на обед в столовую и обнаружив, что там работает все та же старшая официантка Полин. Мы поздоровались, и она принялась усаживать меня.

– А где столик сценаристов? – спросил я.

– Такого больше нет.

– Ну, тогда придется завести, – решил я.

Она грустно покачала головой:

– Мистер Шелдон, боюсь, вам придется пообедать в одиночестве. Вы единственный сценарист на студии.

От пятидесяти сценаристов до «вы – единственный сценарист на студии»?

Вот до чего изменился Голливуд за последние десять лет!

Следующие несколько дней я работал над переделкой «Джамбо» для экрана. В пятницу мы с Чарлзом Уолтерсом вылетели в Нью-Йорк посмотреть Ричарда Бартона в «Камелоте», грандиозной постановке Мосса Харта. Игра Бартона показалась мне блестящей.

Руководство студии устроило нам ужин с Бартоном после спектакля. Мы ждали его в «Сарди». Ричард Бартон был неотразим: простой, открытый, общительный, исполненный сердечного валлийского обаяния. Он был умен и начитан. И я был уверен, что впереди его ждет слава.

Поскольку у меня еще не было времени написать синопсис, я признался:

– На бумаге пока ничего нет, но, если позволите, я хотел бы рассказать, что успел придумать.

– Обожаю всякие истории. Валяйте, – улыбнулся Бартон.

«Джамбо» была романтической любовной историей, на фоне соперничества между двумя цирками. Услышав, что я собираюсь сделать, Бартон пришел в восторг:

– Я просто влюбился в сценарий и давно мечтал сниматься с Дорис Дэй. Позвоните моему агенту и скажите, что я прошу заключить контракт.

Мы с Чаком переглянулись. Похоже, герой найден. Все улажено. Наутро мы вернулись в Голливуд. Джо Пастернак велел Бенни Тау подписать контракт с Бартоном. Тау позвонил Хью Френчу, голливудскому агенту Бартона, и назначил встречу.

Едва они обменялись приветствиями, Френч сказал:

– Ричард мне звонил. Ему очень нравится проект. Он готов приступить к работе.

– Прекрасно. Начнем составлять контракт.

– На какую сумму? – спросил Хью.

– Двести тысяч долларов. Столько он получил за последнюю картину.

– Но мы хотим двести пятьдесят, Бенни, – запротестовал агент.

Тау, человек прижимистый и привыкший торговаться, вознегодовал:

– С чего это мы должны дать ему на пятьдесят тысяч больше? Не такой уж он великий актер! Эта роль – для него великолепная возможность продвинуться!

– Бенни, я должен признаться, что у него есть предложение другой студии. Они готовы заплатить двести пятьдесят.

– Прекрасно, – упорствовал Тау. – Пусть они и платят. Мы найдем другого актера.

Вот так вышло, что вместо «Джамбо» Бартон сыграл Цезаря в «Клеопатре», встретил и влюбился в Элизабет Тейлор. Вместе они создали волнующую новую главу в истории голливудских романов. Но я уверен, что, если бы Тау не поскупился, Ричард Бартон снялся бы в «Джамбо» и женился на Марте Рей.

На главную роль мы взяли Стивена Бойда, и к съемкам все было готово. Состав был блестящим. Дорис Дэй идеально подходила для роли Китти Уандер. Стивен Бойд был превосходен, а Марта Рей – просто восторг. Но моим любимцем был Джимми Дюран.

Дюран начал как пианист. Он открыл ночной клуб и составил программу с двумя другими исполнителями, Джексоном и Клейтоном. Но когда решил выступать соло, все же продолжал платить бывшим партнерам. Он любил рассказывать истории о прошлом, и я никогда не слышал от него ни одного недоброго слова в чей-то адрес.

Мой сценарий был одобрен, съемки начались и продолжались без всяких неприятных случайностей. После выпуска «Джамбо» был номинирован на премию Гильдии сценаристов в номинации «Лучший американский мюзикл года».

Мне позвонил мой агент Сэм Вайсборд:

– Сидни, мы только сейчас продали Пэтти Дьюк Эй-би-си.

Я знал это имя. В двенадцать лет Пэтти Дьюк получила роль Хеллен Келлер в «Сотворившей чудо», взяла Бродвей штурмом. И получила за роль Оскара.

– Время у нас уже выделено, – продолжал Сэм. – По средам в восемь вечера. Назовем программу «Шоу Пэтти Дьюк». Но у нас проблема.

– Не понимаю. В чем проблема, если все улажено?

– Никакого шоу у нас нет.

Значит, они купили только имя!

– Мы хотим, чтобы шоу создал ты.

– Прости, Сэмми, но я отказываюсь.

В начале шестидесятых люди, работавшие в кино, смотрели сверху вниз на тех, кто трудился на телевидении. Когда телевидение было в самом зародыше, руководители обратились к главам студий:

– У нас прекрасная форма распространения, но мы не умеем создавать развлекательные программы. Почему бы нам не стать партнерами?

Ответ был прост. У студий были свои средства распространения. Они назывались кинотеатрами. Большинство студий владели собственными сетями кинотеатров и не собирались связываться с какими-то выскочками. Студии были так настроены против телевидения, что не позволяли звездам появляться на голубом экране даже в выпусках новостей.

Я тоже разделял эту позицию, тем более что вспомнил эпизод с Дези, и поэтому заявил:

– Прости, Сэмми. Но я не желаю иметь дело с телевидением.

Сэмми помолчал, потом сказал:

– Ладно. Я понимаю. Но прошу тебя исключительно ради меня пообедать с Пэтти.

Я посчитал, что в просьбе нет ничего плохого. Мне и самому не терпелось ее увидеть.

Мы договорились пообедать в «Браун дерби». Пэтти пришла в сопровождении четырех агентов из офиса «Уильям Моррис». Тогда ей было всего шестнадцать лет. Она оказалась меньше ростом, чем я ожидал, и какой-то беззащитной. Пэтти села в кабинку рядом со мной.

– Я очень рада познакомиться с вами, мистер Шелдон.

– А я – с вами, мисс Дьюк.

За обедом мы много говорили, и постепенно ее застенчивость исчезла. Она время от времени брала меня за руку, и было очевидно, что бедняжка изголодалась по любви.

История Пэтти была сплошным кошмаром, словно из романов Диккенса. Ее мать сошла с ума. Пьяница-отец бросил семью. В семь лет Пэтти переехала к своему менеджеру Джону Россу и его жене Этель в крохотную жалкую квартирку, где не было даже горячей воды. У Пэтти никогда не было семьи.

До «Шоу Пэтти Дьюк» Джон Росс был нищим, мелким менеджером, чья клиентура состояла из малоизвестных характерных актеров. Среди них был один молодой актер по

имени Рэй Дьюк. Как-то он подошел к Россу и спросил, не согласится ли тот представлять его младшую сестру Анну, которая до сих пор не имела сценического опыта. Росс встретился с семилетней девочкой и согласился ее представлять.

Несколько месяцев спустя, когда жизнь Анны стала невыносимой, Россы решили взять ее к себе и сразу изменили ее имя на Пэтти. Идея принадлежала Этель Росс, которая объявила:

– Анна-Мария мертва. Теперь ты Пэтти.

Однажды Джон Росс случайно прочитал пьесу «Сотворившая чудо», которую собирались ставить на Бродвее, и решил, что Пэтти Дьюк подойдет для роли Хеллен Келлер, слепоглухонемой девочки. На несколько месяцев он превратился в преподавателя драматического искусства и обучил Пэтти всему, что знал. Когда она в числе ста остальных девочек боролась за эту роль и победила, их жизнь окончательно изменилась. На следующий день после премьеры пьесы никому не известная юная актриса превратилась в звезду.

К Россу стали поступать предложения на десятки тысяч долларов в неделю. Теперь ни к чему было стучаться в двери продюсеров и умолять взять его клиентов. Росса осаждали продюсеры, режиссеры и руководители студий. Он не мог поверить своему везению.

К концу обеда я обнаружил, что застигнут врасплох, очарован и нахожу Пэтти неотразимой.

– Не хотите ли прийти сегодня к нам на ужин? – спросил я.

Девушка просияла:

– С удовольствием.

Джоджи была так же очарована Пэтти, как и я. Девушка оказалась умной, живой и весь вечер веселила нас шутками, анекдотами и рассказывала забавные случаи из своей сценической карьеры.

Мы с женой отвлеклись и не сразу заметили, что Пэтги за столом нет. Я отправился на поиски и увидел ее в кухне, где она мыла посуду. Это меня доконало.

– Я обязательно помогу сделать вам шоу, Пэтти.

В награду меня обняли и поблагодарили едва слышным шепотом.

Я решил, что если уж мое имя появится в титрах телешоу, необходимо по крайней мере контролировать его качество, и поэтому добился встречи с продюсерами.

– Мы счастливы, что вы собираетесь делать это шоу, Сидни.

– Спасибо.

– Мы хотим назначить вас основным автором, редактором и старшим над другими сценаристами.

– Мне не нужны другие сценаристы.

– Что?! – дружно воскликнули они, удивленно посмотрев на меня.

– Если мне поручено писать это шоу, я хочу писать его в одиночку.

– Сидни, это невозможно. У нас заказ на тридцать девять выпусков, по одному в неделю.

– Я намереваюсь написать все.

Они в ужасе переглянулись. Только позже я узнал, в чем причина. В истории телевидения еще не было случая, чтобы кто-то в одиночку писал сценарий для еженедельного получасового комедийного шоу.

– Варианты возможны?

– Нет.

– Тогда пусть будет по-вашему.

Прошло несколько месяцев, прежде чем мне объяснили: в тот день, когда я подписал контракт, телевизионщики наняли еще четырех человек писать запасные варианты сценариев, чтобы, когда я приду и признаюсь в полной неспособности написать выпуск на следующую неделю, они смогли торжественно предъявить сценарии и тем самым утереть нос неопытному писаке.

Поскольку Пэтти была несовершеннолетней, а законы о детском труде в Калифорнии были весьма строги, мы решили снимать в Нью-Йорке, где дети могли работать столько, сколько требовал продюсер.

Мы с Джоджи и Мэри снова перебрались в Нью-Йорк.

Создание телешоу для Пэтти Дьюк было нелегкой задачей, поскольку девочка была невероятно талантлива, а я хотел, чтобы зрители это поняли. Я предложил ей играть роли сестер-близнецов: одна – веселая, кокетливая, разбитная нью-йоркская девчонка и другая – скромная провинциальная шотландочка, которую разлучили с сестрой при рождении.

Билл Ашер, назначенный продюсером и режиссером, предложил, чтобы мы сделали их кузинами, а не сестрами. Так легче объяснить их многолетнюю разлуку. Я охотно согласился.

«Шоу Пэтти Дьюк» снималось в старой телестудии на Двадцать шестой улице, в двенадцати кварталах от кинотеатра, где я когда-то служил билетером и зазывалой. Район был не из престижных. Как-то мне прислали новую секретаршу. Работа начиналась с девяти утра. В десять по ее туфле пробежала огромная крыса. В двенадцать на нее напали и ограбили, когда

она шла обедать. К часу девушка уволилась.

Я уже написал двенадцать выпусков, так что пора было начинать кастинг. Нам очень повезло – телестудии удалось заполучить Уильяма Шаллерта на роль отца Пэтти, Джин Байрон – на роль матери. Пол О'Киф играл ее брата, а Эдди Эпплгейт – ухажера.

В первый же день Пэтти установила ритуал, продолжавшийся до конца съемок. Каждое утро весь актерский состав и съемочная бригада строились длинную линию и начинали петь:

– С добрым утром, с добрым утром, с добрым утром всех ребят! Мы шагаем, мы шагаем, мы шагаем дружно в ряд!

Не правда ли, интересное зрелище – видеть закаленных ветеранов, зачастую небритых, в майках, старательно поющих детскую песенку. На взгляд постороннего, Пэтти была одной из самых счастливых звезд на телевидении, и только через три года я узнал правду.

Существует несомненная опасность для актера, играющего две роли одновременно. Если публика не сумеет отличить одного персонажа от другого, путаница может стать фатальной. Пытаясь избежать этого, мы одевали Пэтти в простую повседневную одежду и шили для Кэти более строгие костюмы. Для усиления эффекта я писал для Пэтти диалоги, подходящие молодой, энергичной, общительной девице, а Кэти сделал сдержанной и благовоспитанной.

Но, увидев отснятый за первый день материал, я понял: все предосторожности были излишними. Она просто становилась то одним, то другим персонажем.

Вскоре у меня начались проблемы с телестудией. От Эй-би-си общее руководство осуществлял молодой человек, которого я назову Тоддом. Каждый понедельник он заявлялся ко мне в офис с одним и тем же приветствием:

– Я читал ваш последний сценарий. Настоящее дерьмо. Вы разоряете студию.

Чаша моего терпения переполнилась, когда мы стали записывать музыку для первого выпуска.

Студия наняла талантливого лауреата академической премии, аранжировщика и композитора Сида Рамина. Когда первый вариант был закончен, мы с Сидом тихо разговаривали на одном конце тонателье. Случайно подняв глаза, я увидел спешившего к нам Тодда. Он остановился перед Сидом и громко заявил:

– Ваша музыка – единственное, что есть приличного в этом

шоу.

Днем я позвонил главе студии.

К следующему утру Тодд навсегда исчез из моей жизни.

Глава 30

Когда Джон Росс сумел раздобыть Пэтти главную роль в телесериале, себе он выговорил роль помощника продюсера. Обязанности его при этом были весьма неопределенными.

Продюсеры пояснили мне, что его работа – ни во что не вмешиваться и делать все для счастья Пэтти.

Однажды Росс ворвался ко мне едва не в слезах.

– Что случилось? – встревожился я. – В чем дело?

– Сегодня на репетицию приедет журналистка из «Лайф».

– Так ведь это хорошо, правда?

– Нет, – выдавил он. – Теперь в «Лайф» узнают, что у меня нет секретарши!

По мере того, как приближалась дата первого показа шоу, у нас появлялись проблемы. Беда в том, что Билл Ашер, наш продюсер-режиссер, любил заниматься несколькими проектами одновременно. В результате он сильно опаздывал с нашим шоу. И вообще ни одно его шоу не было закончено.

Как-то Билл подошел ко мне и сказал:

– Эд Шерик, глава Эй-би-си, хочет взглянуть на пилотные выпуски нашего шоу. Не уверен, что ему понравится: «Учитель французского» или «Гость в доме»?

Главную мужскую роль в «Учителе французского» играл Жан-Пьер Амон, и речь шла о Пэтти, влюбившейся в него и строившей планы на будущее в качестве его жены. «Гость в доме» рассказывал о чудаковатой богатой тетушке, обосновавшейся в доме Лейнов и сводившей хозяев с ума.

– Я хочу, чтобы вы показали Шерику оба фильма. Пусть решит, какой ему больше нравится.

– Как скажете, – согласился я.

Наутро мы показали фильмы Шерику и другим руководителям Эй-би-си. Шерик привел жену и свояченицу, и атмосфера царила самая дружеская.

Свет погас, и показ начался. «Учитель французского» не был еще отредактирован и шел без музыки и некоторых спецэффектов, «Гость в доме» тоже не был отредактирован и тоже шел без музыки и спецэффектов. Общее впечатление было ужасным.

Когда свет зажегся, Шерик встал, смерил меня уничтожающим взглядом и объявил:

– Плевать мне на то, какой вы дадите первым.

Он и его окружение устремились к выходу.

Я сидел совершенно уничтоженный. Может, Тодд Бейкер был прав?

Но вечер премьеры приближался, и следовало принять решение. Теперь Ашер работал день и ночь, чтобы закончить первые два выпуска. Поскольку руководство махнуло на нас рукой, мы сами должны были определить, какой эпизод показать первым. Суматоха была такая, что в первую ночь на западе Соединенных Штатов шел «Учитель французского», а на востоке – «Гость в доме».

В утро среды, на которую была назначена премьера, я шел по вестибюлю студии и наткнулся на Эдди Эпплгейта. Тот подбежал к телефону-автомату, порылся в карманах и в панике осмотрелся.

– У вас есть дайм?[27]

– Конечно. – Я вынул монету из кармана. – Что случилось?

– Я должен позвонить президенту Эй-би-си.

– Президенту… но зачем?!

– Я только сейчас узнал, что выпуск, в котором я играю, пойдет на востоке, а мои родные живут на западе.

Я не сразу понял, в чем дело.

– Хочешь просить президента Эй-би-си поменять шоу местами, чтобы родные смогли тебя увидеть?

– Именно.

Я снова сунул монету в карман.

– Эдди, поверь, у него и без того полно дел. На твоем месте я бы об этом забыл.

Рецензии на первый выпуск были в основном благоприятными. Самым типичным было мнение «Голливуд рипортер»: «Вполне возможно, что именно этот сериал необходим подросткам и их родителям… несомненный успех».

Важнее всего было то, что рейтинги были даже выше, чем мы надеялись. Все были счастливы.

На следующий день «Дейли вэрайети» поместила двухстраничную рекламу Эй-би-си, гласившую: «Хорошие девочки кончают первыми. Мы всегда знали, что „Пэтти Дьюк“ будет хитом».

Точно!

Дальше все покатилось своим чередом. Я решил, что будет неплохо использовать приглашенных звезд. Идея себя оправдала. Я писал сценарии под Фрэнки Авалона, Троя Донахью, Сола Минео и других.

Во время перерыва между съемками мы с Джоджи решили взять Мэри в круиз. Я, как правило, работаю даже в путешествиях

и беру с собой все сценарии – вдруг понадобятся?.. Но на этот раз мне казалось, что в этом нет необходимости.

Как выяснилось, я ошибался.

Как-то утром на борту корабля я получил каблограмму с требованием немедленно позвонить на студию. Я ломал голову, не понимая, что случилось.

Когда трубку поднял кто-то из производственного отдела, я спросил:

– Что происходит?

– У нас не хватает минуты в «Зеленоглазом чудовище», трех минут в серии «Практика рождает совершенство», двух минут в «Говорит Саймон» и полторы минуты в «Пэтти, организатор». Нужно прибавить пару реплик в каждой сцене, и как можно быстрее.

Теперь я знал, в чем проблема, но решения не видел. Во время написания сценария я целиком на нем сосредоточиваюсь. Но, закончив сценарий и перейдя к следующему проекту, я совершенно забываю предыдущий. В результате я не имел понятия, о чем идет речь в упомянутых сценариях.

Я вернулся в каюту и все рассказал жене.

– Не знаю, что теперь делать, – добавил я. – Наверное, придется срочно лететь в Нью-Йорк и взглянуть на сценарии, чтобы освежить память.

И тут вмешалась Мэри, наш восьмилетний гений:

– Не стоит, папа. Я все помню.

И она подробно пересказала сценарии. Сцену за сценой.

Вечером я смог передать на студию каблограмму с новыми страницами текста.

К концу первого года демонстрации «Шоу Пэтти Дьюк» мне позвонили из Голливуда:

– «Скрин джемс» просит вас сделать для них телесериал.

«Скрин джемс» был филиалом «Коламбиа пикчерз».

– Вы заинтересованы в предложении?

– Разумеется.

Мое отношение к телевидению претерпело разительные изменения.

– Там хотят, чтобы вы представили идею шоу и встретились с ними в Голливуде. Когда вы сможете это сделать?

– Как насчет понедельника?

У меня давно была идея сделать шоу с джинном. Правда, такие проекты уже реализовывались, но сюжет неизменно заключался в том, что из бутылки появлялся гигант, подобный Берлу Ивзу, и почтительно спрашивал:

– Что угодно, хозяин?

Я подумал, что будет забавным представить джинна в образе прелестной, молодой, цветущей девушки, вопрошающей:

– Что будет угодно хозяину?

Именно такой сюжет я и решил представить руководителям «Скрин джемс».

Мой агент поймал меня на слове и назначил встречу в «Скрин джемс» на понедельник. Была пятница. В субботу утром я вызвал секретаря и принялся диктовать короткий синопсис сценария, но в процессе работы увлекся, начал вставлять диалоги, расписывать мизансцены, и постепенно стал вырисовываться целый телеспектакль. Я вернулся к началу и надиктовал весь сценарий. Он был закончен к вечеру в воскресенье – теперь можно было мчаться в аэропорт, чтобы успеть на самолет до Лос-Анджелеса.

Встреча в «Скрин джемс» прошла прекрасно. Я беседовал с Джерри Хайамзом, одним из главных руководителей, Чаком Фрайзом и Джекки Купером, бывшим актером, ставшим главой производственного отдела «Скрин джемс». Сценарий им очень понравился.

– Как смотрите на то, чтобы создать собственную компанию и стать продюсером? – спросил Хайамз.

Я вспомнил о «Шоу Пэтти Дьюк». Но ведь никто не предупреждал, что я не могу делать два шоу сразу!

– Без проблем, – кивнул я.

Мы ударили по рукам.

В Нью-Йорке меня ждало сообщение, что «Скрин джемс» уже заключила договор с Эн-би-си на показ «Я мечтаю о Джинни».

Теперь на мне две еженедельные комедии положений, сразу на обоих побережьях.

Но Джерри Хайамз попросил меня посмотреть пилотный выпуск нового шоу, которое вот-вот должно было пойти на экранах. Я посчитал его несомненным будущим хитом.

– Не хотите ли стать продюсером и этого шоу? – спросил Джерри.

Я покачал головой, хотя меня так и подмывало согласиться. Но я сказал «нет».

Временами… вы будете терять контроль над словами и поступками…

«Заколдованная» имела огромный успех.

Мы снимали «Шоу Пэтти Дьюк» в Нью-Йорке и готовились снимать «Я мечтаю о Джинни» в Голливуде. И поскольку времени не хватало, пришлось нанять нескольких соавторов для «Шоу Пэтти Дьюк». Почти каждый уик-энд приходилось летать в

Голливуд. В самолете я работал над сценариями «Пэтти Дьюк» и три дня в неделю готовил «Джинни». В Голливуде моим домом стал отель «Беверли-Хиллз».

В следующий мой приезд в Калифорнию разразился скандал. Морт Вернер, глава Эн-би-си, послал за мной. Лицо его было мрачным.

– Вот здесь у меня меморандум из нашего отдела стандартов и правил, Шелдон, – пробурчал он, швырнув мне пачку бумаг.

Я начал читать и сразу же понял, в чем дело. До руководителей канала наконец дошло, что они купили шоу, в котором красивая, молодая, полуобнаженная женщина живет в одной квартире с холостяком, да еще то и дело осведомляется, что ему угодно. Они запаниковали, боясь, что их привлекут к ответственности за порнографию. Меморандум насчитывал восемнадцать страниц и содержал такие приказы, как:

«Они не должны касаться друг друга».

«Мы должны видеть, как Джинни удаляется в свою бутылку и спит там одна».

«Мы должны видеть, как Тони ложится в постель один».

«Джинни никогда не должна заходить в спальню Тони».

«Никогда не позволять Тони лезть в бутылку Джинни».

И так далее и тому подобное, на восемнадцати страницах.

Едва я закончил читать, Морт Вернер спросил:

– Что вы собираетесь делать? Канал не может показывать подобное шоу.

Слово «аннулирование» витало в воздухе.

Я глубоко вздохнул:

– Я делаю комедию. Не порнофильм. И не собирался привносить туда ничего неприличного. Никаких сексуальных инсинуаций или двусмысленностей.

Он долго молчал, прежде чем бросить:

– Посмотрим.

Это было препятствие номер один.

А вот препятствие номер два: меморандум от вице-президента Эн-би-си.

> «Я обсудил ваш пилотный сценарий кое с кем из креативной команды. Все считают, что он не сработает. Это шоу, построенное на одном забавном сюжете, и, следовательно, долго не протянет».

Я задался вопросом, почему канал вообще купил это шоу. Но, немного поразмыслив, отослал ответ:

> «Вы совершенно правы. Шоу „Джинни“ построено на

одном сюжете и именно поэтому обязательно будет иметь успех. „Я люблю Люси“ построено так же; „Новобрачные“ и „Простаки из Беверли-Хиллз“ из того же ряда. Весь фокус в том, что повороты сюжета меняются каждую неделю. Мы все надеемся, что „Джинни“ будет идти так же долго, как „Я люблю Люси“, „Новобрачные“ и „Простаки из Беверли-Хиллз“».

Больше руководство канала меня не беспокоило.

Пора было набирать актеров. Я всегда считал это самой трудной частью работы продюсера. Мне очень непросто отказать пришедшему на пробы актеру. Все считают, что каждое прослушивание окажется именно тем прорывом, которого они ждут. Они провели бессонную ночь, встали рано утром, приняли душ, тщательно оделись и попытались настроиться на оптимистичный лад.

Я обязательно получу роль.

Я обязательно получу роль.

Я обязательно получу роль.

И они входят в зал с влажными от пота руками и жизнерадостно-фальшивыми улыбками.

Важнее всего было подобрать актрису на роль Джинни, потому что она должна быть соблазнительной и в то же время не откровенно сексапильной, привлекательной, симпатичной и с хорошим воображением. Нам повезло, потому что первой и последней актрисой, которую мы прослушали, оказалась Барбара Иден. У нас не возникло ни малейших сомнений в том, что мы нашли Джинни. Она обладала именно той теплотой и долей наивности, которые вместе с редкостным комическим дарованием должны были привлечь зрителей. Барбара была замужем за актером Майклом Ансарой.

Далее мы пробовали актеров на роль Энтони Нелсона, хозяина Джинни, космонавта. На этот раз пришлось перебрать с полдюжины кандидатур, прежде чем к нам пришел Ларри Хагман. Ларри, сын бродвейской звезды Мэри Мартин, снимался в одной «мыльной опере» на нью-йоркском телевидении, но еще не заявил о себе по-настоящему. Его кинопроба была безупречной, и мы заключили с ним контракт.

Теперь нам был нужен друг космонавта, и в конце концов я выбрал известного комика Билла Дейли, выступавшего в ночных клубах, но никогда не снимавшегося в теле- или кинофильмах.

Мы долго спорили из-за режиссера. Оказалось, что мой сценарий прочитал Норман Джуисон, который позже поставил хитовый фильм «Русские идут, русские идут». Он направил своего

агента в «Скрин джемс», но когда тот стал настаивать, чтобы Джуисон получал проценты с прибыли, нам пришлось поискать другого режиссера.

Ко мне пришел Джин Нелсон, игравший когда-то главные роли в мюзиклах «Уорнер бразерс», а позже поставивший «Шоу Энди Гриффита» и другие телевизионные программы. Мы долго говорили о том, каким должно быть наше шоу, и мне стало ясно: он верно понял суть моего замысла. Так мы нашли режиссера.

В шестьдесят пятом году черно-белое телевидение постепенно уступало место цветному. Все шоу, кроме нашего, тоже снимались в цвете. Я спросил Джерри Хайамса, почему «Джинни» не хотят снимать в цвете.

– Потому что в этом случае каждая серия будет стоить на четыреста долларов дороже.

– Но, Джерри, шоу должно быть цветным. Я заплачу разницу из своего кармана, – возразил я.

Он покачал головой и посоветовал:

– Сидни, не стоит выбрасывать деньги на ветер.

Очевидно, он, как и все, был уверен, что «Джинни» не протянет и года.

В 1965-м, пока на студии готовили пилотный выпуск «Джинни», я на несколько дней вернулся в Нью-Йорк проверить, как идут дела с «Шоу Пэтти Дьюк», второй сезон которого шел к концу.

Джон и Этель были полны решимости не дать никому и ничему лишить их курочки, несущей золотые яйца. Они ни на секунду не оставляли Пэтти одну и даже во время перерыва в съемках брали ее с собой отдыхать и делали все, чтобы она не имела возможности встречаться с молодыми людьми. Когда Пэтти приглашали на вечеринку или благотворительное мероприятие, они ехали вместе с ней и не спускали с нее глаз. Пэтти фактически стала их пленницей.

В программе работал помощник режиссера, двадцатипятилетний Гарри Фолк, славный, очень симпатичный молодой человек. Заметив, что Пэтти часто проводит с ним время на съемочной площадке, Россы настояли на его увольнении. Пэтти была в отчаянии, но ничего никому не сказала.

В честь дня рождения Пэтти компания решила устроить вечеринку прямо в павильоне. Пэтти тайком пришла ко мне:

– Я хочу просить об одном одолжении, Сидни.

– Все, что угодно, Пэтти. О чем речь?

– Я прошу вас пригласить Гарри Фолка на мой день рождения. Вы мне поможете?

– Охотно.

И в день праздника Гарри появился на площадке. Джон и Этель были явно расстроены, но Пэтти, не обращая на них внимания, подошла к Фолку, и остаток вечера они почти не расставались. Возмездие последовало незамедлительно.

Глава 31

Мы завершили кастинг на «Джинни» Хейденом Рорком, игравшим психиатра, и Бартоном Маклейном в роли генерала Питерсона.

Я решил, что первая серия начнется с мини-мультфильма о космонавте, нашедшем женщину-джинна. Одним из лучших голливудских аниматоров был Фриц Фриленг, но он работал в основном в кино и почти не занимался телефильмами. Я послал ему пилотный сценарий и спросил, не сможет ли он нарисовать вступительные кадры. Он согласился, и в результате получилось на редкость яркое и красочное вступление.

Я нанял Дика Весса, талантливого композитора, написать музыку для первого сезона, но, прослушав ее, понял, что она совершенно не соответствует духу сюжета. Пришлось использовать для главной темы «Джинни» веселую, жизнерадостную мелодию, написанную Хьюго Монтенегро.

Для дома Джинни была выбрана бутылка из-под виски «Джим Бим», нарисованная яркими красками.

Первый день репетиций прошел гладко. Мы прочитали актерам пилотный сценарий, и наш режиссер Джин Нелсон спросил, устраивает ли их текст и не нужно ли внести какие-то изменения. Я хотел убедиться, что все актеры довольны, поскольку не желал, чтобы на съемочной площадке несли отсебятину. Но никаких жалоб не было.

«Я мечтаю о Джинни» было готово подарить зрителям свою магию.

Утром, меньше чем через час после начала съемок пилотного выпуска, секретарь сообщила, что звонит мистер Нелсон. Мне не терпелось услышать хорошие новости.

– Джин…

– Я увольняюсь. Найдите кого-нибудь другого. Простите.

Он явно собирался повесить трубку.

– Погодите! Погодите минуту! – завопил я в панике. – Оставайтесь на месте. Я уже иду!

Через три минуты я был в съемочном павильоне и поспешно отвел Джина в сторону.

– Что случилось?

– Ничего. В этом и проблема. Не могу работать с актерами, которые не знают ролей. Я говорю о Ларри Хагмане и Билли Дейли, и… я…

– Стойте здесь! – в бешенстве прошипел я и помчался к

Ларри.

– Как вы смеете в первый же день являться на съемки, не выучив роли?!

– О чем вы? – удивился он. – Я знаю роль.

– А вот режиссер так не считает.

– Ну… я всего лишь немного развил тему. Видите ли, у меня появились кое-какие идеи, я добавил пару фраз…

– Ларри! Слушайте и запоминайте: у нас строгий график. Нам нужно каждый день снимать по нескольку сцен. И вы будете говорить только то, что написано, – и ни слова больше. Вам ясно?

– Как скажете, – пожал он плечами.

Подошла очередь Билла Дейли.

– Как вы объясните полное незнание роли?!

– Простите, Сидни, – вздохнул он. – Мне… мне просто не приходилось учить роли раньше. Я всегда работал в клубах вроде «Импрув» с комическими номерами.

– Но это не «Импрув»! – отрезал я. – Если хотите остаться в шоу, придется учить роль.

– Х-хорошо, – сдался он.

Я вернулся к Джину Нелсону.

– Джин, думаю, что вышло маленькое недоразумение и с завтрашнего дня все пойдет по-другому. Я очень прошу вас остаться. Вот увидите, Ларри – прекрасный актер. А что касается роли Билли, я запишу ее на пленку и заставлю его проигрывать в машине по пути на студию и обратно. Вы дадите мне еще шанс?

– Ну… я попробую, – нерешительно начал он, – но…

– Спасибо.

Начальная сцена пилотного выпуска снималась на Зума-Бич, в тридцати милях к северо-западу от Лос-Анджелеса. В этой сцене космический корабль героя Ларри терпит крушение и оказывается на необитаемом острове. Он видит бутылку, откупоривает и находит внутри джинна в образе женщины. И поскольку он освободил ее, отныне, по правилам джиннов, становится ее хозяином. Она наколдовывает спасательный корабль, и герой Ларри воображает, будто избавился от нее, но Джинни не собирается его покидать.

Съемки прошли гладко, и все были довольны. Мы возвращались на студию в лимузине компании, и именно тогда я впервые понял, насколько амбициозен Ларри. Мы остановились на красный свет рядом с туристическим автобусом. Ларри опустил стекло лимузина, высунулся и громко завопил:

– Когда-нибудь вы все узнаете, кто я такой!

У него были явные проблемы с психикой. С матерью, Мэри

Мартин, ярчайшей звездой Бродвея, у него были очень сложные отношения. Она была полностью занята своей карьерой, и Ларри воспитывал его отец Бен, живший в Техасе.

Часть года он проводил с бабушкой и постоянно ездил в Нью-Йорк повидаться с матерью. Он очень хотел показать Мэри, что тоже способен стать звездой. «Когда-нибудь вы все узнаете, кто я такой».

Когда пилотный выпуск был снят, но еще не показан, мне позвонила Мэри Мартин:

– Сидни, я хотела бы посмотреть пилотный выпуск. Вы не смогли бы это устроить?

– С удовольствием.

Я отправлялся на восток, работать над «Шоу Пэтти Дьюк», поэтому договорился, что пилотный выпуск «Джинни» покажут в Нью-Йорке.

В проекционной сидели Мэри Мартин, несколько руководителей «Скрин джемс» и Джон Митчел, глава отдела сбыта.

До начала показа Мэри Мартин подошла к Джону Митчелу, взяла его за руку и сказала:

– Мне говорили, вы лучший в мире продавец.

Я мог бы поклясться, что Джон мгновенно стал выше на целый фут.

– Я так много слышала о вас, – продолжала Мэри. – Недаром говорят, что вы гений.

Джон Митчел явно старался не покраснеть слишком густо.

– «Скрин джемс» очень повезло иметь такого человека, как вы.

– С-спасибо, мисс Мартин, – заикаясь, выдавил Джон.

Показ начался. Когда промелькнули финальные титры и зажегся свет, Мэри повернулась к Джону и во всеуслышание объявила:

– Ну, такое может продать всякий!

Я увидел, как Джон мгновенно словно усох.

Рецензии на «Джинни» были разноречивы. Критики в основном не слишком жаловали фильм в отличие от публики – у шоу были верные поклонники, и их число росло день ото дня.

Я решил приглашать в это шоу звезд. Свои сцены получили Фарра Фоссетт, Дик Ван Паттен, Ричард Миллиган, Дон Риклз и Милтон Берл.

В сценарии очередной серии под названием «Больше, чем хлебница, и лучше, чем джинн» речь шла о мошеннице-гадалке, Я

попросил Джоджи сыграть роль гадалки. Дело было весной, и Натали как раз позвонила, что прилетает нас навестить.

– Почему бы тебе не дать роль и Натали? – неожиданно предложила жена. – Она могла бы играть клиентку в сцене с гаданием.

– Думаю, она будет в восторге, – рассмеялся я.

Когда Натали приехала, я спросил:

– Не хочешь попасть на телевидение?

– Не возражаю, – преспокойно ответила мать.

– Джоджи будет играть гадалку, а ты – ее клиентку.

– Согласна, – кивнула Натали, ничуть не взволнованная дебютом на национальном телевидении.

Я написал для Натали несколько реплик, и, пока работал на студии, Джоджи репетировала с ней роль.

Наутро я прослушал прекрасную актрису Куини Смит и решил отдать ей роль Натали. Поэтому я написал для матери несколько новых реплик и, вернувшись домой, отдал ей.

Натали прочла и покачала головой:

– Нет.

– Но… почему? – растерял я.

– Не могу это читать.

– Почему нет?

– Потому что мой персонаж никогда бы такого не сказал.

И это говорила семидесятилетняя женщина, когда-то продававшая платья в магазинах Чикаго!

Я спорил, доказывал, но так и не смог отнять у нее первый вариант роли, так что пришлось написать для Куини кое-что другое.

Съемки удались. Полковник Чак Игер играл в эпизоде самого себя. Натали была так хороша, что никто не увидел в ней непрофессионала.

Ларри встретился с ней за ужином и, узнав, что она будет играть эпизод, шутливо заметил:

– Вот как? Вижу некий намек на семейственность.

– Ты прав, Ларри, – кивнул я. – Но будем справедливы: если твоя мать приедет в город, буду счастлив пригласить ее в шоу.

Руководство канала передвинуло «Джинни» с вечера субботы на вечер понедельника. И это было только начало. В следующем сезоне показ поставили на вечер вторника. Потом снова понедельник, а на четвертый год – вторник. Но к счастью, наша публика оказалась достаточно преданной, чтобы искать нас в программе передач.

Позже, вернувшись в Чикаго и увидев «Больше, чем

хлебница», Натали позвонила мне:

– Спасибо, дорогой.

– За что? – удивился я.

– Мне все утро звонили. Теперь я звезда.

Мы сняли с дюжину выпусков. И студия, и канал были очень довольны. Мы с Джоджи ужинали у друзей, когда мне позвонила Барбара Иден:

– Сидни, мне нужно срочно увидеть вас.

– Разумеется, Барбара. Буду на студии утром, и…

– Нет, мне нужно встретиться с вами сегодня.

– Что-то не так?

– Это не телефонный разговор.

Я дал ей адрес.

Через час приехала Барбара. Я увел ее в кабинет. Она едва не плакала:

– Вам придется меня заменить.

– Но почему? – поразился я.

– Я беременна.

Я не сразу понял, о чем она.

– Поздравляю.

– Простите, что так вас подвела.

– Никого вы не подвели и остаетесь в шоу.

– Но… как… – растерялась Барбара.

– Не волнуйтесь. Мы все устроим, – пообещал я.

Утром я попросил Джина Нелсона прийти в офис.

– Джин, у нас проблема.

– Я уже слышал. Барбара беременна. Что делать?

– Поднимем камеру повыше. Не будем снимать ее ниже талии, задрапируем тканью, и никаких крупных планов. Справимся. Не хочу ее заменять.

Джин, немного подумав, кивнул:

– Я тоже.

И мы сумели отснять все выпуски сезона – от третьей недели и до восьмого месяца ее беременности.

Зато на востоке собиралась гроза, поэтому я срочно вылетел в Нью-Йорк посмотреть, не удастся ли сгладить обстановку.

Джон и Этель Росс обнаружили, что Пэтти и Гарри Фолк продолжают тайно встречаться. Не желая, чтобы эта дружба переросла в роман, они потребовали перевести съемки в Калифорнию. В каком-то смысле для меня это было даже лучше, поскольку не приходилось то и дело летать из Нью-Йорка в Голливуд и обратно. Но неприятности еще только начинались.

Вернувшись в Калифорнию, я нашел для своей семьи

красивый дом в Таузенд-Оукс, но, зная, что Пэтти и Россы ищут жилье, предложил взглянуть на этот дом и, если им понравится, занять его. Дом действительно им понравился, и они переехали.

НАСА всячески помогала нам в съемках. Мы побывали на военной базе «Эдвардс» и в космическом центре Кеннеди во Флориде, где познакомились с космонавтами. Многие были поклонниками шоу. Они позволили нам использовать свое оборудование. Я даже полетал в модели корабля «Джемини» и попробовал космическую еду. Редкостная гадость!

В первый сезон рейтинги «Джинни» оставались высокими. Но на площадке не все шло хорошо. Главной проблемой был Ларри Хагман. Я решил чаще приглашать звезд, но Ларри вел себя по отношению к ним крайне враждебно: демонстративно их игнорировал или грубил, а большую часть времени, насупившись, сидел в гримерке.

Он очень хотел стать звездой, причем сразу же, но внимание прессы безраздельно принадлежало Барбаре. Именно у нее брали интервью и именно ее снимали на обложки журналов. Однако Ларри желал показать миру, что ничем не хуже матери, а в результате страдал от стресса сам и мучил всю съемочную группу.

Тогда я еще не знал, что каждое утро Ларри начинал с бутылки шампанского. Правда, его состояние никак не влияло на работу. Он всегда учил роль, да и играл неплохо. Но его негативный настрой вскоре стал сказываться на окружающих.

Как-то утром после чтения ролей я спросил актеров, имеются ли какие-то жалобы или вопросы. Все промолчали. Но, когда я вернулся к себе, мне позвонил Джин:

– Мне нужна ваша помощь, Сидни. Ларри заперся в гримерной и отказывается выходить. Он в истерике.

Я все-таки прорвался в гримерную Ларри, и мы долго беседовали. Наконец я сказал:

– Ларри, я готов сделать для вас все. Если хотите, буду писать сценарии, где действие вращается вокруг вас.

Верный своему слову, я начал писать сценарии, в которых роль Ларри выглядела более значительной. Но когда партнершей актера становилась полуодетая актриса, да еще такая красивая и соблазнительная, как Барбара Иден, стать звездой ему было очень сложно.

Ларри все более и более впадал в депрессию, и это влияло на остальных. Нужно сказать, Барбара была с ним очень терпелива.

В итоге мне пришлось снова поговорить с ним:

– Ларри, вам нравится шоу?

– Конечно.

– Но вам тяжело в нем играть?

– Да.

– В чем же причина?

Ларри поколебался, потом сказал:

– Не знаю.

– Прекрасно знаете. Вам хочется быть самой яркой звездой шоу.

– Наверное.

– Но вы очень важны для нас, Ларри! И если хотите остаться, вам придется вести себя иначе. Думаю, вам пора обратиться к психоаналитику. И я не собираюсь долго ждать.

– Вы правы, – кивнул он. – Я так и сделаю.

Немного погодя он сказал, что регулярно посещает психоаналитика. В какой-то мере это помогло, но напряжение по-прежнему ощущалось.

Глава 32

В начале второго сезона «Джинни» вышла в цвете. Я стал приглашать других сценаристов, чтобы снять с себя часть нагрузки, но многие тексты меня не устраивали. Большинство сценаристов считали, что самый оригинальный художественный прием для такого рода фильмов – нагромождать одно фантастическое происшествие на другое. У них Джинни встречалась с марсианами или другими мифическими персонажами на фоне несуществующих пейзажей. Я же полагал, что успех шоу зависит от необходимости ставить Джинни в обычные, повседневные ситуации.

В качестве примера я написал сценарий, где Энтони уезжает на работу, а в его дом приходит человек из налогового управления. Чтобы произвести впечатление на посетителя, Джинни, моргнув глазом (так она колдовала), в долю секунды успевает увешать стены подлинниками Рембрандта, Пикассо, Моне и Ренуара.

– Видите, – говорит она потрясенному налоговику, – мой хозяин о-очень богат!

Энтони приходится каким-то образом выпутываться из положения.

В другой серии Энтони приглашает на ужин доктора Беллоуза. Джинни, посчитав, что дом чересчур мал, наколдовала огромную спальню, роскошную столовую, гигантский сад и большой бассейн. Энтони вынужден каким-то образом объяснить метаморфозу доктору Беллоузу.

С февраля 1966-го по апрель следующего года я поставил свое имя под сценариями тридцати восьми серий. В Голливуде критерий, по которому оценивается любой сценарист, – это фильмография, список снятых по его сценариям фильмов. Все стараются добавить в список новый фильм, потому что это возможность получить очередное задание. Но у меня была проблема. Мое имя фигурировало слишком часто: «Сидни Шелдон продакшн»… «Создано Сидни Шелдоном»… «Сценарий Сидни Шелдона»… «Права Сидни Шелдона»…

Все это казалось мне торжеством эгоизма. Поэтому я позвонил в Гильдию писателей и сказал, что собираюсь писать под тремя псевдонимами: Кристофер Голато, Аллан Девон и Марк Ровэй. Отныне мои двойники писали большинство сценариев, а мой список не пополнялся.

После первого года существования «Джинни» Нелсон получил другие предложения и решил покинуть шоу. Я знал, что мне

будет его недоставать. С тех пор у шоу не было постоянного режиссера. Чаще всего серии снимали Клаудио Гусман и Хэл Купер.

И шоу продолжало жить.

Как-то я пригласил на ужин Сэмми Дэвиса-младшего.

– Сэмми, – спросил я, – ты когда-нибудь видел «Джинни»?

– Почти все серии. Я ваш большой поклонник.

– Не хочешь сыграть эпизод?

– Заметано. Позвоните моему агенту.

Наутро я позвонил его агенту.

– Сэмми хочет сыграть эпизод в «Я мечтаю о Джинни». Не могли бы вы это устроить?

– Конечно. Сколько?

– Тысяча долларов. Столько мы платим всем приглашенным звездам.

– Шутите? – фыркнул агент. – Да Сэмми столько дает на чай маникюрше! Забудьте!

– Позвоните Сэмми.

Через час снова зазвонил телефон.

– Когда он вам нужен?

Сэмми блестяще сыграл роль.

Кроме того, у нас сыграл Майкл Ансара, муж Барбары, исполнив роль Синего джинна.

Как-то мне позвонил Граучо Маркс:

– Жаль, ты не можешь разглядеть истинный талант! Я знаю парня, который украсит твое шоу. Он молод, красив и гениален.

– Кого ты имеешь в виду, Граучо? – осведомился я.

– Себя. Кого же еще?

– Ну почему я раньше об этом не подумал?

Через неделю я написал для Граучо серию «Величайшее в мире изобретение». Как всегда, он был неотразим.

Однажды вечером Мэри играла в школьном спектакле, и мы с Джоджи решили ее посмотреть. Я спросил Граучо, хочет ли он пойти с нами, и, к моему удивлению, он согласился.

После спектакля Мэри пригласила к нам своих одноклассников. Они были очарованы Граучо. Одним из моих ярчайших воспоминаний навсегда останется великий комик, который сидит в моем кабинете, окруженный мальчишками и девчонками, расположившимися на полу, и рассказывает им о шоу-бизнесе.

Первый сезон «Джинни» оказался очень успешным, и продажи

сопутствующих товаров велись в огромном масштабе: куклы и бутылки «Джинни» и даже журнал «Блинк». Фанаты заваливали нас письмами, причем большинство было адресовано Барбаре Иден. Ларри с трудом сдерживал ярость.

И хотя «Джинни» по-прежнему имела высокий рейтинг, мне постоянно приходилось тушить то и дело возникавшие пожары. Да и на площадке «Шоу Пэтти Дьюк» вновь и вновь возникали эмоциональные проблемы. Пэтти всеми силами старалась вырваться из-под контроля Россов, и между ними едва ли не каждый день вспыхивали ссоры. После одного особенно громкого скандала Пэтти ушла от них и нашла себе квартиру. Гарри Фолк прилетел в Калифорнию, и они поженились. Власти Россов над Пэтти пришел конец.

Но на площадке конфликты продолжались и достигли такого уровня, что в конце года, хотя рейтинги и были удовлетворительными, канал решил закрыть шоу.

В 1967 году, во время второго сезона «Джинни», меня номинировали на «Эмми». На церемонии награждения я познакомился с Чарлзом Шульцем, который тоже был номинирован за «Чарли Брауна». Я был большим поклонником Чарли Брауна. Мы разговорились. Шульц оказался удивительно славным и добрым человеком. Чарлз признался, что он обожает «Джинни».

Я упомянул, что мой любимый комикстрип[28] – это «Орешки», где Снупи печатает на машинке: «Его история стоит того, чтобы о ней рассказать». Потом задумывается, печатает: «А может, и нет» – вырывает из каретки лист бумаги и швыряет в корзинку.

Вскоре после церемонии награждения от Чарлза прибыл конверт. В нем оказался оригинальный рисунок этого эпизода с подписью автора. Он до сих пор висит в моем офисе.

К слову сказать, в том году ни он, ни я не получили премии.

В сентябре 1967 года мне сообщили дурные вести из лос-анджелесской больницы «Сидарс Синай». У Отто произошел обширный инфаркт. Я приехал в больницу. Доктор, выйдя из палаты, сказал, что надежды почти нет. Я вошел и замер у кровати. Отец был очень бледен, и я ощутил, что его жизненная сила ушла. Но, как выяснилось, ошибался.

Отто сделал мне знак подойти и, когда я наклонился над ним, сказал:

– Я отдал Ричарду свою машину. А ведь мог бы и продать.

Это были его последние слова.

Во время четвертого сезона демонстрации «Джинни» выяснилось, что шоу, идущее сразу вслед за нашим, имеет огромный успех. Это был сериал «Хохмы Роуэна и Мартина». Я позвонил Морту Вернеру, главе Эн-би-си, и предложил на один вечер объединить оба шоу. Я напишу сценарий «Джинни» с персонажами «Хохм» и сразу после этого сниму актеров «Джинни» в «Хохмах». Морт посчитал это хорошей идеей.

Одно время весь Голливуд гадал, почему Барбаре Иден запрещено показывать пупок. Существовал десяток различных теорий, но на самом деле случилось вот что…

Я написал сценарий, названный «Величайшая звезда Голливуда». В сценарии появлялись Джуди Карне, Арт Джонсон, Гэри Оуэнс и Джордж Шлаттер (исполнительный продюсер «Хохм»), взаимодействующие с нашими персонажами.

Потом Джордж Шлаттер показал мне сценарий, который сценаристы «Хохм» написали для наших актеров. В начальной сцене Барбара Иден в костюме Джинни медленно спускается по ступенькам, и на ее голом пупке играет световое пятно. Я счел это дурным вкусом и отказался позволить актерам «Джинни» участвовать в «Хохмах».

Вот так вышло, что актеры «Хохм» играли в «Джинни», а наших актеров там не было.

Шоу выдержало четыре сезона, и мы готовились к пятому. Но официального подтверждения не получили. Нам позвонил Морт Вернер:

– Думаю, Джинни и Тони должны пожениться.

Я растерялся:

– Но это погубит шоу! Весь его смысл – сексуальное напряжение между Джинни и ее хозяином. Как только вы их пожените, все пропало. Не над чем будет работать.

– Я хочу их поженить.

– Морт, но этого ни в коем случае нельзя делать! Если они…

– Хотите, чтобы шоу шло пятый год?

Я замолчал. Меня шантажировали, но это был канал Вернера.

– Мы можем это обсудить?

– Нет.

– Хорошо, я их поженю.

Услышав новости, актеры пришли в ужас.

– Бизнесменам не следовало бы лезть в творчество, – бросил Ларри.

Все актеры пытались звонить Вернеру, но ничто не помогало. Он считал себя умнее всех и лучше всех знал, что пойдет на пользу шоу.

Мне пришлось написать сцену венчания.

Мы снимали ее на мысе Кеннеди в присутствии высшего руководства ВВС. Я пытался сохранить интерес к сценарию, но теперь отношения героев изменились, и шоу лишилось главной своей изюминки. В конце пятого сезона шоу закрыли. Морт Вернер собственными руками погубил хит своего канала.

Мы сняли тридцать девять эпизодов.

В семьдесят первом году «Джинни» купил синдикат, после чего повторный показ продолжался еще пять лет.

Теперь, через сорок лет после премьеры, шоу снова идет на экранах всего мира, по-прежнему даря смех и радость миллионам зрителей. В цвете. «Коламбиа пикчерз» собирается сделать из него фильм.

Во время работы над «Джинни» у меня возникла идея, показавшаяся привлекательной. Я решил написать сценарий о психиатре, которого кто-то пытается убить. Самым интригующим было то, что он не мог назвать ни одного своего врага. Но если он действительно хороший психиатр, непременно должен вычислить убийцу.

Проблема была в том, что сюжет казался мне чересчур интроспективным. Нужно каким-то образом понять, как мыслит психиатр, чтобы представить, как он разрешит загадку. Я осознал, что сделать это в форме драматического произведения невозможно. Вероятно, разумнее всего написать роман, где потаенные мысли героя можно объяснить читателю. Но я знал, что не способен писать романы, поэтому оставил эту затею.

Мне позвонил Граучо и сообщил, что на Бродвее, в театре «Империал», должна состояться премьера пьесы «Мальчики Минни», о братьях Маркс и их матери. Он спросил, не хотим ли мы с женой полететь в Нью-Йорк, чтобы посмотреть спектакль. И хотя я был очень занят, не мог не согласиться. Мы вылетели в Нью-Йорк, посмотрели постановку, которая нам очень понравилась, и остались на актерскую вечеринку после спектакля.

Наутро мы отправились в аэропорт, чтобы лететь обратно. Оказалось, на этот день была назначена забастовка диспетчеров. Наш самолет уже вырулил на взлетную площадку, когда в динамиках прозвучал голос пилота, объявлявшего, что полет задерживается на час. Мы снова подрулили к терминалу, и через два часа пилот объявил, что рейс задерживается еще на три часа.

Граучо вызвал стюардессу.

– Чем могу помочь, мистер Маркс?

– На борту есть священник?

– Не знаю. А что?

– Ожидание у многих мужчин вызывает нестерпимое желание.

Великий поэт Т.С. Элиот, как считается, был антисемитом. Но у Граучо висел в кабинете его портрет. Когда я спросил, в чем причина, он объяснил:

– Элиот написал мне, прося фото с автографом. Я отослал ему фото, но он его вернул. Сказал, что хочет то, где я с сигарой.

Элиот так уважал Граучо, что в завещании распорядился, чтобы тот председательствовал на заупокойной службе по нему. Граучо выполнил его просьбу.

Шеки Грин был еще одним из комедиантов, которого мы встречали на знаменитых званых ужинах Граучо. Однажды я спросил Шеки, какова разница между комиком и комедиантом.

– Комик открывает двери смешного. Комедиант смешно открывает дверь.

Шеки выступал в самых дорогих ночных клубах страны. Интересно, что у него не было ни заранее написанного текста, ни отрепетированных номеров. И вообще не было двух одинаковых шоу. Он выходил на сцену и сорок пять минут нес отсебятину под истерический хохот публики.

Как-то вечером мы присутствовали на одном из его выступлений в лас-вегасском отеле «Сэндз». Он во всеуслышание объявил:

– Фрэнк Синатра спас мне жизнь. Однажды, когда я после шоу направлялся к машине, трое громил принялись меня избивать. Но через несколько минут Фрэнк сказал им: «О'кей. Довольно. Хватит с него».

После спектакля мы отправились за кулисы, в гримерную Шеки.

– Что все это значит? – тихо спросил я. – Что это за история с Синатрой?

– Понимаете, несколько ночей назад я пошутил насчет семейства Фрэнка. После шоу тот посоветовал мне больше этого не делать. Ну, вы меня знаете: не люблю, когда кто-то указывает мне, что делать, а чего не делать. Поэтому на следующий вечер я снова задел семью Фрэнка. После шоу я пошел на стоянку, и там трое громил принялись меня обрабатывать. К счастью, Фрэнк сжалился. «Довольно», – кивнул он, и все исчезли.

Впервые я встретил Фрэнка в 1953-м, когда он переживал цепь неудач перед тем, как с триумфом вернуться на сцену. Срок

контракта со студией истек, контракт со звукозаписывающей фирмой был расторгнут, и ни один клуб, ни один концертный зал не хотел устраивать его выступления. Но при таком таланте легко начать карьеру сначала и добиться успеха.

Фрэнк Синатра жил по собственным законам. По сути, существовало несколько Фрэнков, и никогда не было известно, с каким именно тебя столкнет судьба. Он мог быть истинным и великодушным другом или грозным врагом. Неоднозначный и многогранный человек…

Синатра был помолвлен с Джульет Праус, талантливой танцовщицей и актрисой, но, узнав, что та рассказала обо всем репортеру, разорвал помолвку.

Когда поэт-песенник Сэмми Кан прилетел в Лос-Анджелес и остановился в отеле «Беверли-Хиллз», Синатра велел перевезти его вещи в свой дом. Во время интервью Кан упомянул имя Синатры и вскоре обнаружил, что его багаж снова оказался в отеле.

Фрэнк никогда не встречался с Джорджем К. Скоттом,[29] но восхищался его талантом, и, когда у Скотта произошел сердечный приступ, Фрэнк позаботился о сиделках и докторах и оплатил все счета.

Синатра был женат на Аве Гарднер, и хотя через полгода они развелись, он так и не сумел ее забыть.

Карл Кон, управляющий отелем «Сэндз», и я сидели в квартире Фрэнка, собираясь идти на ужин в честь дня рождения хозяина. Ава была в Африке, где снималась в «Могамбо».

Но Фрэнк продолжал сидеть как ни в чем не бывало.

Наконец я не выдержал:

– Фрэнк, уже десять. Мы с Карлом проголодались. Чего ты ждешь?

– Понимаете, я надеялся, что Ава позвонит и поздравит меня.

Много лет подряд каждый четверг у меня дома мы собирались своей компанией, которую называли «Орлы», на ужин и занимательную беседу. К нам приходили одни и те же люди: Сид Сезар, Стив Аллен, Шеки Грин, Карл Райнер и Милтон Берл с женами. И все эти годы мы имели удовольствие наблюдать, как изменяются их судьбы, как обычные люди становятся звездами. Все они были великими комедиантами, но, по мере того как шло время, я вдруг начал понимать, что моложе они не становятся. Скоро их голоса затеряются в вечности, словно вообще не существовали. И у меня возникла идея.

Я придумал способ сохранить воспоминания об огромном таланте и в то же время помочь коллегам решить финансовые

проблемы. Я был связан с образовательными программами и был назначен всеамериканским представителем Коалиции за всеобщую грамотность, и потому у меня созрел поистине великолепный план.

Как-то вечером я изложил его всей компании:

– Друзья, я хотел бы организовать совместное шоу о будущем комедии. Шоу будет в форме беседы. Мы начнем ездить по колледжам страны, продавать билеты и жертвовать деньги на образование колледжам. Кто хочет этим заняться?

И я увидел, как поднимается одна рука за другой. Сид Сезар… Стив Аллен… Шеки Грин… Карл Райнер…

– Вот здорово! – обрадовался я. – Теперь остается только все это организовать.

Я решил сделать первое пробное шоу в Голливуде. Первое публичное обсуждение будущего комедии состоялось 17 июля 2000 года в театре Гильдии писателей в Беверли-Хиллз. Зал был полон.

Нас прекрасно приняли, и я понял, что моя идея сработала. И мы, и публика веселились вовсю. Смех в зале не стихал. Ведущие постоянно перебивали друг друга остроумными репликами. Мы действительно напали на золотую жилу и с нетерпением ожидали новых приключений.

Но вскоре после того вечера вмешалась судьба и все начало разваливаться. Стив Аллен умер, Сид Сезар не выдерживал долгих поездок, у Шеки Грина появились кое-какие проблемы эмоционального характера, а Карл Райнер очень много работал в кино. Так что нашей мечте не суждено было осуществиться.

Но я никогда не забуду великодушия своих друзей.

В 1970 году я создал новое телешоу и назвал его «Нэнси». Это была история утонченной, хорошо воспитанной дочери президента Соединенных Штатов, проводившей каникулы на ранчо, где она встретила и полюбила молодого ветеринара. Шоу было основано на разительном несходстве в образе жизни новобрачных.

На главные роли я выбрал трех актеров: Селесту Холм, Ренна Джаррета и Джона Финка. Пилотный выпуск был показан Эн-би-си, и канал его купил.

Я написал милую романтическую комедию, а актеры прекрасно воплотили мой замысел. К сожалению, канал закрыл шоу после семнадцатой серии, хотя рейтинг «Нэнси» оставался довольно высоким и шоу могло удержаться на плаву. Я так и не узнал причин. Может, Белый дом был недоволен сюжетом или на канал оказывалось политическое давление, но я знаю одно:

закрытие шоу стало для нас огромным и неприятным сюрпризом.

Глава 33

Через несколько лет я решил, что хочу сделать совершенно другое шоу со зрелыми элегантными героями, обладающими жизненным опытом.

Поэтому я создал сериал «Супруги Харт» («От сердца к сердцу»), который вышел в 1979 году. Продюсерами были Арон Спеллинг и Леонард Голдберг. Нам повезло заполучить на шоу таких звезд, как Роберт Вагнер и Стефани Пауэрс. Шоу сразу стало хитом и продержалось на экране пять лет.

Надо сказать, я постоянно вспоминал о своей идее о психиатре. Этот персонаж словно настойчиво требовал дать ему жизнь. Я вовсе не был уверен в своей способности написать роман, но, для того чтобы избавиться от мысли о психиатре, решил, что стоит попробовать. По утрам я диктовал главы романа секретарше. Днем надевал шляпу продюсера и работал над другими проектами.

Роман был наконец закончен, но я понятия не имел, что с ним делать, поскольку не знал ни одного литературного агента.

В итоге я позвонил своему другу, талантливому романисту Ирвину Уоллесу:

– Ирвин, у меня тут рукопись романа. Кому ее послать?

– Хочешь, я сначала прочитаю, – предложил он.

Я послал ему рукопись и ждал, что он позвонит и посоветует никому ее не посылать.

Но Ирвин связался со мной и сказал:

– По-моему, великолепно. Давай отошлем ее в Нью-Йорк моему агенту. Я его предупрежу.

Роман назывался «Сорвать маску», и его успели отвергнуть пять книгоиздателей, прежде чем он попал к Хиллелу Блэку, редактору издательства «Уильям Морроу». Агент Уоллеса сразу же позвонил мне:

– В «Уильям Морроу» хотят издать вашу книгу. Дают аванс тысячу долларов.

Меня вдруг охватило волнение. Подумать только – мою книгу опубликуют! Да я бы с радостью сам заплатил издательству эту тысячу!

– Согласен, – сказал я.

Хиллел попросил меня внести кое-какие изменения, и я быстро выполнил его требования.

Роман был опубликован в 1970 году. В день выхода «Сорвать маску» я запаниковал, в полной уверенности, что книга «побьет» все рекорды продаж – никто не купит ни одного экземпляра! Я

даже сам помчался в книжный магазин и купил книгу. Это стало традицией, и я не изменяю ей и по сей день.

Обычно после выхода книги автор ездит по всей стране, рекламируя свое произведение, знакомя с ним читателей. Писатели появляются на телешоу, посещают читательские конференции и литературные ленчи, только чтобы протолкнуть свою книгу. Я позвонил Хиллелу Блэку:

– Хочу, чтобы вы знали: я готов поехать в книжное турне и появляться на всех телешоу, куда вы меня пристроите…

– Сидни, нам нет смысла посылать вас ни в какое турне.

– То есть как?

– За пределами Голливуда никто вас не знает. И ни на одно шоу вас не позовут. Забудьте об этом.

Но я не забыл. Позвонил в отдел по связям с общественностью и объяснил ситуацию заведующему.

– Не волнуйтесь, – заверил тот, – я все сделаю.

Он устроил меня на «Вечернее шоу» с Джонни Карсоном, «Шоу Гриффина», «Шоу Дэвида Фроста» и с полдюжины других.

Кроме того, он договорился о моем присутствии на литературном ленче в отеле «Хантингтон» в Пасадене, штат Калифорния. Там авторы коротко рассказывали о своих книгах, обедали, а тем временем зрители покупали книги, сложенные в глубине зала, и подходили к возвышению, чтобы получить автограф.

В тот день рядом со мной на возвышении сидели Уилли и Эриел Дюраны, популяризаторы мировой истории, которые посвятили жизнь написанию «Истории цивилизации», Фрэнсис Гэри Пауэрс, пилот сбитого русскими самолета «У-2», написавший книгу о своих приключениях в России, известная писательница Гвен Дэвис, и Джек Смит, который вел популярную рубрику в «Лос-Анджелес таймс».

Во время ленча нас представили читателям, и мы рассказали о книгах.

Когда ленч был закончен, зрители, купившие книги, выстроились в очередь за автографами. Очередь перед Дюранами тянулась до самого выхода. Очередь к Джеку Смиту была почти такой же длинной. У Гэри Пауэрса и Гвен Дэвис тоже нашлось немало почитателей.

Только ко мне никто не подходил. Красный как рак, я вынул блокнот, притворяясь, будто деловито пишу что-то. К сожалению, я никак не мог выбраться отсюда незамеченным. Очереди к другим авторам росли. А я сидел, чертя в блокноте каракули.

Прошла, кажется, целая вечность, прежде чем я услышал чей-то голос:

– Мистер Шелдон?

Я поднял голову.

Маленькая старушка вопросительно смотрела на меня.

– Как называется ваша книга?

– «Сорвать маску», – ответил я.

Старушка улыбнулась:

– Хорошо. Я куплю.

Это был акт чистейшего милосердия. И единственная книга, которую я продал в тот день.

Но несколько недель спустя я вылетел в Нью-Йорк и встретился с Ларри Хьюгом, президентом «Уильям Морроу».

– У меня хорошие новости, – сообщил он. – Мы продали семнадцать тысяч экземпляров и уже печатаем второй тираж вашей книги.

Я долго смотрел на него, потом ответил:

– Мистер Хьюг, мое телешоу каждую неделю смотрят двадцать миллионов зрителей, так что меня вовсе не греет мысль о продаже целых семнадцати тысяч экземпляров.

Приятным сюрпризом для меня явились рецензии на книгу. Почти все были хвалебными, а обозреватель «Нью-Йорк таймс» даже написал: «„Сорвать маску“ – лучший детектив этого года».

И в довершение всего в конце года меня номинировали на премию Эдгара Аллана По.

Вернувшись в Голливуд, я продолжал работать над «Нэнси», но постоянно обдумывал сюжет нового романа. Первый не принес мне прибыли. Честно говоря, я истратил на рекламу больше, чем дала продажа книги. Но дело было не в деньгах. Главным стимулом стало ощущение творческой свободы, которого я раньше не знал.

Когда пишешь сценарий, или телешоу, или пьесу для театра, это всегда совместный проект. Даже если ты единственный автор, все равно приходится работать с актерами, режиссером, продюсером и музыкантами. А вот писатель волен создать все, что захочет. Воплотить в жизнь любой замысел. И некому целый день твердить:

«Пусть действие происходит в горах, а не в долине…»

«Слишком громоздкие декорации…»

«Давайте вычеркнем эту реплику и создадим настроение музыкой…»

А вот писатель – сам себе актер, продюсер и режиссер. Он волен придумывать целые миры, переноситься в прошлое или в будущее, дарить своим героям армии, слуг, виллы. Предела нет. Есть только воображение.

Я решил написать еще один роман, хотя был почти уверен, что в смысле финансов он окажется не более успешным, чем первый.

В поисках действительно волнующей идеи я вспомнил о своем синопсисе сценария «Орхидеи для Вирджинии», который Дор Шари отказался купить для «РКО». И я решил, что хочу рассказать эту историю, после чего превратил сценарий в роман со сложным, многоходовым сюжетом и дал ему название «Обратная сторона полуночи».

Книга была опубликована год спустя, и именно она изменила мою жизнь. Роман оставался в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс» *пятьдесят две* недели. Всего за несколько недель «Обратная сторона полуночи» стала настоящим феноменом, международным бестселлером.

Предсказание Беа Фэктор, что я когда-нибудь стану знаменитостью, наконец-то сбылось.

Послесловие

Я много создал за свою жизнь: сценарии, театральные пьесы, телешоу, романы. Но если честно, я предпочитаю писать романы. Романы – это совершенно другой мир, мир сердца, души и ума. В романе можно создавать персонажи и давать им жизнь. Переход из одного качества в другое прошел для меня на удивление легко. Куда легче, чем я ожидал. А преимуществ не счесть!

Писатель в отличие от драматурга и сценариста путешествует по всему миру: собирает материал, встречается с интересными людьми, бывает в экзотических местах. Если на людей воздействует написанное вами, они обязательно делятся своими мыслями. Иногда я получаю очень эмоциональные письма.

Я получил письмо от женщины, перенесшей инфаркт. Она лежала в больнице, не принимая ни родителей, ни любимого. Она написала, что хотела умереть. Ей был всего двадцать один год. Но кто-то оставил у ее постели «Обратную сторону полуночи». Женщина начала листать книгу, заинтересовалась, вернулась к началу и прочитала до конца. Она была так захвачена сюжетом и проблемами персонажей, что забыла о своих собственных, и к ней снова вернулась жажда жизни.

Другая женщина написала, что ее дочь, умирая, попросила, чтобы на кровати разложили все мои книги. Она умерла счастливой.

В «Гневе ангелов» я позволил маленькому мальчику умереть, и тут же началась волна протестов. Одна женщина с восточного побережья прислала мне письмо с просьбой, дала свой телефон и попросила: «Позвоните мне. Я не могу спать. Почему вы позволили ему умереть?»

Я получил так много подобных писем, что, когда работал над сценарием сериала, оставил сына героини в живых.

Женщины писали, что решили стать адвокатами из-за Дженнифер Паркер, героини «Гнева ангелов».

Мои романы продаются в ста восьми странах и переведены на пятьдесят один язык. В 1997 году я попал в Книгу рекордов Гиннесса как «наиболее часто переводимый автор в мире». Я продал свыше трехсот миллионов экземпляров книг. Главной причиной успеха своих романов я считаю ту, что мои персонажи – реальные люди для меня и, следовательно, становятся живыми людьми для читателей. Зарубежные читатели любят мои книги еще и потому, что любовь, ненависть и ревность – эмоции всеобщие, универсальные, понятные каждому.

Когда я стал писать романы, меня поразило уважение, с

которым относятся к писателям, оно несравнимо с отношением к голливудским сценаристам.

– Что такое сценарист, как не зануда с пишущей машинкой? – говаривал Джек Уорнер.

И это мнение разделяют большинство руководителей студий.

Однажды, когда писал «Пасхальный парад», я зашел в офис Артура Фрида, где уже сидел его страховой агент. Во время разговора вошла секретарша и сообщила, что можно посмотреть отснятый материал.

Фрид повернулся к агенту и пригласил:

– Пойдем посмотрим вместе!

Оба поднялись и вышли, оставив меня в одиночестве, пока они смотрят фильм по моему сценарию.

Не слишком почтительное отношение, верно?

Я люблю ездить по всем миру, собирать материал для романов и с увлечением это делаю. В Афинах, где я собирал материал для «Обратной стороны полуночи», со мной была Джоджи. Мы проходили мимо полицейского участка, и я сказал:

– Давай зайдем.

Мы вошли. За столом сидел полицейский.

– Чем могу помочь? – спросил он.

– Не согласитесь объяснить мне, как взорвать машину? – поинтересовался я.

Ровно через полминуты мы уже сидели в камере. Джоджи была в панике.

– Скажи им, кто ты, – просила она.

– Не волнуйся. Времени еще много.

Дверь открылась, и в камеру ворвались четверо полицейских с пистолетами.

– Ответьте, почему вам вздумалось взрывать машины?

– Я Сидни Шелдон и собираю материал для книги, – пробормотал я.

К счастью, кому-то из них было известно мое имя, и мне подробно объяснили, как взрывать машины.

В Южной Африке я собирал материал для своего романа «Интриганка», где, в частности, идет речь о добыче алмазов. Я созвонился с фирмой «Де Бирс» и попросил разрешения попасть на алмазный рудник. Разрешение я получил и приобрел редкостный опыт пребывания на алмазном руднике.

Один из руководителей фирмы рассказал о разработках, где алмазы лежат прямо на берегу, защищенные с одной стороны океаном, а с другой – колючей проволокой, через которую пропущен ток, и воротами под присмотром вооруженных

охранников. Я принял вызов и придумал для своих персонажей способ проникнуть внутрь, украсть алмазы и улизнуть невредимыми.

Для «Если наступит завтра» я проверил, действительно ли система безопасности мадридского музея Прадо так совершенна, как говорят. Все-таки я сумел «перехитрить» систему, и мой персонаж украл ценную картину из музея.

Задумав «Мельницу богов», я отправился в Румынию, где происходит часть действия книги. В то время Чаушеску был еще жив и в стране царила атмосфера подозрительности и истерии. Я поехал в американское посольство, добился приема у посла и сказал:

– Я хотел бы задать вам вопрос.

Он вскочил, пригласил меня идти с ним, повел в комнату, круглосуточно охраняемую морскими пехотинцами, и спросил:

– Что вы хотите знать?

– Как по-вашему, мой гостиничный номер прослушивается?

– Разумеется. И если вы поедете в ночной клуб, вас будут прослушивать и там.

На третий вечер нашего пребывания в Румынии мы с женой отправились в ночной клуб. Метрдотель нашел нам столик. Но из кондиционера дуло так, что мы решили пересесть. Подбежавший метрдотель решительно вернул нас на прежнее место. Очевидно, прослушивался именно этот столик.

На следующий день мы обедали в доме посла, и я снова сделал вид, что хочу его о чем-то спросить. Посол тут же предложил мне прогуляться по саду.

И я понял, что в Румынии прослушивается даже дом посла.

Собирать материал для «Песков времени» я отправился в Испанию, желая побольше узнать о сепаратистском движении басков. Там я попросил водителя проехать двумя маршрутами, которые выбрали бы монахини. Мы прибыли в Сан-Себастьян, и водитель, подкатив к отелю, предупредил, что уезжает.

– Но почему? – удивился я. – Мне нужно расспросить о здешних обычаях.

– Вы не понимаете, – рассердился он. – Здесь штаб-квартира басков. Увидев мадридские номера, они взорвут машину.

Я встречался с басками и выслушал их точку зрения. Они считали, что к ним относятся как к людям низшего сорта, перемещенным лицам, хотели вернуть свою страну, язык и автономию.

Я люблю писать и счастлив, что занимаюсь любимым делом.

Я считаю, никто не должен ставить себе в заслугу наличие таланта. Талант – это дар, к чему бы он ни был: к музыке, живописи, литературе, и мы должны быть благодарны за этот дар и обязаны много трудиться, чтобы его сохранить.

Больше всего на свете я люблю работать над очередной книгой. Как-то мой бизнес-менеджер подарил мне на день рождения абонемент для занятий теннисом на общую сумму пятьсот долларов. Раз в неделю ко мне приходил тренер и давал уроки.

Однажды он сказал, что деньги кончились, и спросил, хочу ли я продолжать.

Мне очень нравился теннис. Я уже собирался ответить «да», но подумал: «Я вовсе не хочу этим заниматься! Хочу сидеть в кабинете и писать»!

С тех пор я не был на теннисном корте, а ведь все это происходило двадцать лет назад.

Через четыре года после выхода последнего фильма Кэри Гранта «Иди, а не беги» он позвонил мне, сказал, что Академия дает ему почетного «Оскара», и попросил присутствовать, Я был счастлив. Он давно заслужил эту награду.

Я был очень рад узнать, что за эти годы Боб Рассел и Бен Робертс преуспели и сделали достойную карьеру.

В 1985-м моя прелестная Джоджи умерла от сердечного приступа. Потеря была невосполнимой, и в моей душе и жизни осталась пустота, которую ничем нельзя заполнить.

Но три года спустя произошло нечто необыкновенное. Я встретил Александру Костофф, и жизнь началась снова. Она воплощение всех моих героинь: умна, красива и поразительно талантлива. Это была любовь с первого взгляда. Мы поженились в Лас-Вегасе в присутствии только наших родных. Правда, нас ждал сюрприз: прилетели мой близкий друг Марти Аллен и его жена Кэрон. Одаренная многими талантами Кэрон сыграла на пианино свадебный марш собственного сочинения. И торжества продолжились.

Мы с Александрой женаты шестнадцать чудесных лет.

К моему величайшему восторгу, Мэри тоже стала писательницей, и к этому времени уже опубликовано десять ее романов. Моя внучка Лиз в шестнадцать лет выпустила первый роман. Надеюсь, следующей будет десятилетняя Ребекка.

Мой маниакально-депрессивный психоз, ныне называемый биполярным синдромом, не давал мне покоя последние четыре года, но литий помог мне вновь обрести силы. Я планирую

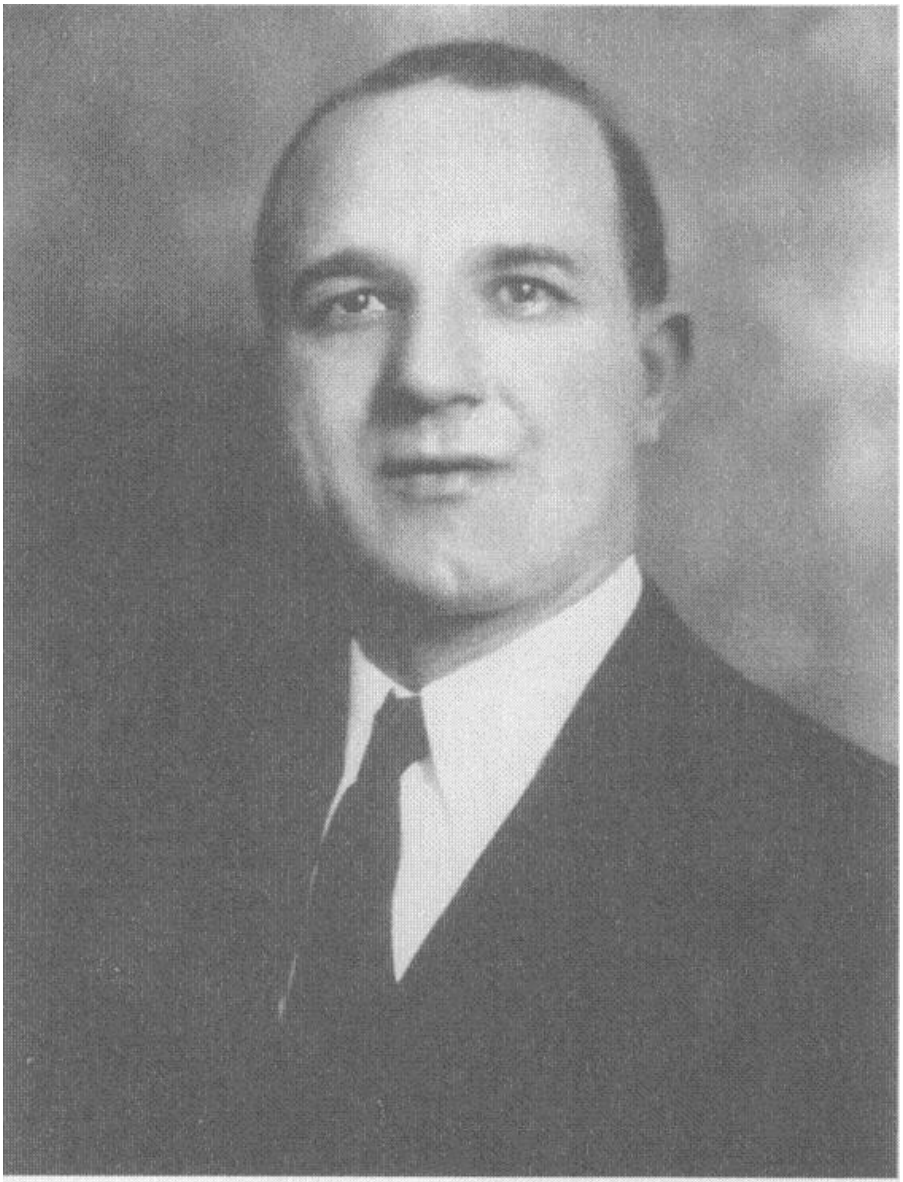
написать новый роман, документальную книгу и пьесу для Бродвея. Я только что отпраздновал восемьдесят восьмой день рождения.

Я безмерно ценю то захватывающее дух ощущение, какое давала мне жизнь. Это было волнующее и чудесное путешествие. Я благодарен Отто, убедившему меня продолжать переворачивать страницы, и Натали за ее непоколебимую веру в старшего сына.

Я сделал потрясающую карьеру, в которой было немало и крупных успехов, и огромных неудач. И хотел поделиться с вами своей историей и поблагодарить вас, потому что вы, читатели, всегда были со мной. Я глубоко благодарен каждому.

Лифт по-прежнему поднимается вверх.

Иллюстрации

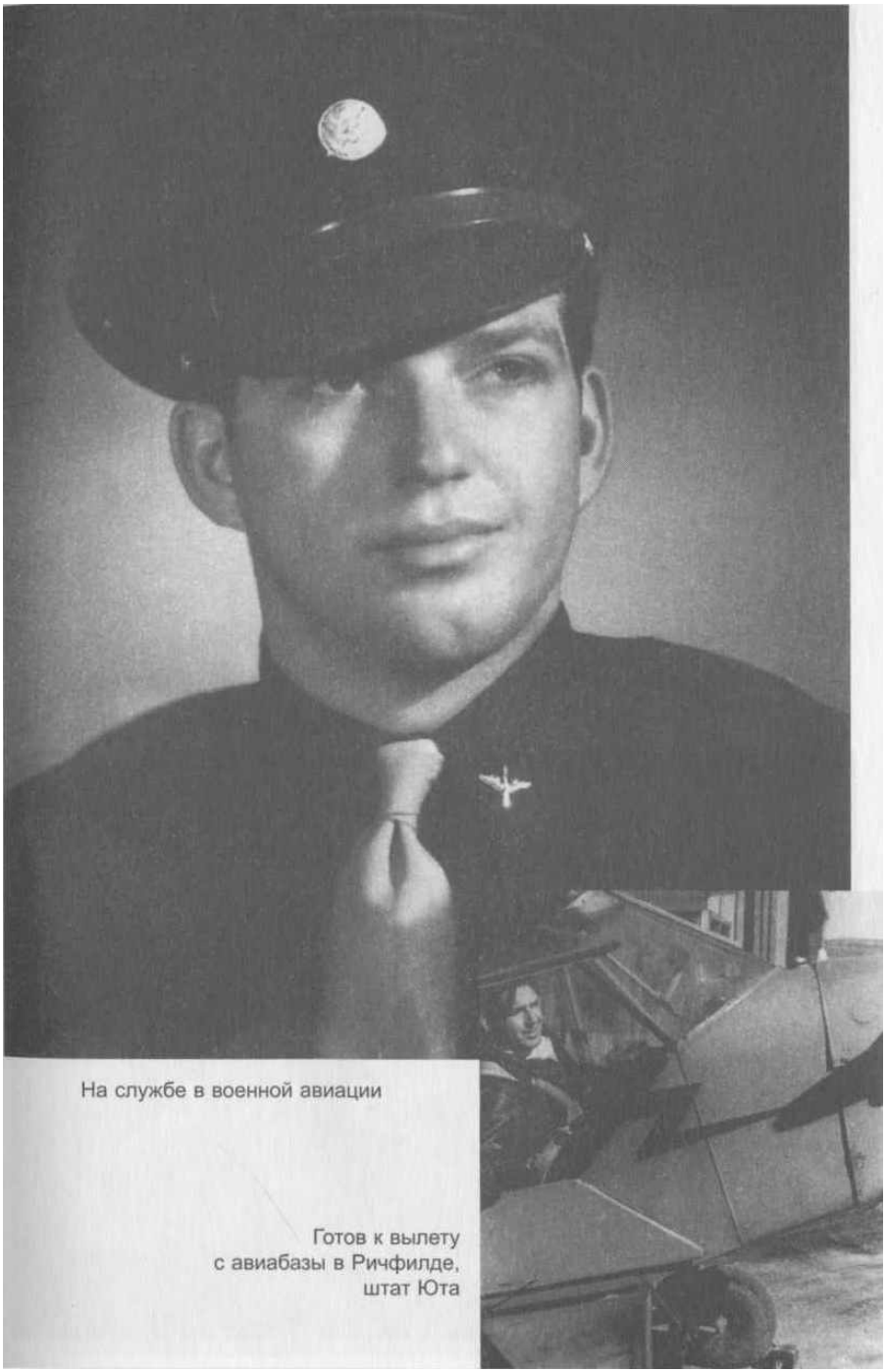


Гарри Шехтель, семейный советник

С Натали, Отто и братом Ричардом

Бен Робертс и я с Вирджинией Вейл и Роджером Прайором на съемочной площадке нашего первого фильма

С братом Ричардом в Чикаго



На службе в военной авиации

Готов к вылету
с авиабазы в Ричфилде,
штат Юта

Вечер награждения премией «Оскар». С Вэлом Дэвисом и Джорджем Мерфи

Фрэнк Синатра и Жюль Штайн на званом ужине в нашем доме

Обсуждение эпизода с Фредом Астером и Джуди Гарланд на съемочной площадке «Пасхального парада»

Бетти Хаттон готовится к съемкам эпизода в фильме «Энни, возьми ружье»

На съемочной площадке фильма «Богатый, молодой, красивый» с Даниель Даррье

На съемочной площадке фильма «Богатый, молодой, красивый» с Фернандо Ламасом, Даниель Даррье, Джейн Пауэлл и Виком Дамоне

Работа с Барри Салливаном над фильмом «Три парня по имени Майк»

С Джейн Уиман в фильме «Три парня по имени Майк»

У меня есть девушка! За мной и Джейн Уиман наблюдают Ван Джонсон, Барри Салливан и Говард Кил

За просмотром сценария «Только на этот раз» с Дженет Ли и Питером Лоуфордом

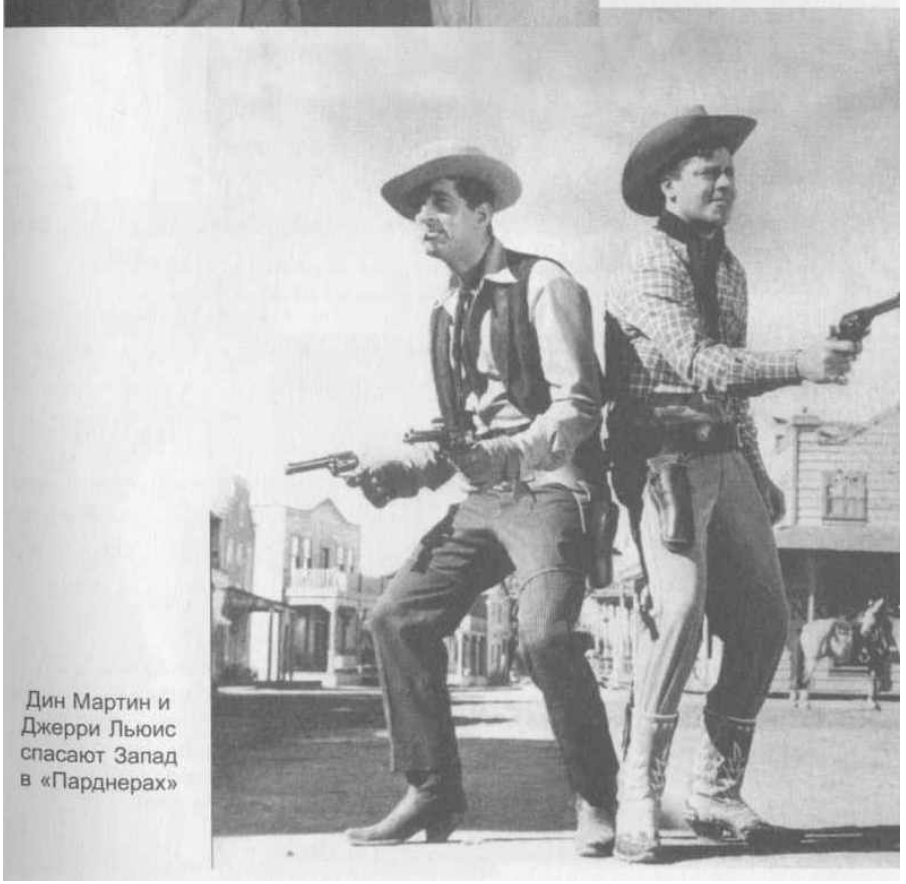
На съемочной площадке фильма «Жена его мечты». Мы с Деборой Керр восхищаемся музыкальными талантами Кэри Гранта

Бетта Сент-Джон развлекает меня и Дебору Керр на съемочной площадке фильма «Жена его мечты»

Обсуждение сценария «Жена его мечты» с Дором Шари и Кэри Грантом

С моей любимой дочерью Мэри

Джерри Льюис и я обсуждаем эпизод фильма «Нельзя быть слишком молодым» с режиссером Норманом Таурогом



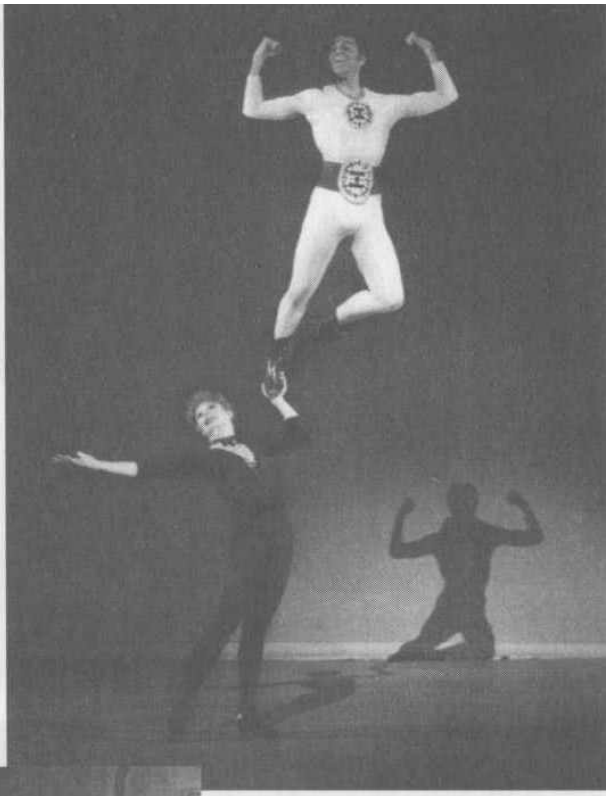
Дин Мартин и Джерри Льюис спасают Запад в «Парднерах»

С Джорджем Гобелом на велосипеде-тандеме

С актерским составом фильма «Все сойдет»: Доналд О'Коннор, Митци Гейнор, Зизи Жанмер и Бинг Кросби

Работа с Сесилом Б. Де Миллем на съемках «Истории Бастера Китона». Бастер Китон и Доналд О'Коннор наблюдают

Гвен Вердон была настоящей иллюзионисткой в фильме «Рыжая»



Роберт Стерлинг противится чарам Ингер Стивенс в бродвейском шоу «Римская свеча»

На съемочной площадке «Джамбо» с Дорис Дэй

Дружеская беседа с Пэтти Дьюк. Обсуждение сериала, который я создал для нее

Пэтти Дьюк с моей дочерью Мэри

Барбара Иден и Ларри Хагман затеяли очередную проделку в сериале «Я мечтаю о Джинни»

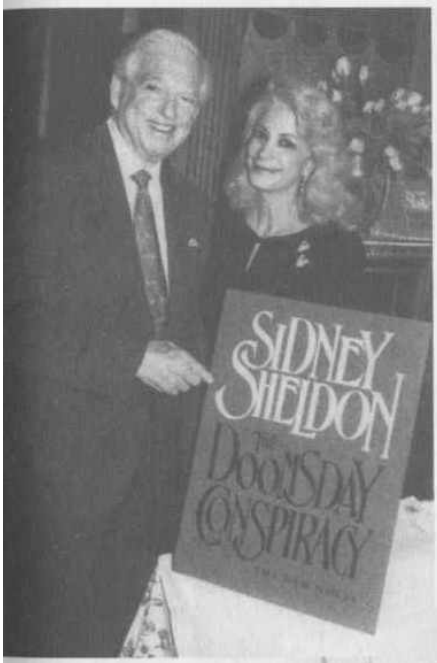
Джоджи в роли мадам Золта проводит сеанс магии в эпизоде сериала «Я мечтаю о Джинни»

Граучо Маркс
со мной и Джоджи

С Уолтером Маттау на
презентации первого романа
моей дочери Мэри

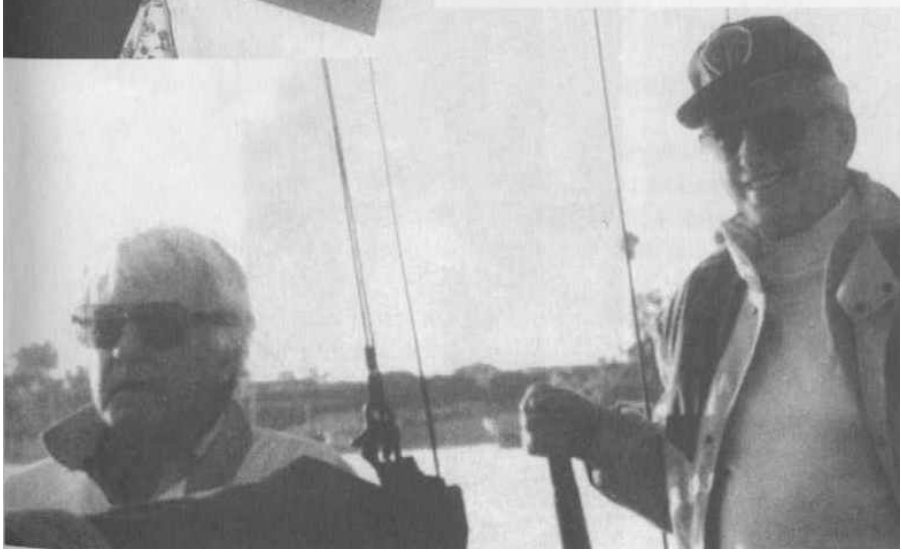
Роджер Мур
обсуждает
со мной
и Джоджи свою
роль в фильме
«Сорвать маску»

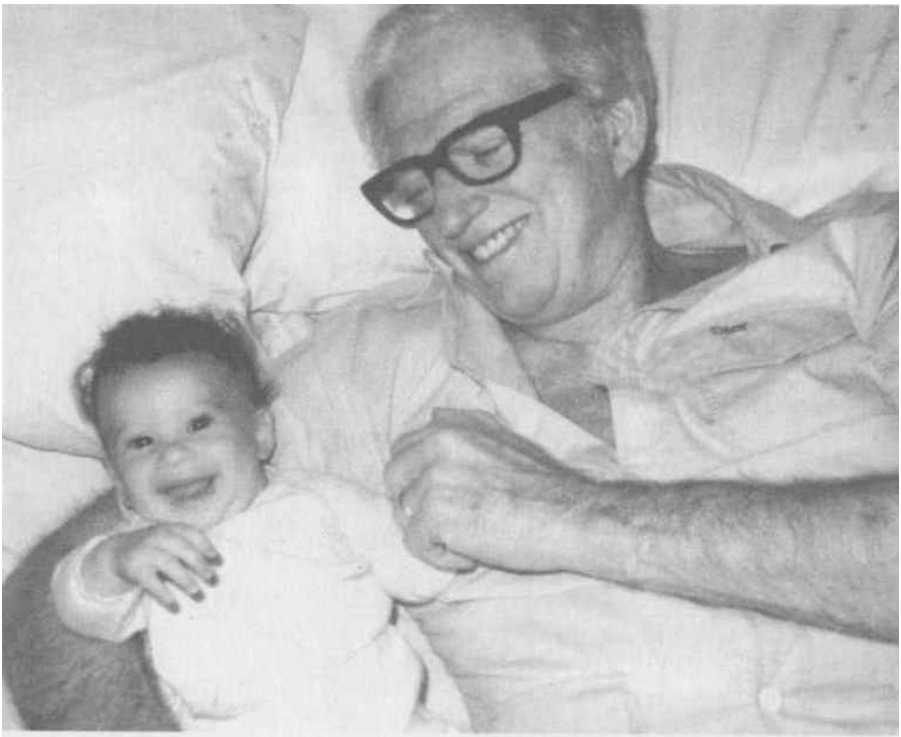
Вместе с Керком Дугласом



Мы с Александрой в «книжном турне». Представляем мою очередную книгу

Рыбалка с моим дорогим другом Бобом Ширрером





Со старшей внучкой Лиз

С внучкой Ребеккой и ее пушистым другом

notes

Примечания

1

Монета в пять центов *(жарг.). – Здесь и далее примеч. пер.*

2

В оригинале – Slavitka. Название явно искажено.

З

Советник *(ит.)*. Второй человек в мафиозной семье.

4

Братья Фрэнк и Джо Харди – персонажи серии приключенческих книг для юношества.

5

Герой серии романов для детей.

6

Клавишный инструмент, предшественник пианино.

7

Так называют деловой центр Чикаго.

8

Упомянуты известные американские актеры того времени.

9

Автор многих популярных песен: «Боже, благослови Америку», «Белое Рождество» и др.

10

Ассоциация молодых христиан.

11

Одна из крупных голливудских кинокомпаний в тридцатых – сороковых годах. На её счету такие фильмы, как «Кинг-Конг», «Гражданин Кейн», мюзиклы с Фредом Астером и Джинджер Роджерс.

12

Добровольное общество содействия ВВС. Образовано в 1941 г. в целях гражданской обороны, а в 1943 г. передано в ведение военного ведомства.

13

То есть отсутствие выбора. Выражение связано с именем Томаса Хобсона, жившего в Кембридже в XVII веке. Он владел конюшней и давал лошадей напрокат. У него было железное правило: клиент обязан взять ту лошадь, которая находилась ближе к выходу.

14

Длинный прыжок в балете.

15

Английский драматург, режиссер, композитор и актер.

16

Композитор, автор популярных песен и мюзиклов, среди которых знаменитый «Шоу-пароход».

17

Группа прогрессивных деятелей американского кино, подвергшихся преследованиям во время разгула маккартизма в 1947 г.

18

Один из наиболее уважаемых судей верховного суда США в 20-е гг. XX в.

19

Шоу известного актера-комика. Передача обычно начиналась длинной шутливой речью по поводу текущих событий, особенно политических.

20

Самый известный из семьи знаменитых комиков Маркс. Много лет вел на телевидении шоу «Ставка – жизнь».

21

Заключение контрактов на прокат нескольких фильмов, по списку, навязанному прокатчиком.

22

Картины, в которых главный персонаж или персонажи путешествуют по всей стране.

23

По аналогии с врагом народа номер один обозначение, часто употребляемое ФБР в тридцатых годах для человека, которого следует обезвредить в любом месте и в любое время.

Pardners – компаньоны, дружки *(англ., сленг.)*.

25

Драматург, автор комедий и киносценариев. Лауреат премии «Тони» и Пулитцеровской премии.

26

Так цыгане называют всех нецыган.

27

Десять центов.

28

Комиксы с продолжением, юмористическая полоса, помещаемая в газетах и журналах.

29

Актер театра и кино. Среди его фильмов значатся «Анатомия убийства», «Доктор Стрейнджлав», «Воспламеняющая взглядом», «Кино, кино» и др.